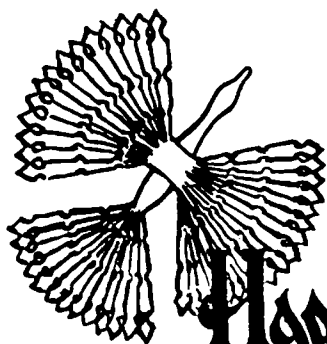

К-1282493

**Народная культура
Русского Севера**

Живая традиция

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

СЕВЕРОДВИНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
ЛАБОРАТОРИЯ ФОЛЬКЛОРА И ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА. ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

Материалы республиканской
научно-практической конференции (17–22 ноября 1996 г.).

Материалы региональной научной конференции,
посвященной 600-летию поморского села Нёнокса
(22–24 мая 1997 г.)

к 1282493
АРХАНГЕЛЬСК

Издательство Поморского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

1998

ФОЛЬКЛОР РУССКОГО СЕВЕРА

Ю. А. Новиков
(Вильнюс)

УНИФИКАЦИЯ ПЕЧОРСКОЙ БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ

Во вступительной статье к первому тому сборника «Былины Севера» А. М. Астахова отмечала: «Вопрос о причине репертуарных отличий — один из самых трудных в области изучения былевого эпоса, так как в значительной степени связан с историей колонизации, с социальным составом и со спецификой социально-экономических процессов на местах». Сходные мысли неоднократно высказывали и другие исследователи русского эпоса. При этом имеется в виду, что в эпоху освоения Европейского Севера и Сибири былинный эпос не был однородным как по своему сюжетному составу, так и по типам обработки общерусских сюжетов (а возможно, и по технике исполнения). Новгородцы культивировали одни эпические песни и их версии, жители Московской Руси — другие, поэтому очень важно учитывать, когда и откуда пришли первые русские поселенцы в тот или иной район, насколько мощной была первая волна колонистов, не перекрывалась ли она позднее массовой миграцией из других областей. Без учета таких данных вряд ли можно объяснить, почему обе былины о Василии Буслаеве, сюжеты «Хотен Блудович», «Соловей Будимирович» не фиксировались собирателями за пределами новгородских владений (исключение — сборник Кирши Данилова и два отрывка о детстве Василия Буслаева, записанные на Дону и в Восточной Сибири); почему былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» не известна севернорусской традиции, которая, по меткому выражению В. Ф. Миллера, знает Илью исключительно как «сухопутного» богатыря.

Однако не следует преувеличивать, а тем более абсолютизировать этот фактор и все особенности фольклорной традиции региона связывать только с историей его заселения, как это сделано, например, в монографии С. И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в.» (М., 1975). Север, Сибирь, казачьи районы — не кунсткамера, куда древние новгородцы или переселенцы из центра России «сдавали на хранение» свои эпические песни. На протяжении многих столетий здесь продолжались творческие процессы — одни былины постепенно исчезали из устного быто-

вания, другие выдвигались на первый план, подвергались существенным переделкам, обрастали новыми подробностями, что приводило к формированию оригинальных версий и редакций традиционных сюжетов. (В казачьей среде, например, в результате длительной эволюции некоторые былины превратились в хоровые походные песни). Только этим можно объяснить, что, несмотря на географическую близость, общность исторических судеб, сходство хозяйственно-бытового уклада, эпические традиции Мезени и Кулоя заметно отличаются друг от друга, в том числе и на уровне репертуаров. Оставим в стороне былины, записанные на Мезени в одном-двух вариантах, — их отсутствие в кулойских материалах не показательно, так как фольклористы обследовали этот район гораздо хуже, нежели соседний. Но здесь не были найдены и такие сюжеты, которые на Мезени записывались довольно часто («Илья Муромец и Идолище», «Козарин», «Соломан и Василий Окулович», «Добрыня и Василий Казимирович»); не было обнаружено «Исцеление Ильи Муромца», зафиксированное почти во всех районах бытования русского эпоса и даже в фольклоре соседних народов.

Маловероятно, чтобы предки мезенских и кулойских сказителей, переселившиеся на Север из древнего Новгорода, не знали так называемых новгородских былин. Между тем эпические песни о Василии Буслаеве (оба сюжета) и Хотене, распространенные на Мезени, не встретились собирателям на Кулое, а единственный вариант «Садко» записан от Е.Д.Садкова, который «считал своим долгом» знать эту былинку «ввиду носимой им фамилии» (Григорьев, 11, № 190). На Мезени лишь в 1971 г. записан прозаический пересказ третьей части сюжета — «Садко в подводном царстве»; связь этого текста с устной традицией проблематична. В композиционно-стилистическом плане варианты кулоян ближе всего к мезенским, однако отдельные сюжеты («Василий Игнатьевич и Батыга», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Добрыня и Маринка») тяготеют к печорской традиции, а некоторые содержат оригинальные мотивы и подробности, не встречающиеся в других регионах («Данило Ловчанин» с благополучной для героя развязкой).

Изучение былин из других областей России, неоднократно обследовавшихся собирателями и дающих богатый материал для диахронических сопоставлений, приводит к таким же результатам, свидетельствует о непрерывной эволюции региональных эпических традиций, о сложности и диалектической противоречивости этого процесса. Особенно показательны в этом плане исторические судьбы печорской былинной традиции.

Печорский край был заселен русскими в конце XV — начале XVI в.: среднее течение реки (Усть-Цильма) — новгородцами, а низовья (Пустозерск) — выходцами из Московской Руси. На это обстоятельство пер-

вым обратил внимание Н.Е.Ончуков, видя в нем главную причину существенных различий в эпических репертуарах, содержании и стиле былин, записанных им на Средней и Нижней Печоре. Резкое противопоставление эпических традиций усть-цилемов, потомков новгородских первопроходцев, и жителей понизовских деревень, унаследовавших духовную культуру московских «служилых людей», стало лейтмотивом вступительной статьи к «Печорским былинам» и других публикаций собирателя. Мнение Ончукова прочно вошло в научный обиход и, в сущности, стало общепризнанным (см., например, работы В.Г.Базанова, Н.П.Колпаковой, В.П.Аникина, С.И.Дмитриевой; да и А.М.Астахова с некоторыми оговорками неоднократно на него ссылались). Попробуем оспорить этот тезис или, по крайней мере, заронить зерно сомнения в его правомерности.

Обосновывая свою точку зрения, Н.Е.Ончуков привел два аргумента частного характера и один — более общего плана. «Одни и те же былины поются в той и другой волости (Усть-Цилемской и Пустозерской — Ю.Н.) различно, и это относится иногда к былинам распространеннейшим, например, женитьба Дуная. Кроме того, некоторые былины известны только в той или другой волости». В другом месте собиратель сослался на «старину про Луку Данилова, совершенно не известную в Пустозерской волости».

Частные утверждения Ончукова опровергаются без особого труда. После революции сюжет «Лука, змея и Настасья» дважды фиксировался на Печоре и оба раза именно в низовьях реки. Былина о Дунае в сборнике Ончукова представлена двумя вариантами — Д.Дуркина (№ 45 — Усть-Цилемская волость) и П.Маркова (№ 86 — Пустозерская волость); главное их отличие — отсутствие начальных эпизодов во втором тексте.

Новые записи, в частности прекрасный вариант И.Осташова в сборнике Н.П.Леонтьева (№ 1), позволяют утверждать, что этот сюжет на всей Печоре бытовал в одной редакции. Более того, выясняется, что начало былины Маркова Ончуков не записал сознательно, сославшись на его сходство с вариантом Дуркина.

Весьма уязвимым оказывается и заявление Ончукова о серьезных различиях в репертуарах и типах обработки былинных сюжетов на Средней и Нижней Печоре. Увлечшись противопоставлениями, собиратель прошел мимо многочисленных проявлений близости в текстах усть-цилемских и пустозерских сказителей. На результатах работы Ончукова, собирателя-одиночки, сказались неизбежные в таких случаях пропуски, элементы субъективизма в отборе материала для записи. (Он разминусь с целым рядом хороших певцов; отдавал предпочтение редким

сюжетам, порой фиксируя лишь небольшую часть репертуара сказителей. Например, от И. Торопова записана одна былина, не записано 12; от С. Хабарова записано 2 сюжета из 18). И тем не менее былинная Печора и в сборнике Ончукова предстает как единый регион, для которого характерна своеобразная и устойчивая в своих общих моментах эпическая традиция.

Следует отметить, что на общую оценку печорской традиции Ончуковым повлияли и объективные факторы. В фольклористике вообще и в эпосоведении в частности степень научной достоверности выводов в первую очередь зависит от количества изученного материала. В этом отношении современный исследователь, имеющий возможность оперировать тремя с лишним сотнями печорских былин, конечно же, находится в более выгодном положении, нежели Ончуков, который располагал только своими записями (около 70 вариантов). К тому же в своих суждениях он опирался не столько на анализ текстов, сколько на субъективные впечатления собирателя-первопроходца. Записи последних десятилетий позволили ликвидировать много «белых пятен» на эпической карте Печорского края и подтвердили тенденцию к унификации усть-цилемских и пустозерских былин. Обратимся к конкретным фактам.

У Ончукова были достаточно веские основания говорить о репертуарных различиях — в его сборнике из 40 сюжетов лишь 11 являются общими для всей Печоры, остальные 28 зафиксированы им либо в Усть-Цилемской, либо в Пустозерской волостях. Записи нового времени, особенно сборники Н. П. Леонтьева, обследовавшего прежде слабо изученные низовья Печоры, коренным образом меняют общую картину. Количество общих для всего региона сюжетов возросло почти в два с половиной раза — к 11 былинам ончуковского сборника добавилось еще 16: «Добрыня и Василий Казимирович», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Дюк», «Иван Гостиный сын», «Илья Муромец и Идолище», «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Калин», «Святогор и Илья», «Илья и Сокольник», «Наезд литовцев», «Лука, змея и Настасья», «Соломан и Василий Окулович», «Сорок калик», «Ставр», «Хотен Блудович».

В этих подсчетах не учитываются книжные по своему происхождению варианты «Добрыни и Настасьи», записанные как на Средней Печоре, так и в понизовье; усть-цилемские варианты «Добрыни и Алеши» и нижнепечорские былины «Василий Буслаев и новгородцы» и «Сухман». Привлечение этих текстов еще более сгладило бы репертуарные различия двух районов, но к устной по своим истокам традиции они не имеют отношения.

Сопоставление эпических репертуаров Средней и Нижней Печоры дает примерно такие же результаты, что и сопоставление мезенских записей с кулойскими. Из 42 сюжетов Мезенско-Кулойского края 24 (57 процентов) зафиксированы в обоих районах. На Печоре общих для всего региона былины ещё больше — около 68 процентов (27 из 40).

Важнейшим показателем унификации эпических традиций Средней и Нижней Печоры является бытование в обоих районах одних и тех же модификаций былинных сюжетов — в этом плане печорская традиция выглядит куда более единой, чем мезенская, прионежская или кенозерская. На Пудогге, например, зафиксировано от 3 до 6 версий и редакций некоторых сюжетов («Добрыня и Алеша», «Илья и Калин», «Ссора Ильи с Владимиром»), в Прионежье разные модификации одной и той же былины порой записывал в соседних деревнях от односельчан и даже от одного сказителя (Т.Рябинин, Ф.Конашков, И.Фофанов). Иная картина на Печоре. Лишь одна былина из 40 («Лука, змея и Настасья») бытовала в Усть-Цильме и в понизовье в разных редакциях. Но даже этот сюжет не столько разъединяет, сколько объединяет традиции обоих районов, ибо за пределами Печоры он собирателями не обнаружен.

Особенно много оригинальных элементов в таких былинах, как «Илья и Сокольник», «Добрыня и Василий Казимирович», «Иван Гостинный сын», «Добрыня и Маринка», «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим», «Садко», «Ставр», «Хотен Блудович». В обоих районах Печорского края записаны поздние былинные новообразования «Данило Борисович» и «Лука, змея и Настасья»; не исключено, что они восходят к общим источникам, поскольку не найдены в других областях России. В местной традиции необычайно высока степень унификации общепических формул (так называемых «общих мест») и постоянных формул, характерных лишь для одного сюжета (описания седлания коня, богатырской скачки, осмотра местности в подзорную трубу, поездки вражеского посла и его дерзкого поведения в Киеве; портрет красавицы, формула вражеской угрозы «лучшую силу в пень повырубить, худшую силу в полон взять» и др.).

По логике вещей ни на Печоре, ни в Мезенско-Кулойском крае такое положение не было изначальным. С учетом особенностей заселения естественно предположить, что расхождения между усть-цилемской (новгородской по происхождению) и пустозерской (московской) эпическими традициями в прошлом были гораздо значительнее, но в дальнейшем они постепенно нивелировались. Важнейшую роль в этом процессе сыграла Печора, которую местные жители величали «матушкой-кормилицей». На протяжении нескольких столетий она была для них и главной транспортной артерией, и постоянным местом работы,

объединяла весь этот обширный край в хозяйственном и культурном отношении, «перечеркивала» границу между уездами и волостями. Собиратели, и в первую очередь тот же Ончуков, отмечали, что в старое время былины звучали здесь не в деревнях, а на рыболовных промыслах, куда на долгие месяцы перебиралось чуть ли не все мужское население. Река-кормилица служила основным «трактом» и для охотников на морского зверя, для тех, кто по её притокам добывал пушнину и боровую дичь, для бурлаков, тянувших свою лямку на её берегах.

В сенокосную страду косари уплывали по Печоре на десятки верст от родных деревень, а в Усть-Цильме и пастухам приходилось месяцами жить вдаль от дома. На рыболовных промыслах создавались исключительно благоприятные условия для обучения сказыванию былин, расширения репертуара, постоянного взаимодействия и взаимообогащения эпических традиций соседних районов. Дело не только в том, что здесь встречались и подолгу трудились бок о бок жители разных деревень. Распространенное на Печоре хоровое (ансамблевое) исполнение былин исключало пассивное их восприятие — подтягивая признанному старинщику, слушатели включались в акт исполнения, запоминали сюжетный каркас произведения, основные мотивы и детали. Естественно, что наиболее популярные сюжеты бытовали в этих местах в одной единственной редакции, получившей всеобщее признание. Не удивительно, что на Печоре не получили развития семейные традиции. Слава о мастерах слова гремела на всю Печору. Об Иване Горенке собиратель услышал за 250 верст от его деревни, дважды приезжал к нему, но, к сожалению, так и не застал дома.

По имеющимся записям можно проследить, как уже в XX веке пижемский извод «Ильи и Сокольника» распространился по всей Печоре из нескольких деревень на одном из её притоков, как с той же Пижмы в Усть-Цильму занесли позднее былинное новообразование «Бутман». Не приходится сомневаться, что нечто подобное происходило и в предшествующие столетия, в пору расцвета былинной поэзии.

Отмеченные выше факторы оказывали определенное воздействие на эволюцию духовной культуры Мезенско-Кулойского края, что позволяет рассматривать его как единый фольклорный регион. Однако здесь в каждом районе была своя дорога в «океан-море», благодаря чему не менее четко обозначилась тенденция к обособлению эпических традиций. К тому же мезенские былины оказались гораздо более открытыми для внешних влияний: кулояне на морских промыслах общались в основном с жителями соседних поморских районов, а в текстах со средней и верхней Мезени обнаруживаются явные следы творческих контактов со сказителями средней Печоры и Пинеги. Совокупность этих

факторов, долговременность их действия привели к тому, что родственные по происхождению эпические традиции Мезени и Кулоя к началу собирательской деятельности, сохраняя немало общих черт, в значительной мере разошлись в своем развитии. В Печорском же регионе тенденция к унификации былинной традиции оказалась гораздо сильнее.

*А.В.Кулагина
(Москва)*

ПОЭТИКА ГОРОДСКИХ ПЕСЕН

Наблюдения и выводы, изложенные в докладе, сделаны на основе находящегося в печати сборника «Городские песни, баллады, романсы» (сост. А.В.Кулагина и Ф.М.Селиванов, 630 текстов) и сборника «Современная баллада и жестокий романс» (сост. С.Адоньева и Н.Герасимова, СПб, 1996, 283 текста) (отсылки в скобках даются по этому сборнику). Материалы этих сборников записаны в основном на Русском Севере (преимущественно в Архангельской и Вологодской областях).

Первые публикации песен литературного склада появились в конце XVIII — начале XIX в., а во второй половине XIX в. профессиональное литературное творчество стало оказывать все большее влияние на фольклор. Литературную форму приняли исторические, балладные, рекрутские, солдатские, разбойничьи, тюремные, ямщицкие, шуточные песни, духовные стихи, некоторые произведения обрядовой лирики, не говоря уже о большинстве любовных и семейных песен, составляющих самую многочисленную группу народной лирики.

В каждой из тематических групп можно выделить жанровые разновидности, тяготеющие к балладам (обладающим сюжетом), повествовательным песням (переходного типа, с сюжетной ситуацией) и романсам (любовным раздумьям). Таким образом, термин «жестокий романс» оказывается слишком широким для всех городских песен (так как вбирает в себя баллады и повествовательные песни), а «жестокий» — слишком узким для романса, который может быть посвящен не только жестоким страданиям и гибели влюбленных, но и передавать элегические или сентиментальные романтические чувства.

Термины «песня литературного склада (типа)» и «городская песня» можно признать равнозначными, но удобнее (короче) — «городская песня». Этот термин оправдывается и местом возникновения и распространения авторских литературных песен, и их тематикой.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что с течением времени городские песни перешли в сельский репертуар и неизвестные авторы вклю-

чились в процесс создания новых песен, ориентируясь на письменные формы поэзии. Не случайно, например, в болгарском репертуаре городских песен выделена большая группа «с признаками сельских песен» (это явление наблюдается и в наших песнях).

Три жанровые разновидности городских песен объединяет, как показали С.Б.Адоньева и Н.М.Герасимова, состав «морфологических единиц и их сочетание» (всего было выделено 26 функционально значимых мотивно-тематических единиц, определяющих «сюжетное устройство текста»). Правда, С.Б.Адоньева и Н.М.Герасимова не могут «развести» эти жанровые разновидности (критерием романса считая односоставные тексты, а трех- и более-составные относя к балладам). Думается, признаком лиричности считается прежде всего субъективность изображения и раскрытие чувств лирического героя, а эпичности — объективность изображения и наличие сюжета. Так, анализ трех-четырехсоставных текстов в сборнике названных составителей показал, что балладами многие из них не являются. Так что ограничиваться одним критерием: длиной морфологической цепочки — вряд ли целесообразно, хотя в качестве дополнительной аргументации эта «длина», несомненно, может быть учтена.

Сопоставление классических и новых баллад показывает, что в новых балладах сохраняется тематика, определяемая по характеру основного конфликта (исторические, семейные, любовные и социальные). В новых балладах преобладает любовная и семейная тематика, но по числу сюжетных реализаций явно доминируют любовные.

В городских песнях мы можем обнаружить практически все традиционные художественные средства фольклора, «втянутые» в новую стилистическую форму: повторы, троичность (с нарастанием), антитезы, разные виды параллелизмов, символические ситуации, предметы, персонажи (расплетенная коса, распявшееся колечко, угощение водой; милый — сокол; гора — горе и пр.). Используется в городских песнях и своеобразная «лестница чувств» (дом — подруга — изменщик или дорога — малютка — жена).

Метафора любви «жизнь сердца», характерная для необрядовых лирических песен и частушек, также часто употребляется в городских песнях.

Общеславянская метафора «смерть — свадьба» по-своему реализуется в городских песнях:

Без священного обряда
Повенчала нас Нева,
А венцы наши златые —
Гробовая мать-доска (115).

Близкие к языковому общефольклорные метафоры «счастье улете-ло», «краса увяла» и др. используются как в необрядовой лирике, так и в городских песнях. Гипербола «поток слез», свойственная лирическим песням и частушкам, часто используется и городскими песнями.

Можно привести примеры характерных для лирики сравнений, поэтическими образами в которых служат предметы быта, явления природы, представители фауны и флоры. Флоризм свойствен городским песням в значительной степени, но вряд ли можно согласиться с С.Б.Адоньевой и Н.М.Герасимовой в суждении о флоризме как специфическом свойстве городских песен. Для частушечных тропов флоризм характерен в еще большей степени (заметим, что в символических параллелизмах, как показало статистическое наблюдение, преобладают деревья и кустарники, а в сравнениях — цветы и травы, причем первенствующее место в частушечных сравнениях, как и в сравнениях городских песен, занимает роза и просто цветок). Специфика флоризма в необрядовой лирике еще не исследована, поэтому пока нельзя однозначно утверждать, насколько это явление традиционно.

В городских песнях можно обнаружить и оксюморон («Веселу песню пропою про участь горькую мою» — 158), и общее место баллад — захоронение среди трех дорог (50, 114), и балладный мотив руки, принесенной птицей (189, 190), и мотив предчувствия гибели (93), и образы чужой стороны (129), птицы, в которую хотела бы обратиться девушка, чтобы полететь к милому (159, 192), или птицы — вестницы несчастья (159, 192), птицы — угешительницы (54, 55), вплоть до минимальных единиц поэтической стереотипии, таких, как «печаль-горе» (149), «злодейка-судьба» (175), «горькое горе» (207), и пр.

Традиционная формульность необрядовой лирики проявляется в городских песнях в новом качестве. Так, из песни в песню кочуют словосочетания, строки, строфы, которые пристраиваются к существующим песням или к которым присоединяются вновь возникающие. Характерная для необрядовой лирики формула «девушка у реки», в которой Мальцев увидел семантическую связь с горем и даже смертью, в городских песнях превращается в формулу «девушка топится в реке (море, проруби)». Это общее место многих городских баллад и романсов. Эта формула может быть выражена по-разному: от одной строки «Я упаду на дно морское» (11) до развернутого (16 строк) эпизода.

Отмеченные в городских песнях традиционные художественные средства фольклора все же не оказывают решающего влияния на стилистику этих песен. Язык городских песен, испытавших воздействие лубочной литературы, отличается стремлением к вычурности и красавости, что в сочетании с просторечными и диалектными словами и оборота-

ми, устаревшими падежными формами, стяженными окончаниями местоимений и глаголов создает эклектическую картину и снижает художественный уровень тех или иных песен. Это позволило некоторым фольклористам говорить о пошлости и неполноценности городских песен. Заметим, что подобные издержки несут следы типологического сходства в фольклоре разных народов. Сравним хотя бы русские «сказка волшебного мира», «адские муки», «разбитые грезы», «безумная страсть», «цветок ароматный», «пламенная грудь», «лобзания жгучие», «счастья волшебные грезы» и болгарские «любовта е златен сън»(328), «вълшебния си лик» (336), «цялото море мойта страст» (326), «райски цвят» (321), «сън безценен»(324), «уста корални» (333), «рой сладостни мечти» (342), «струни сърдечни» или русские «тиран (злодей, обольститель) коварный, так иди же, иди, наслаждайся ты с ней, а меня позабудь» и болгарские «бягай, бягай, несчастный, аз не съм вече жива зарад теб» (335) (Български градски песни / Сост. Н.Кауфман, София, 1968).

Несмотря на встречающиеся курьезы, искажения и нелепости, которых не лишены и традиционные произведения фольклора, существуют и яркие, художественно совершенные варианты. Изучение феномена городских песен, их поэтики и места в русской национальной культуре только начинается. Полноценное их освоение наукой будет возможным после публикации хотя бы незначительной части тех богатств, которые хранятся в архивах. Городские песни — уникальное явление фольклора, позволяющее проследить судьбу текстов от известного первоисточника, что, в свою очередь, даст возможность раскрыть многие тайны процессов фольклорного словотворчества.

*О. Н. Вотинцева
(Северодвинск)*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сольвычегодский уезд Вологодской губернии в конце XIX — начале XX в. объединял более 20 волостей низовья реки Вычегды, на её притоке Виледи, а также в Верхней и Средней Северной Двине. По современному административно-территориальному делению — это Вилегодский, Котласский, частично Ленский, Красноборский, Верхнетоемский районы Архангельской области.

В настоящее время собран обширный материал, позволяющий сделать выводы о наличии в данной местности нескольких фольклорных традиций. Селения, расположенные около Сольвычегодска, сохраняют одну из таких традиций.

Источником настоящей работы являются материал, записанный со-трудниками Сольвычегодского историко-художественного музея в ходе фольклорных экспедиций 1990 — 1996 гг.

Основная задача выступления — дать характеристику современно-го состояния детского фольклора на территории бывшего Сольвыче-годского уезда и выявить некоторые жанрово-функциональные особен-ности бытующих фольклорных произведений.

Колыбельная песня — древнейший фольклорный жанр с устойчи-вой образно-поэтической системой. На территории бывшего Сольвыче-годского уезда широко распространены колыбельные песни с цент-ральными образами Буки, кота, гулей, волка, ребенка. Различны они были не только по тематике, но и по структуре. Можно выделить не-сколько групп колыбельных песен, отличающихся друг от друга по сте-пени сложности. Некоторые песни очень просты, состоят из несколь-ких анафорически повторяющихся сочетаний слов, ставших устойчи-выми формулами, которые могут переходить из одного произведения в другое. В них важны мелодия-напев.

Основную группу традиционных песен уезда составляют тексты, ус-ложненные введением в них исполнителем новых поэтических образов. Они представляют собой сложные в структурном и художественном от-ношении новообразования.

Устойчивость и традиционность форм — общепризнанное отличи-тельное свойство народного творчества. Но формы все же меняются, хотя и медленно, эволюционно. Качественные преобра-зования косну-лись и жанрового состава детского фольклора в Сольвычегодском уез-де. Эти изменения прежде всего связаны с тем, что колыбельная песня уходит из активного бытования, теряет свою традиционность. Количе-ство песен с устойчивым текстом уменьшается. Распространенными сей-час являются импровизированные песни, представляющие собой кон-таминацию различных по форме и содержанию текстов баек или их ча-стей.

Трансформация устойчивых мотивов колыбельной песни во многом объясняется особенностями поэтики данного жанра: напряженной ди-намикой содержания, наличием устойчивых поэтических формул, при помощи точного синтаксического повтора, которым исполнительница заполняет утраченные мотивы и сюжетные звенья песни. Часто рифмо-ванная концовка или зачин одного текста могут служить концовкой или зачином для другой песни.

Колыбельные песни с центральными древними антропоморфными образами Сна, Дремы, песни с формулой пожелания смерти редки. Про-исходит замена обрядовых символических реалий на бытовые.

Широко бытовали на территории бывшего Сольвычегодского уезда пестушки, потешки, заклички, приговорки, прибаутки, считалки, игровой фольклор.

Традиционные игры, став достоянием детей, как правило, упрощаются сюжетно, теряется или деформируется игровая припевка в них.

Повсеместно исчезают архаические произведения. Другие приспособляются к новому времени, дополняются актуальными элементами. Но бытуют и зафиксированные в свое время традиционные формы детского крестьянского фольклора, воспроизведенные по памяти представителями старших поколений.

*Т.Б.Дианова
(Москва)*

ТРАДИЦИОННАЯ ФОРМУЛА «КОРАБЛЬ В МОРЕ» В СОСТАВЕ НЕОБРЯДОВОЙ ЛИРИКИ РУССКОГО СЕВЕРА

Перспективы изучения народной лирической песни в последние годы заслуженно связывают с многоаспектными исследованиями её жанрово-стилевого канона. Обозначенный еще в трудах А.Н.Веселовского подход к исследованию традиционных формул как «нервных узлов», точек развития поэтической системы жанра нашел свое продолжение в работах современных исследователей (Г.И.Мальцева, З.И.Ерминой и др.).

Формула, концентрируя традиционные смыслы и обобщая формы их художественного воплощения, является сложным комплексом, единым с точки зрения семантики, прагматики, морфологии. Понимание сложной, многосоставной структуры традиционной формулы ведет к объяснению содержательного и конструктивного многообразия народной лирики, вскрытию механизмов её формирования и варьирования.

Один из начальных этапов этой работы — определение «границ» формулы, её статико-динамических составляющих и их конкретной реализации в вариантах текстов. Материалом для настоящей работы послужили лирические любовные песни Русского Севера, преимущественно тексты из классических собраний и архива МГУ. Объект нашего внимания — широко распространенная в любовной лирике формула «корабль на море» и изоморфный ей вариант «лодка на реке».

Статическая составляющая формулы, наименее подвергающаяся изменениям, представляет собой инвариантное ядро традиционных смыслов (исторически сложившееся и реализуемое в различных проявлениях культуры), проявляемое через систему опорных образов. Так, для формулы «корабль на море» семантической доминантой является

представление о браке как переправе на корабле (вариант более общей семантемы «брак-переправа»), а опорными образами — девица, молодец (по преимуществу персонажи песни) и корабль (лодка). Статическая составляющая создает «закрытость» системы и ограничивает набор правил её трансформации и воспроизведения.

Динамическая составляющая формулы возникает за счет относительного обособления компонентов смыслообразования в конкретных условиях поэтической системы жанра и многообразия вариантов художественной трактовки темы, а также выбора стилового оформления. Элементы динамической системы участвуют в актуализации содержания в соответствии с временными и локальными трансформациями.

В инвариантной структуре формулы через образы девицы и молодца актуализируются мотивы получения нового статуса в результате брака, а потенциальные грани образа корабля связаны с заложенной в нём идеей движения и реализуются через ряд динамических мотивов. Конкретные реализации формул составляют три группы.

1. Формулы, служащие описанию изначального статуса персонажа:

- «молодец приобретает корабль»;
- «молодец снастит корабль»;
- «молодец осматривает корабль»;
- «девица ожидает корабль»;
- «девица получает в подарок корабль»;
- «девица живет в комнате на корабле».

2. Формулы, служащие характеристикой «движения» свадьбы, заключения брака или перспектив его заключения:

- «молодец правит кораблем и руководит гребцами», «молодец-охотник стреляет с корабля по девице-птице», — в обоих случаях корабль движется по направлению к девице;
- «девица правит кораблем», «девица осматривает корабль» — в обоих случаях в корабле находится и молодец;
- «молодец предлагает девице или сойти с корабля, или выйти замуж»; «девушка решает, ступить ли ей на корабль»;
- «молодец уплывает на корабле от девицы — отказ от брака».

3. Формула является характеристикой видоизмененного статуса персонажа:

- «жених — из-за моря морянин, владелец кораблей»;
- «части корабля — новая семья девицы»:

«Вот черён кораб — твой-от батюшка,
Да белы паруса, грузны якори — твои братьца,
Часты лесенки — твои сестрицы,
Корабельщикек — богосуженный твой»

(ФЭ 1965. — Т. 7. — № 209. Онежский район Арханг. области).

Стилевое оформление формулы ограничивается набором поэтических приемов, в которых преобладают приемы ступенчатого сужения образов, описательно-перечислительные конструкции, развернутые метафорические сравнения.

В северных вариантах ярко выражен местный колорит, детализация формулы: подробные описания оснастки корабля, многообразие устных названий судов и водоемов («легонький стружок, раскрашенный новый карбосок»), «два кораблика да третья лодочка-кенозерочка», «да взял, нанял я да легонький да гольечок» и т.п.).

*В.Е.Добровольская
(Москва)*

ЗМЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

В настоящей работе мы рассмотрим характер и пути появления образа змея в русской волшебной сказке. При этом будем исходить из того, что: 1) характер сказочного персонажа раскрывается прежде всего в его взаимодействии с другими персонажами; тем самым главным источником для нас становится сказочный сюжет, задающий устойчивую систему этих взаимодействий; 2) главным чертам сказочного образа соответствуют устойчивые комплексы мифологических представлений (ниже мы попытаемся показать, что только на такой основе можно лучше всего объяснить эти черты), притом, однако, что какие-то признаки могут быть инновациями, привнесенными в эпоху распада и смешения мифологических представлений. Нашим материалом будут сказки, объединенные змеем как общим ключевым персонажем, постоянным для данного сюжета. Конкретно нами будут прослежены облик, локализация и функции сказочного змея.

Слово «змей» = «земляной» — обычный эвфемизм, позволяющий не называть животное его настоящим, табуированным именем (видимо, общиндоевропейское «язя- /яж-/ jedza-«, удержавшееся в северных русских диалектах); такой тип номинации указывает на изначальное присутствие персонажа в мифе, причем естественная ассоциация «змей--земля» обеспечивает связь мифологического змея с мифологической землей-преисподней, противостоящей небесным героям-космостроителям. Именно к этому архетипу, как увидим, восходит образ змея в русской волшебной сказке (уникальное подтверждение тому — сказка типа

АА-545В, где царь Змиулан прячется от царя Огня и царицы Маланьицы (= Молнии), уничтоживших его стада, в дупле дуба, — это прямой пересказ основного мифа индоевропейской мифологии).

Облик змея в русских (как и других индоевропейских) сказках характерен сложным напластованием элементов различного происхождения (многоглавость, образно выражающая гипертрофированную (многократную) силу змея и обнаруживающая тем самым свой вторичный характер; способность принимать полуантропоморфный вид всадника — чюда-юда многоглавого); неотъемлемые для сказочного змея крылья и способность летать (ср. с иноязычным материалом, часто приписывающим змею-дракону птичью или кошачью голову). Наделение змея последними чертами может быть объяснено, по нашему мнению, только происхождением сказочного змея от мифологического змееподобного земноводного противника небесно-солнечного героя, с последующей ассимиляцией черт последнего при распаде мифа за счет вероятного «перетекания» признаков в рамках четко оформленной и замкнутой ситуации единоборства. В самом деле, «не змеиные черты сказочного змея исконно принадлежат именно его мифологическим антагонистам (небесный, умеющий летать, герой-змеборец с постоянными птичьими атрибутами; птица Гаруда, сражающаяся с Нагами /инд./, литовский кот — змеборец; египетский Ра, в облике кота убивший змея Апопа, и т.д.; ср. и в русской сказке противник змея, обращающийся котом или породненный с ним («Иван Попялов»; «Иван — Кошкин сын»). Аналогично антропо-морфность змея в сказке (змей-всадник) должна сопоставляться с мифологическими полулюдьми-полузмеями (идентичный пример — Хрендель «Беовульфа») и выводиться из ассимиляции с антропо-морфным противником. Очевидно, и в многообразных связях сказочного змея с антагонистичной ему стихией огня (он «палит», «пышет» огнем и жаром, обращивается пламенем, сыплет искрами, часто так и называется «огненным»; огненной обычно называется и река, где происходит битва героя и змея) надо видеть присвоение змеем обычных огненных атрибутов противника — громовника.

Важнейшим идентифицирующим признаком персонажа является среда обитания. Для змея это прежде всего периферия, пограничье человеческого мира (мост, крыша, берег реки или моря), распадающееся на 4 группы локусов: лес, вода (море, озеро, река, колодец, ключ), горы (пещеры, подземелья, горные вершины), небо. Вода в мифологии изначально соотносится с докосмическим хаосом, и в этом качестве ассоциируемая со всевозможными враждебными космосу началами и существами, прежде всего именно со змеями; здесь обитают мировые змеи и водяные чудовища, сопротивляющиеся демиургу. В сказочном материале основным местопребыванием змея также является вода; именно у

воды змей осуществляет свою главную функцию, битву с героем (на берегу или мосту). Таким образом, именно локативная связь с водой должна быть признана для змея исконной, наиболее архаичной. Далее, в ряде текстов змей связан с горами (живет в скальной пещере (норе) или на вершине горы); ср. «Горыныч». В этом надо видеть прямую реминисценцию того же основного индоевропейского мифа, где поединок змея с громовником происходил у горы, причем громовник ассоциировался с вершиной горы, а змей — с подножьем (сказочное помещение его на вершину горы может быть как плодом частичной ассимиляции с антагонистом, так, скорее, и результатом самостоятельной эволюции образа в период ослабления мифа). Средой обитания змея является также лес (движение по лесу, жизнь в лесу, бой в лесу с героем); сравнение с тем же основным мифом позволяет считать, что лес здесь — это позднее образование, и первоначально змей жил под одним деревом (дубом), принадлежащим богу грозы. В белорусских сказках в самом деле действует Гром, «пьяруном» поражающий змея в дубе. С утратой представления о мировом древе единичное дерево автоматически должно было быть переосмыслено как лес, и без того ощущаемый как средоточие враждебных человеку сил. Наконец, Небо служит только местопребыванием змея, причем сравнительно редко. Это соотношение, несомненно, неотделимо от соотношения змей — птица, механизм которого был объяснен выше. Таким образом, в облике и локализации змея четко выделяются два пласта признаков: один, соответствующий его изначальной водно-земной хтонической природе, враждебной силам «вверх», и второй, более поздний, включающий черты существа противоположной, огненно-воздушной природы, унаследованные змеем по ассимиляции со своим антагонистом при распаде мифологической структуры, причем для того или иного конкретного сказочного образа названные черты могли даже становиться главными, полностью оттесняя исконные («огненный змей» восточнославянской мифологии, нашедший отражение в русских заговорах, былинах и преданиях); но и здесь вторичность этих черт сказалась в относительной нераспространенности и принципиальном снижении мифологического уровня самих таких образов.

Рассмотрим функции сказочного змея:

1. Главная из них — противостояние герою — находит точную параллель в мотивах основного мифа индоевропейцев.
2. Змей — похититель (солнца, других светил, воды и девушек).
3. Охранитель границы иного мира — реки, которую нельзя перейти, не убив его (змееборство на мосту).
4. Людоед, разоряющий родину героя, пожирающий вообще всех,

или, конкретно, «человека за один раз/день», часто регулярно выдаваемого змею самими обитателями края (в том числе иногда «в жены»). Напрашивающийся источник — женское жертвоприношение змеевидному духу (плодородия?), оформленное как сакральный брак.

5. Пожиратель птенцов гигантской птицы, Конхта или волшебного орла («Три подземных царства»).

6. Любовник — персонаж периферийных сюжетов (летающий к девушке против ее воли Огненный змей — сосет у женщины грудь, чем «сушит и крушит» их) или по ее согласию (помогает ей извести героя-мужа).

7. Змей — обладатель сокровищ (волшебного коня и т.д.). Ср. с Фафниром или драконом — противником Ясона. Сокровище несет знак иного мира (золотое) и отстаивается змеем от героя, что позволяет возвести и эту функцию к мотивам основного мифа.

8. Змей/змея — помощница героя, обитающая в лесу и наделяющая героя свойством понимать язык животных и выступающая тем самым как своего рода звериная хозяйка; сравнение с Бабой-Ягой — существом змеиной природы, хозяйки леса, знающей язык зверей.

9. Змеиха, преследующая героя, чтобы отомстить за убитых родителей, — производный персонаж с принципиально вспомогательной ролью.

10. Змей, запряженный героем в плуг и утопленный в море. Сравнение с эпосами о Краке (польск.) и Дойчине (сербск.), а также с данными белорусской этнографии показывает, что здесь отражен обряд вызывания дождя запахиванием дорог и убийством змеи.

11. Змеиха в кузнице, побеждаемая героем с помощью чудесных кузнецов. Во многих мифологиях мира кузнец является персонажем, наделенным сверхъестественной созидательной силой, связанной с огнем, и выступающим в роли помощника громовержца (или даже подменяющим его) именно в поединке с чудовищем-змеем, соотносимым, напротив, с водой.

Итак, мы установили, что различные черты змея восходят к разным мифологическим образам. С целью четкого вычленения этих образов сведем все полученные нами данные в таблицу, где с каждой функцией змея будут сопоставлены основные признаки змея-носителя; функции чисто сюжетного характера опускаются. Существенные различия в наборе признаков будут расцениваться, как указания на различное происхождение змеев-носителей. В результате змея-помощница не имеет никаких общих признаков с остальными персонажами. Вероятный прототип — индоевропейская тератоморфная хозяйка леса. Далее, можно

заметить, что из оставшихся персонажей только змей — пожиратель птенцов не имеет огненно — воздушных признаков. Сюжетная роль (не является антагонистом героя, вообще не вовлечен активно в действие сказки) также ставит его особняком; специфическая мифологическая параллель подтверждает это обособление. Все это позволяет нам выделить еще один источник формирования образа — индоевропейского змея — противника птиц, максимально приближенного к облику реальной змеи (что, вероятно, и обусловило его второстепенный характер). Из оставшихся персонажей с первого взгляда выделяется змей — сексуальный партнер, по отсутствию какой бы то ни было локализации. Огненно-воздушные признаки его также резко ослаблены (ограничиваются именем); антагонистом героя он не является. Мы выделяем его в особый образ с прототипом — низшим тератоморфным демоном бесплодия и смерти (он же, очевидно, помогает убить героя). По наличию четко очерченной мифологической параллели легко выделяется змей — охранитель границ. Прототип — индоевропейское тератоморфное чудовище, охраняющее загробный мир. Не исключено, что этот образ, в свою очередь, восходит к представлению о мировом змее, свернувшимся кольцом в океане и ограничивающем тем самым «иной» мир, находящийся как раз за этим океаном.

По различию и сходству в наборах признаков на основе остающегося материала можно предварительно выделить следующие образы: водный змей (в плуге и похититель вод), связанный с плодородием; горный змей — владелец сокровищ; горный змей — людоед; горно-водный змей — похититель светил; борец с героем, мифологическими параллелями надежно возводимый к тератоморфному протагонисту основного мифа индоевропейцев. Те же параллели (например, функция плодородия у Велеса) позволяют отождествить первый и последний персонажи. Проверим и разовьем наши выводы при помощи другой методики, исходящей из степени взаимной сочетаемости функций между собой в рамках одного сюжета; если мы сможем выделить отдельные группы взаимосочетающихся функций, то такие группы можно будет надежно сопоставить с отдельными прототипами для каждой из них. По итогам этой работы мы получаем четыре группы функций: сексуальный партнер, змея — помощница, пожиратель птенцов, и все остальные, группирующиеся вокруг функции антагониста.

Такая картина, на наш взгляд, окончательно подкрепляет следующие выводы: изначально существует пять мифологических источников сказочного змея: змея — хозяйка леса, демон бесплодия, змей — враг птицы, кольцеобразный змей — охранитель границ и змей — протагонист основного мифа (в сказке — антагонист героя). С течением времени четвертый змей был почти полностью вытеснен пятым, удержавшим

однако его функцию, а сам этот пятый, в свою очередь, в силу особой важности и полифункциональности своего первоначального образа, смог дать несколько отдельных, хотя и взаимосвязанных как сочетаемостью функций, так и сходством признаков (горно-водная локализация, ярко выраженная огненно-воздушная природа) образов, объединенных по-прежнему главным для всех них мотивом борьбы с героем, и представляющим собой реминисценцию основного мифа.

*Н.В.Дранникова
(Северодвинск - Архангельск)*

КОРРЕЛЯЦИЯ ПЯСОВОЙ ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ КАК ОДНОЙ ИЗ ЕЕ ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ

Глубокая органическая связь существует между плясовыми песнями и частушками. На преемственность их поэтики и ритма указывали Е.Н.Елеонская, И.Я. Львов, Е.В.Гиппиус, З.И.Власова. Но проблема не получила достаточного освещения и нуждается в дальнейшей разработке.

До сих пор нерешенным остается вопрос о том, является ли плясовая песня отдельным жанром или же внутрижанровой разновидностью лирической песни. Мы будем считать плясовую песню отдельным жанром. Главный критерий, позволяющий сделать вывод о существовании жанра плясовой песни, — это преобладающая в ней и обособляющая её от других песен функция ритмической музыки.

Очевидно то, что плясовая песня сыграла важную роль в жанрообразовании частушки. Это подтверждается тем фактом, что первые публикаторы и исследователи народной поэзии зачастую не различали частушки с короткими плясовыми песнями.

В ранних частушечных коллекциях встречаются текстуальные совпадения с плясовыми песнями. Главным образом, эти эволюционировала происходили из наборных песен. Сама структура таких песен — потенциальная предтеча жанра частушки. В частушку переходят сегменты песен, зачины, динамические основы отдельных образов.

Генезис плясовой частушки является составной частью единого процесса жанрообразования частушки. Плясовая частушка эволюционировала. Первые ее записи представляют собою шести- семистроичник, во многом совпадающий по содержанию с плясовой песней. С течением времени песня и частушка расходятся в содержательном плане, сохраняя при этом функциональную общность.

Частушка теряет условность плясовой песни: в ее содержании начинает доминировать сам мотив пляски. В плясовых песнях текст вторичен. Мотив передается через структуру произведения. В частушке происходит реализация мотива в тексте. Большинство частушек, отнесенных в разряд плясовых, касаются на содержательном уровне пляски. Нами выделено четыре тематических комплекса.

1. Частушки о пляске («Пойду плясать...», «Топни нога...» и др.).
2. Вечериночные (исполняющиеся во время пляски).
3. Частушки с ситуациями вольного поведения человека
4. Иронические характеристики парня, девушки, супостатки.

Основная функция плясовых жанров — функция ритмической музыки. В протяжных песнях ритм не играет решающей роли. В корпусе плясовой поэзии ритм организует структуру произведения, поэтическую систему, а в частушках ему соответствует текст. Ритм создает сочетание взаимно соразмерных стихов.

Мелодическая основа плясовых песен не разработана и отличается однообразием. Чем проще была мелодия в народной лирике, тем ритмичнее был организован текст. На Севере сохранилась идентичность исполнения плясовых песен и частушек. Информаторы до сих пор выделяют в особые группы «протяжные» и «плясовые» частушки.

Ритм кратких народных изречений был исследован И.И. Вознесенским (Вознесенский И.И. О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, поговорок, загадок, присказок и др. — Кострома, 1908). На разработанную им схему, по нашим наблюдениям, ложится ритм плясовой частушки.

Стих плясовой частушки акцентный. Роль ритмических средств особенно велика в акцентном стихе. Ритм находил выражение в различного рода параллелизме, который, как указывает Р.Якобсон, лежит в основе народной поэзии и может иметь грамматическую, формальную и синтаксическую среду (Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. — М., 1987. — С. 107).

Формальное проявление параллелизма — парная рифма, уходящая своими корнями в глубокую древность. Парная рифма, как самая простая и элементарная, обладала ярко выраженной ритмообразующей функцией и, по проведенным нами статистическим исследованиям, была характерна как для ранней, так и для поздней плясовой поэзии.

В плясовой поэзии сильнее, чем в других видах лирической поэзии, выражено стремление к омотонии — равноударности.

Парная рифма может быть сквозной: пронизывать насквозь частушку. При отсутствии точной рифмы в плясовых частушках наблюдается тенденция, хотя бы отдаленного созвучия клаузул.

Исследуя специфику и эволюцию народной рифмы, мы опирались на методику анализа, предложенную Ф.М.Селивановым (Селиванов Ф.М. Эволюция способов рифмовки в частушках // Фольклор: Поэтика и традиция. — М., 1982. — С. 140 — 161). Как показали результаты нашего исследования, парная рифма доминирует в плясовых песнях, а позднее — в плясовых частушках. В остальных частушечных разновидностях парная рифма занимает последнее место.

Отмечая особенности эволюции жанра частушки, Ф.М.Селиванов отмечал, что при зарождении частушка претендовала на рифмовку «а-в-с-в». Наблюдение Ф.М.Селиванова подтверждает нашу мысль о том, что генезис рифмы в плясовой частушке стоит в стороне от указанных процессов и позволяет выделить плясовую частушку в отдельную жанровую разновидность. Проведенный нами анализ свидетельствует о хронологическом падении парной рифмы и, следовательно, говорит о ее древности.

Преобладание парной рифмы «а-а-в-в» как в плясовой песне, так и в плясовой частушке — одно из важнейших доказательств их исторической связи.

Способ организации материала в плясовом творчестве упрощен и отвечает функции ритмической музыки, аксессуар поэтических деталей не разработан. Одновременно плясовая поэзия отличается мелодической неразвитостью. На связь лиризма и распевности обратил внимание И.И.Земцовский (Земцовский И.И. Русская протяжная песня: Опыт исследования. — Л.: Музыка, 1967. — С. 195). Отсутствие одного ведет к отсутствию другого.

Выше обращалось внимание на существование в народной поэзии наборных песен, состоящих из не связанных друг с другом по смыслу фрагментов. В корпусе плясовых песен они составляют примерно половину текстов и считаются более древними по происхождению (Земцовский И.И. Русская протяжная песня. — С. 27). В частушке количество несвязанных текстов падает и составляет одну десятую часть. Но, сохраняясь в качестве композиционного приема, подчеркивает генетическую близость рассматриваемых жанров.

Таким образом, между плясовой песней и плясовой частушкой существует глубокая внутренняя связь. Ее существование доказывается единой для них функцией ритмической музыки, которой соответствует структура произведения, система метрических и поэтических средств. В частушку переходят отдельные фрагменты плясовых песен. В дальнейшем содержательный компонент песен и частушек расходится. В тексте частушки происходит реализация самого мотива пляски, который в песне присутствует имплицитно.

КЛЕЙМА И НАДПИСИ НА БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ ПОМОРЬЯ

Известно, что еще с древних времен разные народы употребляли специальные знаки для обозначения общности людей (родовые, общинные, дворовые) и отдельных индивидуумов (личные). Эти знаки выполняли определенные общественные функции, являлись опознавательноп-правовыми. Функцию знака собственности они стали выполнять с установлением права частной собственности в феодальном обществе.

Названия таких знаков у разных народов было различным. В странах Западной Европы — «хаусмарки» и «хофмарки» (домовые и дворовые знаки). В Древней Руси — «пятно», «тавро» для пометки лошадей, «знамена» вырубались и вырезались на бортных деревьях, промысловых снаряжениях, на границах лесных участков. В XIX веке в России знаки собственности получили наибольшее распространение на Севере. Здесь они назывались «пятна», «знамена», «метки» или «отметки», «клейма».

До широкого распространения грамотности дворовые, домовые личные знаки, начертанные или вырезанные, как в странах Западной Европы, так и в России имели геометрический характер и состояли в основном из прямых и ломаных линий. Геометрические знаки широко применялись не только в средние века, но и в Новое время вплоть до XIX в. С распространением грамотности личные геометрические знаки заменяются на буквенные.

У народов, занимающихся промыслами в приполярной и арктической зоне, обычай отмечать знаками собственности добычу, промысловую снасть и орудия труда был наиболее распространен. В Русском Поморье они сохраняются до тридцатых-сороковых годов XX в., до тех пор, пока существовал кустарный промысел. Необходимость таких знаков собственности диктовалась суровыми условиями промысла, когда из-за непогоды или других причин приходилось бросать добычу и промысловую снасть посреди моря. Свидетельством этого являются письма-заявления поморских промышленников в уездную полицейскую управу с указанием клейм и имен их владельцев и просьбой «учинить розыск», хранящиеся в Госрхиве Архангельской области.

В конце XIX — начале XX в. клейма поморских промышленников делались в виде монограммы, составленной из начальных букв имени, отчества (могло пропускаться), фамилии. Их графическое изображение

напоминает геометрические знаки, составленные из ломаных и пересекающихся линий.

Знаки собственности на бытовых предметах, инструментах и орудиях труда, не связанных с промыслом, в том числе принадлежащих женщинам, чаще всего представляли собой нанесенные в строгой последовательности начальные буквы имени, отчества (могло пропускаться) и фамилии владельца.

Другой функцией личных знаков являлась авторская — клеймо мастера. В средние века для ремесленников обязательное использование личных знаков на своих изделиях требовалось обществом. По этому знаку определяли мастера недоброкачественного товара. Позднее мотив постановления мастером личного авторского знака на свое изделие — это ограждение своей репутации.

В Поморье, в отличие от других районов России, производство деревянных бытовых предметов не было промыслом, оно развивалось на уровне домашнего ремесла. Обычай же ставить свое клеймо, подписывать свое имя, дату был более распространен. Многие деревянные предметы, предназначенные в подарок, изготавливались во время промысла, в часы досуга. Посвятительные надписи, сделанные поморами на своих подарках, носят черты поэтической одухотворенности.

Подробные и обстоятельные надписи с фиксацией полного имени мастера, времени, места и обстоятельств, при которых был сделан предмет, часто встречаются на ящичках для хранения сапожного инструмента, изготовленных промышленниками для себя. Надписи на них — это своеобразный документ своего времени. Они также свидетельствуют и об определенных чертах характера поморов. Это способность к созерцательности, отстраненность от событий внешней жизни, взгляд как бы со стороны на происходящее и одновременно стремление оставить весточку о себе в этом мире. Каждая надпись — это как бы последняя страница в дневнике помора.

*Ю.А.Крашенинникова
(Сыктывкар)*

ПРИГОВОР СВАДЕБНОГО ДРУЖКИ ВИЛЕГОДСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе фольклорных экспедиций в Вилегодском районе Архангельской области Сыктывкарского университета (1986-1991 гг.) и Коми научного центра (1996 г.) было записано около 70 текстов и фрагментов свадебного приговора дружки, забытого на сегодняшний день жанра.

Этнографические сведения о дружке в Вилегодском районе отрывочны, информанты редко вспоминают об обязанностях этого чина на

свадьбе. На Виледи дружка был с помощником или двумя, старший читал приговоры. Дружки готовили свадебный поезд жениха, на блюде подносили подарки невесте, расчищали дорогу к церкви. Особо информантами отмечается момент прибытия свадебного поезда к дому невесты и действия дружки у закрытых дверей. Следует отметить, что информанты на Виледи уже практически не вспоминают, из кого выбирался дружка; чаще всего говорили, что «любой может быть дружкой. Надо, чтоб язык подвешен был...» Несмотря на скудность сведений, по самим приговорам на основе сравнительно-типологического анализа можно восстановить ход той части свадьбы, в которой исполнялся приговор.

Все действия, выполняемые дружкой, можно условно разделить на три временных периода, каждый из которых имеет свои конкретные задачи и представляет из себя замкнутый круг действий для выполнения этих задач (Торопова А.В. Наговор дружки в поэтической системе свадебного фольклора. — Л., 1974); каждый период выражен словесной тирадой (композиционной частью общего приговора), состоящей из определенного набора поэтических формул и мотивов.

Первый временной период происходит в доме жениха: дружка описывает подготовку свадебного поезда и его отъезд со двора жениха. В него входят «благословение жениху и дружкам», тексты, произносимые за столом в доме жениха и сопровождающие отъезд свадебного поезда. Второй период проходит в доме невесты. Дружкой произносятся приговоры или диалоги у закрытых дверей, на крыльце, на пороге, в доме и итогом этого периода является венчание жениха и невесты. Главная задача третьего временного периода заключается в принятии молодой в новую семью и в примирении двух родов, которое происходит в доме жениха.

Опираясь на «типичную структуру» (термин предложен Ю.А.Новиковым) вилегодского приговора, можно выделить следующие элементы его архитектоники. Зачином служит просьба к родителям и поезжанам «благословить жениха и дружек». Далее следует описание действий в доме жениха и подготовки свадебного поезда. Обычно дружка описывает сборы в дорогу от своего имени; в вилегодском приговоре это описание идет от лица князя-жениха. Интересен приговор, в котором дружка спрашивает родителей жениха о том, как ехать свадебному поезду и тем самым решает функцию заручения поддержкой женихова рода через вопрос о поведении поезжан при встрече с кем-нибудь в дороге. Также в первый композиционный блок мы включаем приговор, которым дружка проверяет готовность поезда посредством мотива-обращения к поезжанам. Таким образом, можно сказать, что приговоры,

приносимые дружкой в доме жениха до отправления за невестой, почти не сохранились. Нами записаны этнографические сведения о том, что дружка заговаривал поезд жениха от «порчи», хотя тексты их не зафиксированы; то же самое можно сказать и о приговорах, произносимых дружкой за столом в доме у жениха.

Второй композиционный блок отличается наибольшей сохранностью приговоров и представлен почти всеми традиционными мотивами и формулами; кроме того, следует заметить, что тексты, в которых отразились черты местной вилегодской традиции, относятся именно ко второму композиционному блоку. В этой части приговора дружка комментирует свои действия на крыльце, на пороге, в доме невесты. Оповещение невесты и ее родни о прибытии свадебного поезда представлено мотивом последовательного преодоления дружкой символических препятствий на пути к невесте (крыльцо, лестница, ворота, запоры) или выкупа каждого препятствия дружкой (например, выкуп каждой ступени крыльца или выкуп с мотивом угрозы всему дому невесты). Задача найти дорогу жениху к невесте решается через мотив-вопрос: «В какие двери стукаться?».

Ситуация преодоления невестинной обороны в разных вариантах может разрешаться различными способами, которым соответствуют поэтические мотивы угрозы-нахваливания князя-жениха, а также мотивами дороги и погони по «куньему следу», мотивом встречи поезда на рощах с Николаем-Угодником / Пресвятой Богородицей, игрой в загадки с целью открыть дверь дома невесты. Этот блок приговоров интересен тем, что наиболее важным сюжетным мотивом при этом является мотив дороги (исполнители, как правило, чаще всего его воспроизводят, и он имеет наибольшее число вариантов). Можно выделить 4 основных мотива.

1. Описание дороги без конечного пункта («Ехали-поехали, попал нам волок: Не велик, не долог — сорок елок»).

2. Описание дороги с конечным пунктом («Мы ехали темными лесами, черными грязями, чистыми полями, зелеными лугами. Доехали до деревни. Деревня как город, изба как терем»). Сюда же мы относим мотив дороги, который построен на вопросе о правильном поиске конечного пункта, не получивший формы развернутого действия («Тот ли дом, тот ли терем, где молодая княгиня живет?»).

3. Мотив дороги с самостоятельным сюжетом встречи поезда на рощах с Николаем-Угодником/Пресвятой Богородицей и просьбы о защите в дороге и благословении. Отметим, что приговор с подобным мотивом больше нигде нами не записан.

4. Мотив дороги с рассказом о «погоне по куньему следу». Все тексты приговоров с мотивом «куньего следа» описательного характера; мотив «куньего следа» не развернут: нет традиционного прямого противопоставления «куница-девица».

При описании дома невесты ключевым моментом является переход дружки (и тем самым расчищение дороги жениху и всему свадебному поезду) через порог, символизирующий собой наиболее важный момент свадебного действия предвечной части. Тексты с мотивом перехода через порог также имеют широкое распространение. Далее мы выделяем блок текстов, в которых дружка комментирует свои действия в доме: открывает двери и заходит в «тепло-гренье», приветствует невесту, ее родню и гостей (посредством поэтического мотива челобитья-приветствия), охраняет себя и жениха от «порчи» и посредством юмористических мотивов осмеяния присутствующих.

Далее следует блок приговоров с просьбой дружки хорошо принять жениха и свадебный поезд (основной мотив — требование корма лошадям, хорошего отношения к поезжанам и угроза дому невесты).

Следует выделить приговоры, которые посвящены передаче подарков от жениха: просьба о подаче «тарелочек», поиск невесты в доме, вручение подарков невесте от жениха, просьба о дорожке к невесте и оценивание «отдарочков» — невестиных даров для поезжан (мотив «похвалы-хуления» невесты).

Интересны приговоры, которыми дружка описывает жениха и невесту: все эти тексты имеют эротическое содержание. Как правило, князя-жениха дружка хвалит; описание же невесты в приговорах, как и в песенных жанрах свадьбы, двух типов (похвала и хуление). Оба типа в вилегодских приговорах присутствуют.

Мотивом-просьбой о благословении жениха и невесты на брак заканчивается второй композиционный блок приговора. Некоторые действия в вилегодской свадьбе выполняются не приговорами, а свадебными песнями. Например, песни «Вдоль да вдоль по лавице, да поперек по скамеице...», «Покатилися саночки, (да) покатилися новые...» замещают приговор, с которым дружка выводит невесту и вручает жениху. Песней «На улице дождь идет, на мосту-то роса падет...» вызывают на дарение родственников жениха.

Третий композиционный блок приговора дружки — прием «молодой» в род жениха — совсем скудно представлен приговорами. По всей видимости, роль дружки в доме жениха ослабевает, уходит на «второй план». На дружку возлагается обязанность отвести молодых на подклет (на это указывают этнографические сведения). Своеобразным мотивом, заключающим сюжетную композицию вилегодского приговора

дружки, является вынос «чести» (свиной головы), оповещающий о целомудрии невесты. Также записаны фрагменты приговоров, произносимых дружкой за свадебным столом.

*С.М.Лойтер
(Петрозаводск)*

ОБ ОДНОМ МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МОТИВЕ (ВОДА) В ТРАДИЦИОННОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Традиционный детский фольклор, известный нам по записям со второй половины XIX и XX в., являет собой самостоятельную и самобытную область народной культуры, а точнее поэтического творчества. Это в основе своей сфера художественная. Игра, забава, потеха, развлечение — именно в таком качестве разные формы и жанры старинного детского фольклора бытовали и продолжают бытовать в обозримое время. Иными словами, главная его функция эстетическая, а язык детского фольклора (и того, что создано взрослыми для детей, и того, что создано самими детьми) — это язык искусства, язык поэзии, которая вышла из «древнего синкретизма», прошла многовековой путь развития, начавшийся еще в доисторическое время. «То, что ныне сделалось образом, прежде было делом веры, знания». (Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л., 1940. — С. 402).

Сразу оговорюсь: мною используется известный общерусский фонд детского фольклора, однако преобладают примеры (за исключением тех случаев, когда материал их не содержит) из детского фольклора Карелии, Архангельской, Вологодской, Новгородской, Мурманской областей. Объем публикации позволяет остановиться только на одном жанре.

В самые первые дни бытия, наряду с колыбельной песней, к ребенку обращены коротенькие — от двух до восьми строк — стихи, которыми мамы сопровождают пеленание и купание ребенка. Это так называемые пестушки, исполняемые речитативом в такт движениям. Выделю среди них те, что содержат мотив воды: «С гоголя вода, // с Вовы худоба // Сна и покоя, // Доброго здоровья»; «Как с гуся вода, // А с Сережи худоба. // Намоем сынку ноженьки // И пустим по дороженьке, // Намоем ему ручонки, // Чтобы сильным был мальчонка. // Намоем ему личико, // Что б хорош был в обличии» (Русский детский фольклор Карелии. — Петрозаводск, 1991. — № 105 — 106). Оба текста записаны в районах Карелии в 1987 г. от пожилых женщин, не сопроводивших их каким-либо комментарием и связавших лишь с купанием. Варианты этих потешек, помещенные в публикациях П.С.Ефименко (Архангельская губерния), П.В.Шейна, О.И.Капицы, не содержат никаких других по-

яснений, кроме слов «при купании приговаривают». Произносимое с целью благопожелания ребенку стихотворение-заклинание оторвалось от самого обряда со всеми действиями и словами, которые выражали веру в магическую силу и свойства воды.

К воде как «первоначально, исходному состоянию всего сущего», «началу всех вещей» (С.Аверинцев) издревле сложилось особое отношение у многих народов мира. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся...», «...и сотворил Бог рыб больших и... животных пресмыкающихся, которых произвела вода» (Бытие 1, 20, 21). О признании великого значения воды мифологиями всех народов пишет С.Максимов, называя воду «царицей» (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — М., 1989. — С. 136). О животворящей, целительной силе, приписываемой воде, говорят Фрэзер и Афанасьев. «Славяне, как и большинство других народов, осмыслили воду как всеобщее порождающее начало... С помощью воды, как и с помощью огня, достигалось очищение человека, обновление его материального и духовного естества...» (Топорков А.Л. Вода // Родина. — 1994. — № 1. — С. 108).

Именно с этой верой в животворящую, обновляющую, целительную, благодатную силу воды связаны многочисленные обряды у разных народов мира. Один из них описывает А.Н.Афанасьев: по утрам сербы купаются в воде, принесенной в сосудах в канун Юрьева дня со словами: «Да отрясется и отпадет от тела все злое и вредное...» (Афанасьев А.Н. Древо жизни. — М., 1982. — С. 87). «Прощения у воды» испрашивают больные и обездоленные в обрядах, описанных С.Максимовым. Подробно комментирует обряд «смывания болезни» у разных народов Н.Познанский и приводит сопровождающие его заговоры, молитвы, просьбы-заклинания. (Познанский Н.Ф. Заговоры. — М., 1995. — С. 228 — 230). К «воде-матери», «матушке-воде» обращались в заговорах Пудожского края в прошлом веке (см.: Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. — СПб., 1912. — Вып. 1). Приведу заговор, записанный мною в 1980 г. в деревне Лехнаволоок Прионежского района от восьмидесятитрехлетней Т.А.Харлашкиной: «Водица — матушка Олена, обмыла все пенья, коренья, дремучие леса, кругые берега. Так смой (имя такого-то) тоску и кручину на сыру землю, с буйной головы, с-под ясных очей, с белого тела, с ретивого сердца. Не тоснул бы он, не гинул по такой — то душе. Едой бы наедался, питьем напивался, гульбой нагуливался, сном забавлялся. Проснулся бы да пробудился».

В записанном П.С.Ефименко в прошлом веке в Архангельской губернии заговоре «Для чистоты тела ребенка» называются и сопутствующие ритуальные действия: «Обливают или окачивают младенца во-

дою, приговаривая: «С гоголя вода, с младенца (имя рек) вся худоба, вода под пол, младенец на пол». Это делается большею частью в бане». (Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии... // ЭО ОЛЕ АЭ. — М., 1878. — Вып. 11. — С. 199).

Сакральный, магический смысл и веру в животворные свойства воды сохраняют заговоры, записанные в конце XX в. Большинство заговоров, обращенных на ребенка (от детских недугов — исполоха, сглаза, урока, полуночницы и т.д.), заговоры-обереги детей сопровождаются приговорами к воде, обливанием, обмыванием, поливанием водой каких-нибудь предметов (см.: Традиционная русская магия в записях конца XX в. / Сост. С.Б.Адоньева, О.А.Овчинникова. — СПб., 1993). «Приговор к воде, когда обмывают ребенка»:

«Водичка кипучая,
Девочка ли мальчик,
Был бы растучий».

Бабка возьмет воды через локоток, так на руку возьмет и спускает: «Как на локоточке не держится вода, // Так на деточке не держались // Плетучие уроки, родимцы, переполохи. // Искупи, переступи» // Локтем крестят ребенка, вода каплет с локтя» (№ 222). «Детей в бане моют. Дверцу печи откроют, до ночи прогреют, сунут туда». «Вода кипуча, // Младен растучий, // Водичка вниз покатысь, // Сашенька вверх подрастись». Потом спят хорошо, не плачут» (№ 223). Ср. с детской потешкой, записанной П.В.Шейном: «Вода текучая, // Дитя растучее. // С гуся вода — // С тебя худоба. // Вода книзу, // А дитя кверху». (Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах... — Т. 1. — Вып. 1. — СПб., 1898. — № 36).

И снова заговоры в записях конца XX в. От урока (сглаза) ребенка: «От своей думы, от своей крови, // Чур, мою думу, чур, мою кровь. // С гуся вода, с лебедя вода, // С раба Божия (имя) худые слова» (№ 329).

Но вернемся к детской пестушке с мотивом воды и приведем еще несколько примеров: «С гоголя — вода, // С младенца — вся худоба! // Вода — под пол, // Младенец — на пол. «(Шейн, № 137, Новгородская губ.); «С гоголя — вода, // С гоголихи — вода, // Сон да легота — // Доброе здоровье!» (Капица О.И. Детский фольклор. — Л., 1928. — С. 175, Вологодская губ.); «С гуся — вода, // С лебедя — вода, // А с Ефима — худоба» (Мельников М.Н. Русский детский фольклор. — М., 1987. — № 98).

Сопоставление заговоров, сопутствующих обрядам с водой, и детской пестушки позволяет проследить, как «психофизический катарсис» древнего ритуала «переходит в эстетический» (Веселовский А.Н. Исто-

рическая поэтика. — С. 214). Обряд утратился. Из него выделился, вернее от него остался лишь параллелизм, «усматриваемый человеком между ним и природой» (Н.Познанский). Как мы имели возможность убедиться, большинство пестушек — это параллелизм в чистом виде. И он стал не только первоисточником поэтического образа, но единственной и «основной фигурой архаической поэзии» (Мелетинский Е.М. Поэтическое слово в архаике // Историко-этнографические исследования по фольклору. — М., 1994. — С. 95), которую представляет этот жанр «лирики материнства». И это пример того, как лирика вырастает из обряда. Отрываясь от обрядового действия, слово десакрализуется. И как складное, формульное, ритмичное оно выкристаллизовывается и начинает жить самостоятельной жизнью. Оно переходит в область чистой поэзии, у истоков которой стоит миф.

*В. Н. Матонин
(Архангельск)*

ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ КРЕСТЬЯН ПООНЕЖЬЯ (XIX-XX вв.)

Отношение крестьян Поонежья к труду рассматривается в свете архетипов их миропонимания и мировоззрения — «изнутри». Крестьяне — это *христиане*: православные земледельцы. Христианский культ синонимичен крестьянской культуре- «возделыванию почвы». «Культура есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны» (Н.Бердяев). Религиозность онежских крестьян из их связи с *полем* — сакральным пространством, где испытываются духовно-нравственные основания человека (Н.Теребихин). «Изучение крестьянского хозяйства и хозяйственных традиций является не только исследованием процесса и результатов материального производства, но и постижением духовной жизни народа» (С.Кузнецов).

А.Ф.Гильфердинг обратил внимание на консерватизм онежских «тяжкодумов», на их приверженность к архаическим орудиям труда и способам производства. Причина этого феномена традиционно объясняется невежественностью, отсталостью, неграмотностью жителей глухих «медвежьих углов», которые вплоть до организации колхозов в 30 гг. XX в. землю пахут *сохой*, сено «страдают» *горбушей* даже там, где это удобней делать *литовкой*.

Крестьяне упорно придерживаются дедовских обычаев, несмотря на то, что в XIX в. по мере развития буржуазных отношений развивается «отходничество» (хождение «в бурлаки» в Онегу, Архангельск, Петер-

бург), в деревнях появляются новые люди (учителя, агрономы), создаются лесопромышленные контакты с Норвегией. Инновации, вызванные реформой Столыпина, «обюрокращивание» сельских устоев, рекрутские наборы — все это расшатывало деревенскую жизнь, создавало предпосылки для будущих лавинообразных изменений, но смена архетипов крестьянского сознания и характера хозяйственной деятельности произошли только после «колхозов» — в 30-е годы. Указанные факты свидетельствуют о том, что едва ли уровень грамотности онежских крестьян мог понизиться в XIX в. под влиянием городской («секулярной») культуры. А в XVIII веке уровень грамотности в Онежском округе почти не уступал уровню грамотности, например, в Холмогорском округе. Авторы «Истории северного крестьянства», опираясь на материалы подворной переписи Архангельской губернии 1785 г., полагают, что знающих грамоту взрослых и обучающихся мальчиков было в Холмогорском округе — 9,4%, в Онежском — 9,2% (А. Камкин).

Причины «иррациональности» крестьянского труда имеют, по-видимому, духовные основания. Нравственное поведение отрицает рациональность. Работа на земле — *тягло* — воспринималась как тяжесть — *крест*, который необходимо нести до самой могилы. («Кто не несет креста своего и идет за Мною, тот не может быть моим учеником» — Лк., 14,27). Крест над могилой свидетельствует о сораспятии умершего Христу.

Тяговая (государственная) земля распределялась «на душу». Название земельного пая указывает на сакральный характер земледельчества, как и слово *«страда»* (время полевых работ). Существительное «страда» связано с глаголом «страдать», то есть мучаться, сораспинаться с Христом. Хоть и тяжела работа, но неизбежно *воскресение*, спасение души, праздник.

Для онежского крестьянства труд — это способ реализации своих ДУХОВНЫХ потребностей, средство для стяжания Духа Святого и спасения души. Важно было не «сколько» посеять, а «как» посеять, не «сколько» скосить, а «как» скосить. Проходя мимо работающего, онежане здоровались: *«Бог помощь!»* А отвечали: *«Прошу милости!»*.

Согбенное положение во время земледельческой работы было молитвенно по форме и содержанию, символизируя *просьбу о милости*.

Традиция осветила крестьянский труд, придала ему статус обряда религиозного действия, в котором могли проследиваться архетипические ассоциативные связи: трехпольная система — сакральные представления о Троице, работа горбушей — молитвенный поклон, а соха соотносима с *копием* (со священным орудием, которое используется при подготовке к таинству *Евхаристии*). Храм и дом (хоромина) напоминали

ковчег спасения, где «каждой твари по паре»: под одной крышей 10-15 человек, 3-4 коровы («Не столько для молока, сколько для навозу»), одна-две лошади, 10-15 овец. Отсутствие свиней в этом «ковчеге» можно объяснить представлениями о свинье как о животном «нечистом и скверном».

Сравнительно высокая степень религиозности онежских крестьян, в которой, впрочем, было много двоеверия, язычества, объясняется, во-первых, *экстремальным* характером земледелия (севернее хлеб уже не выращивали). Во-вторых, большим авторитетом Кожеозерского, Крестного и Соловецкого монастырей. Отсутствие старообрядцев оправдано активной деятельностью Крестного монастыря, основанного патриархом Никоном в XVII веке.

Православные идеи имели определяющее влияние на духовно-нравственные основания и социально-бытовой уклад крестьян Поонежья. *В видимых образах земледельческой культуры крестьян Поонежья нашли материальное воплощение архетипы христианского культа.*

*С.Г. Низовцева
(Сыктывкар)*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЖАНРА ЗАГАДКИ ВИЛЕГОДСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Полевые фольклорные исследования в Вилегодском районе Архангельской области велись Сыктывкарским университетом с 1986 по 1991 год. За этот период непосредственно от информантов было записано около 150 текстов загадок. Этого количества, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы можно было говорить о сохранности жанра в настоящее время, т.е. традиция загадывания в народной памяти не забылась. Также у нас имеются архивные материалы, датированные 1899 г., записи загадок (около 100 текстов) были сделаны также в нашем регионе (Архив ГМЭ народов СССР. Фонд № 7 (Тенишев, Вологодская губ.). Примечательно, что некоторые тексты, зафиксированные в архивных источниках, записывались и в наши дни от информантов (т.е. сохранились в памяти носителей традиции), но все же большая часть «архивных» сюжетов сегодня в устном бытовании уже не встречается. В 1996 г. Коми научным центром была проведена еще одна экспедиция на Виледь, в ходе которой было зафиксировано 25 загадок, сюжеты которых, исключая 2 — 3 текста, ранее уже записывались, что говорит о бытовании и популярности в данном регионе ограниченного круга сюжетов загадок.

Можно отметить, что степень сохранности жанра не поддается однозначной оценке: если проявляется тенденция достаточной устойчивости в памяти самого текста, то, забываются условия бытования (функциональная приуроченность) загадок в недалеком прошлом. Это связано, по-видимому, с тем, что в настоящее время происходит изменение функционального статуса загадки, которая в своем развитии прошла путь от магически-ритуальной словесной формулы до развлекательно-игровой. Сегодня загадки функционируют в основном в детской среде, несут характер чисто развлекательный или выполняют поощрительно-воспитательную функцию. А еще в недалеком прошлом загадки были приурочены к календарной и семейно-бытовой обрядности, их магическая функция была связана с теми или иными временными запретами на загадывание. Информанты на Виледи редко, но все же упоминают о бытовании и среде распространения загадок на вечерках (посиделках), праздниках («Любили старики и молодежь рассказать сказку, загадать загадку. Загадки шли порой целыми вечерами, они были из домашнего обихода...», «раньше сидели до 10-11 часов вечера, да деревенские шутники загадки загадывали»), в свадебном обряде (хотя и в нем ритуальный смысл загадывания постепенно утрачивается, уступая место шуточно-игровому началу). Раньше часто подруги невесты (или кто-либо еще) загадывали дружке и жениху загадки и не пускали их в избу (или просто к невесте) до тех пор, пока не получат нужного ответа (информанты отмечают: «Едут домой, дверь закладывали. Старики задавали вопросы, а тысяцкий отвечать на них должен», «мама рассказывала, что [перед тем, как сваха выводит невесту] загадку станут задавать...»). В данном контексте загадка стала элементом свадебного обряда и вошла в группу так называемых приговоров-диалогов у закрытых дверей. Традиция эротических или «двусмысленных» (в народе — «матюжных») загадок (на Виледи их зафиксировано немало), вполне возможно, также восходит к свадебному обряду. М.А.Рыбникова считала, что появление эротических загадок до некоторой степени объясняется тем, что «во время свадебного обряда было принято загадывать загадки не только при выкупе места для жениха рядом с невестой, но и когда ведут молодых спать. Именно в связи с этой сексуальной установкой мы имеем среди загадок громадное количество двусмысленных». Данный элемент обряда в наши дни восстановить практически невозможно, т.к. он стерся из памяти или утратился еще до того времени, когда его могли бы запомнить носители традиции. Отметим, что и запись подобных текстов, связанных с сакральной сферой, вызывает определенные трудности.

В вилегодской фольклорной традиции исполнение загадок приурочивалось к периоду, связанному с окончанием полевых работ (в дни

жатвы), к зимним праздникам и, как правило, оно ограничивалось вечерним временем (сведения подобного рода сохранились в памяти еще в меньшей степени, чем свидетельства о функциональной прикреплённости). Подобные запреты на загадывание существовали у многих народов и имели сакральное значение.

Вызывает интерес и то, что знание загадок и их загадывание закреплялось за определенными лицами (деревенскими балагурами (возможно, дружками); нередко много загадок знали и некоторые женщины, что подтверждают и полевые материалы (загадки помнит не всякий, от одних исполнителей записывалось по 2-3 текста, от других — около 10). К примеру, большое количество «эротических» загадок записывалось от одних и тех же лиц. Можно делать только догадки, связано ли это просто с интересом человека к данному жанру, хорошей памятью или же с какой-то функциональной маркированностью.

Весьма специфична тематика вилегодских загадок. В народной памяти почти не закрепились загадки о природных явлениях, хотя в архивных материалах они зафиксированы в небольшом количестве. Популярны загадки о дороге («Кабы встал, так бы до неба достал...»), реке и поже (поже и огороде) в форме диалога. Загадка с денотатом «огород стережет озимь» чисто северная.

Достаточно широко представлен растительный мир; особенно широко бытуют загадки про лук и капусту (большое количество вариантов), хмель, малину, березу, причем в тексте о березе основной акцент ставится на практическом значении дерева («Стоит дряво, зелено-кудряво. В этом дряве сусло и масло и заднице лекарство, ногам тепло и всему миру светло»). Примечательно, что метафорическая формула «Стоит дряво, зелено-кудряво» используется не только в загадке, но и в тексте приговора дружки как устойчивый формульный оборот. Из животного мира отдается предпочтение курице, мыши и различным насекомым (блоха, муха, пчела). Но больше всего на Виледи зафиксировано загадок о бытовых предметах и трудовых процессах, сопутствующих жизни каждого крестьянина. По всей видимости, эта тематика им наиболее близка и поэтому тексты лучше запоминаются. В наибольшем количестве вариантов зафиксированы загадки о посеве, о выпечке хлеба, о тканье. Следует отметить, что во многих традициях наблюдается многовариантность толкования сюжета загадки. На Виледи это особенно проявилось относительно текста о посеве ржи («Загону загадку, брошу через грядку, год пройдет — сто рублей найдет»). Эта загадка самая популярная в регионе (зафиксировано более 10 вариантов с незначительными разночтениями в тексте и различными денотатами: посев (ржи), веник, роса, лук, косить...). Среди бытовых предметов зафиксиро-

рвано самое большое количество вариантов загадок с денотатами: горшок, рукомойник, веник, серп, постель, самовар, игла, сани, зала-мочек, каменица в бане (чисто северная загадка). На Виледи также встречаются загадки в форме простых вопросов типа: «Чего в коробку не запрешь?» (солнышко) и загадки-задачи.

*А.В.Пигин
(Петрозаводск)*

ЖАНР «ОБМИРАНИЯ» И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.С.ВИНОГРАДОВА

В 1923 г. Г.С.Виноградов опубликовал свое философско-этнографическое исследование «Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилородного населения Сибири» (Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. — Иркутск, 1923. — Вып. 5). Материалом для этой работы послужили полевые записи, которые систематически велись самим Г.С.Виноградовым в 1916 — 1920 г. на его родине в Тулуновском уезде Иркутской губернии. Статья Г.С.Виноградова представляет собой в отечественной этнографии один из наиболее ценных и монографически полных опытов изучения народного некрокульта (погребально-поминальная обрядность, представления о причине и предвестниках смерти, о душе, о загробном мире и др.).

Большой заслугой Г.С.Виноградова является то, что для изучения этих представлений он привлек совершенно не исследованный в те годы жанр народной прозы — обмирания. «Сведения о том свете, — писал Г.С.Виноградов, — как о рае, так и об аде, получаются главным образом от тех, кому приходилось обмирать («аммирать»)» (С. 311). Обмирания (народные видения) — это рассказы о посещении человеком того света во время летаргического сна, когда душа расстается с телом и в сопровождении небожителей обходит рай и ад, видит там своих умерших родственников и знакомых. Г.С.Виноградов приводит отдельные записи этих рассказов, анализирует «загробную топографию», какой она предстает в обмираниях, комментирует некоторые образы и мотивы жанра (адские наказания, человеческие грехи, запреты и др.). Несмотря на то, что в последние годы появились новые работы об обмираниях (Н.И. и С.М.Толстые, И.М.Грицевская и А.В.Пигин, М.Л.Лурье и А.В.Тарабукина), исследование Г.С.Виноградова не утратило и в этой области своего интереса и значения.

Предметом настоящего сообщения являются некоторые письменные, преимущественно севернорусские, тексты видений потустороннего мира, которые в большинстве случаев могут рассматриваться как ру-

кописно-книжные варианты обмираний. Наиболее ранние из этих текстов датируются XVIII в.: «Видение некоей старухи» — 1748 г., «Видение Андрея Данилова Иконникова» — 1785 г.; наиболее поздние — 1960-ми гг. XX в.: «Видение рабы Веры» -1962 г., «Видение Клавдии» — 1964 г. Списки видений XVIII — XIX в. входят в состав рукописных сборников или представляют собой отдельные рукописи, которые хранятся в рукописных отделах государственных книгохранилищ (БАН, ГИМ, РГБ, РНБ, Нижегородская областная библиотека). Списки видений XX в. до сих пор обращаются среди деревенских жителей тех областей, которые испытали сильное церковно-монастырское или старообрядческое влияние. Несколько таких рукописей было обнаружено фольклорно-археографическими экспедициями Петрозаводского университета в Каргопольском районе Архангельской области в 1993-1994 гг. («Чудесное сновидение Феклы» — 1902 г., «Сон Домнушки-христианки» — 1914 г. и др.).

Видения XVIII — XX в. очень разнообразны по своему происхождению и содержанию. Визионерами являются здесь старообрядцы разных течений, православные монахи и монахини, крестьяне, горожане. Достаточно широк географический диапазон распространения этих сочинений: Карелия, Вологодская губерния, Нижний Новгород, Одесская область, Барнаул и др. По содержанию видения условно можно разделить на две группы. Первую группу составляют произведения преимущественно полемического характера: среди анализируемых сочинений есть видения, написанные поморцами против филипповцев (Видение некоей старухи), поповцами против беспоповцев и православных («Видение девицы Маргариты» — 1804 г.), православными против старообрядцев («Видение Андрея Данилова Иконникова») и др. В другой группе видений полемика по религиозно-обрядовым вопросам уступает место проповеди «морального кодекса народа» (Г.П.Федотов). Предметом осуждения являются здесь немилосердие к нищим, небрежение постом и молитвой, пьянство, блуд и т.п. («Видение девицы Пелагеи» — середина XIX в., «Видение рабы Веры» и др.).

Сама структура жанра — череда загробных встреч позволяла редакторам дополнять первоначальный устный рассказ все новыми и новыми эпизодами, благодаря чему некоторые поздние тексты превратились в своеобразные «эсхатологические экспедиции».

Почти все анализируемые видения имеют точное календарное приурочение. Обычно это дата приходится на церковный праздник, на время поста. На начало и конец другого временного цикла: Успение, Чистый понедельник, 1-е января, Великая суббота, Сорок мучеников. Иногда видение происходит после причащения Святых Тайн, во время па-

домничества к какому-либо святому месту. «Некая старуха» видит свое видение в полночь — именно полночные видения и сны почитались в народе самыми важными. Обязательным является указание и на продолжительность видений: 5, 13, 20 с половиной часов, сутки, 14 суток, 24 дня.

Потусторонний мир в видениях не имеет четкого строения. Как писал Г.С.Виноградов, «загробная топография — наиболее запутанный и неясный пункт народных представлений» (С.309). Обычно потусторонний мир предстает как цепочка никак не связанных между собой загробных областей, одни из которых являются местами блаженства, другие — местами мучений.

Насущной задачей по-прежнему остается публикация и систематизация разнообразного материала по народным эсхатологическим верованиям, связанными с визионерской традицией.

*И.А.Разумова
(Петрозаводск)*

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРЕЛОМЛЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

Этнические образы в культуре формируются по определенным законам (см.: Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. — М., 1991. — С. 58 — 85). Они материализуют представления о сущностных и внешних чертах, атрибутах, способах действия, характерных для носителей собственной этнической культуры (интраобразы) и других этнических культур (экстраобразы). Фольклор дает разнообразный и ценный материал для анализа этнических стереотипов, относящийся ко всем уровням словесных текстов: мотивы, персонажи, стилистические формы и т.д.

Фольклорная интерпретация этнических образов зависит от типологической характеристики данной традиции. Одновременно каждый жанр по-своему модифицирует этнический образ в отношении семантики, структуры, форм выражения, что определяется функцией. Неоднократно отмечалось, что иноэтнические образы соотносятся с категорией «чужого», опасного, потустороннего (Славянская мифология. — М., 1995. — С. 213 — 215; см. также работы Л.М.Иевлевой и др.). Эта категория имеет различные воплощения, как и идея «своего», реализующаяся в интраобразе.

В архаической карельской балладе иноэтнические обозначения относятся непосредственно к «реалиям» потустороннего мира и символизируют переход туда: покойника одевают «в красное шведское платье,

в русскую суконную одежду». Аналогично в другой балладе: новый отец взамен умершего изготавливается «из большой одежды шведской, из суконного платья русского» (примеры взяты из кн.: Ремшуева Р.П. Карельская народная баллада и «Кантелетар» Э.Леннрота. — Петрозаводск, 1993).

Один из самых устойчивых и актуальных компонентов образов инородцев — приписывание им сверхъестественных способностей, свидетельствующих об «инномирности». Многие народы продолжают и сейчас считать колдунами цыган. Тем же значением наделен в русском фольклоре образ татарки (обычно женский персонаж). Наличие сверхъестественных способностей, таким образом, имеет среди прочих и этническую мотивировку. Эти представления особенно актуализируются применительно к этносам-соседям, в силу чего пантеон этнических демонологических персонажей варьируется в зависимости от региона. У северных русских сверхъестественными чертами наделялись карелы, коми, «самоеды» (пенцы), «лопари» (саамы). В настоящее время многие русские в Карелии считают, что при необходимости «снять порчу», излечиться, приворожить возлюбленного и т.п. лучше всего обратиться к «знающему» карелу, а если случаются необъяснимые неприятности, то советуют поискать недоброжелателя среди знакомых карелов. На эту тему существует много мифологических рассказов. Такое отношение русских к карелам отмечал и С.В.Максимов. И в русском, и особенно в карельском фольклоре аналогичными свойствами наделен образ саама. В свою очередь, «русский» может выступать в том же качестве в индоевропейском фольклоре. В сказке, записанной И.В.Карнауховой в конце 1920-х гг. от пенца В.Соболя, антагонистом героя выступает русский — «колдун», изображенный как представитель иного мира.

Интраобраз всегда соотносится с представлением о безопасном и естественном мире, как, например, в русских мифологических рассказах. В бывальщинах о проклятых все унесенные нечистой силой именуется «русскими» отнюдь не по признаку этничности. Эндоттноним обозначает принадлежность к миру людей (ср. сказочную формулу «русским духом пахнет»).

В волшебной сказке этнические наименования отмечают персонажей иного царства. В севернорусских сказках встретились как антагонисты героя — «Царь-самоедин», «жид-жидовник», «цыганка»; как некая царевна — «дочь китайского императора», «гишпанская королева». В сказке этнические определители очень редки и всегда опциональны. В отличие от мифологических рассказов сказка почти абсолютно лишает их собственно этнического компонента значения: они условны и полностью взаимозаменяемы.

Более многопланова роль этнических обозначений в бытовой сказке, концентрирующейся на противопоставлении ум /глупость. Глупцами в бытовой сказке могут быть «немец», «татарин», «еврей», «хохол», «мордвин», «черемисин», окказионально — иные. Для большинства из них роль глупца мотивирована, в первую очередь, конфессиональной инаковостью. Вместе с тем «хохол», «немец», «еврей» встретились нам в сказках и в функции шута. В последнем случае частичное объяснение можно найти в амбивалентности образа еврея в религиозном народном сознании (см.: Савельева О.А. «Чужой» в фольклоре старообрядцев: К проблеме этнической и конфессиональной самоидентификации / / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. — Челябинск, 1995. — Ч. 3). Чаще же всего в функции шута выступает цыган, наделенный в народном сознании особой хитростью. Цыган всегда одерживает верх над чертом и его мифологическим «двойником» — змеем. Согласно народной легенде, цыган не допустил пробить грудь Иисуса Христа и тем «на веки искупил всех цыган от греха божиться и обманывать» (Акмолинск. обл. ведомости. — 1889. — 9 августа). В новеллистических сказках, мифологических рассказах, детских страшилках цыгане, напротив, являются «разбойниками».

Иноэтнические образы, в которых доминирует представление о внешнем враге, органичны для исторического фольклора. В севернорусских преданиях и исторических песнях этнический противник — «поляки» и «шведы». Они фигурируют в сюжетах о военных столкновениях. Ср. в былинах — «литва» и «татары». Это всегда собирательный образ. В том же значении «шведы» («руцы») выступают в карельском и саамском фольклоре.

В каждой традиции существует определенный ограниченный набор более или менее устойчивых иноэтнических образов. Структура образа подвержена трансформациям. Так, на представление о шведах как внешних врагах наслаивается сформировавшееся в новое время воззрение о них как носителях более престижной культуры (сошлемся на анализ записок М.М.Пришвина, сделанный Н.М.Теребихиным).

Универсальное свойство «инаковости» определяет многообразное использование экстраобразов в смеховых жанрах фольклора. Анекдоты с иноэтническими персонажами — особая тема. Самостоятельные группы составляют анекдоты с традиционной триадой: русский, немец и поляк; русский, англичанин, француз и т.п. — у каждого этноса своя, парой (русский и американец) или циклы, образующиеся вокруг отдельных этнических образов и в каждом случае своеобразные. Представители чужого этноса наделены либо необыкновенной глупостью («чукотский» цикл, о происхождении которого есть несколько гипотез), либо

особенным остроумием («армянское радио»). Анекдоты порождают смеховую идиоматику: «наивная чукотская девушка», «горячие эстонские/финские парни» и т.п.

Этнические стереотипы и связанная с ними устная традиция приводят к фольклоризации этнонимов. Последние используются в качестве прозвищ («Цыган», «Китаец»), дразнилок, инвектив («турок» — непонятливый, все делающий наоборот; «лопарь» — бестолковый, непослушный; «карел» — упрямый), оценочных характеристик («старый индеец» — о мудром, опытном человеке). Основа большинства паремий — значение «странности» поведения: «странный народ эти индейцы», «делать по-турецки / китайски / еврейски», «я не рыба, я не мясо, во мне течет кровь папуаса» и т.п. Иноэтнические обозначения используются при необходимости охарактеризовать предельную («сверхъестественную») степень проявления какого-либо признака: «страшен / хитер, как сто китайцев», «темно, как у негра в желудке» «доходит (долго), как до финна» и т.п.

Иноэтнический образ функционирует на разных уровнях. Во-первых, он связан с идеей «иномирности» и в этом отношении экстраобразы свободно взаимозаменяемы. С другой стороны, фольклорный образ концентрирует объективные стереотипы восприятия конкретных этносов, что прослеживается, главным образом, на региональном материале. В любом случае изучение данного феномена должно исключать как идеализирующий, так и другой оценочный подход.

ЗАГОВОРЫ. ИХ БЫТОВАНИЕ НА ВЕРХНЕЙ ПИНЕГЕ

Заговоры по сей день живут в народе и широко распространены в пинежской местности.

Самая существенная причина этому — природа, в лоне которой живет человек. Именно вера древнего человека в могущество природы породила заклинания, магические формулы, с помощью которых человек надеется установить контакт с силами природы и воздействовать на них.

Настоящий доклад представляет собою изложение предварительных наблюдений о бытовании разных типов заговоров в верховьях реки Пинеги (историческое название этой местности — Малопинежье, в прошлом это территория Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, ныне — Горковский сельский совет Верхпетоемского района Архангельской области) и попытку проследить заговорную традицию на этой территории в диахронном аспекте. При этом я опираюсь на классификацию пинежских заговоров А.М.Астаховой (Заговорное искусство на реке Пинега // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. — Л., 1928. — Вып. 11. — С. 50 — 60).

Малопинежье — территория, удаленная от крупных промышленных и культурных центров. До недавнего времени жители этой местности выпуждены были пользоваться исключительно услугами авиации. Электричество и радио пришли туда только в 60-х гг., телевидение — в середине 80-х.

Собиранием и изучением заговоров в этой местности занимались А.М.Астахова во время экспедиции на Пинегу в 1927 г., фольклорные экспедиции МГУ им. Ломоносова в 60-80-х гг. Ими собран и систематизирован огромный фактический материал.

Цель настоящей работы — дать представление о современном состоянии заговорной традиции в верховьях реки Пинеги и проследить историю бытования этого фольклорного жанра в данной местности в советский и постсоветский периоды.

В этом помогут воспоминания уроженца тех мест Платона Худякова (Север. — 1989. — №5. — С. 82-84). В его мемуарах есть глава, посвященная последнему, по мнению автора, колдуну Малопинежья. В частности, П.Худяков описывает сцену закрывания и открывания дороги свадьбе (в д. Керга) местным колдуном Васькой Щуром, которую автору удалось наблюдать в 1921 г. Колдун демонстрировал автору воспоминаний свои колдовские чары и о том, как «наставлял» ему ружье. В

то же время А.М. Астахова отмечала в 1927 г., что черный колдун па Пинеге, хотя еще не вывелся окончательно, но уже в некоторых местах отходит в область предания. В современном Малопинежье таких колдунов уже нет, как нет соединения заговоров с другими видами народной медицины, которое еще отмечала А.М. Астахова.

В 1935 г. в верховьях р. Пинеги побывал знаменитый русский писатель Михаил Пришвин. Результатом его поездки стал очерк «Северный лес», где писатель отмечает необыкновенную веру своего проводника-охотника, местного жителя в силу оберега, в роли которого выступал псалом «Живый в помощи Вышняго». Пришвин упоминает также о том, что список этого псалма охотники Малопинежья носят всегда с собой на охоту.

Говоря о современном состоянии заговорного искусства верховьев р. Пинеги, можно отметить следующие особенности, а именно: вера в силу заговора сильна среди женского населения не моложе 50 лет. Знахари, обладающие двумя-тремя заговорами, из их же числа. Среди мужчин знахарей нет, но о них живы предания. Живо явление учительства в передаче заговоров от поколения к поколению. Заговоры перенимают у престарелых женщин. На Верхней Пинеге нет убеждения, что заговор теряет свою силу в руках того, кто сообщил его другому лицу. Подобное убеждение отмечала Астахова в 1927 г.

Считается, что свое умение знахарка не должна афишировать и «слова дуть» нужно тайно от чужих глаз. Верят, однако, что «слова», записанные на бумагу, частично теряют свою силу и поэтому их нужно проговаривать наизусть не иначе, как в Великий четверг Страстной недели. Процесс передачи заговора лишен таинственности. Люди, знающие «слова» (местное название заговоров), ничем не выделяются среди других, кроме знания магических слов и действий.

С заговорами происходят процессы забывания. Имеет место свободное отношение к тексту заговора. Однако некоторые записывают заговоры, что способствует сохранению их во всей полноте.

Астахова выявила 21 явление, охватываемое заговорами. В современных условиях круг явлений, охватываемых заговорами, значительно сузился. Удалось выявить 2 заговора на чирьи, 6 — от «полуночницы-бессонницы», 2 — на грыжи, 2 — от зубной боли, 2 — охотничьих заговора, 7 — для скота, 8 — от «уроков», 2 — на «исполохи», 3 — оберега, 1 — любовный заговор.

На Верхней Пинеге широко распространены 4 типа заговоров: лечебные, промысловые, любовные и хозяйственные. По функции заговоры делятся на продуцирующие, коммерческие и профилактические. В Малопинежье бытуют только профилактические и продуцирующие.

А.М.Астахова выделила 7 основных типов заговоров по организации основного ядра.

Первый представляет собой выражение желания, тесно связанное с предшествующей эпической частью, где изображены чудесные люди, животные или птицы. Это эпический заговор. Астахова выделяла три его разновидности, которые присутствуют и в настоящее время на Верхней Пинеге.

Второй тип пинежских заговоров, выделенный Астаховой, это те заговоры, в которых содержится непосредственное выражение желания без всякого предшествующего ему рассказа. В них содержится параллельная формула (формула сравнения) отрицательная или положительная.

Третий тип: выражение желания в форме обращения. Например, заговор, в котором обращаются к домовому: «Жихорько-потомушко, пусти на подворницу. Пой да корми, глаже води. Аминь». Эти слова произносят перед тем, как ввести новую скотину на двор.

Четвертый тип: словесное разъяснение совершаемого обряда. Например, заговор от грыжи. «Грызу, загрызаю на родимом месте 12 родимцев, 12 грыж: пуповую, сердцевую, мышевую, паховую, мозговую, головную, глазную. Грыжи загрызаю на родимом месте: 12 родимцев, 12 грыж. Пойдите, грыжи, за темные леса, за дремучие кусты. Аминь».

Пятый тип: устойчивая формула, констатирующая исчезновение зла. Например: «Я, раб Божий (имя), помолюсь, поклонюсь на восток, на восточную сторону. С востока, с восточной стороны едет Святой Егорей на белом коне, с железным копьем. Он охраняет, отгоняет всех злых людей, хищных зверей, от больших грязей. Аминь» (заговор для пастуха).

Шестой тип пинежских заговоров: символический диалог. Этот тип также сохраняется на Верхней Пинеге.

Астахова определяет седьмой тип заговоров как заговор-абракадабру (бессвязный набор магических слов). Этот тип на Верхней Пинеге отсутствует.

Итак, можно отметить хорошую сохранность заговорной традиции на Верхней Пинеге в настоящее время. Почти все особенности типологии пинежских заговоров, выделенных Астаховой в 1927 г., живы и по сей день.

ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕСТЫ РУССКОГО СЕВЕРА. ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

Традиция установки крестов, не связанных с храмами или другими культовыми комплексами, была принесена на Русь из Византии вместе с новой верой. Она органично вписалась в обычай славян поклоняться идолам, размещаемым на лесных полянах, у водоемов и т.п. Очень часто кресты ставились на местах отправлений языческих культов. Священнослужители, монахи разрушали при этом «поганые» символы, а в народной же среде знаки той и другой религии стояли рядом и пользовались нередко одинаковым почитанием крестьянства. Этот обычай дожил практически до нашего времени. В селе Ошевенское в священной роще группа крестов установлена около березы с раздваивающейся вершиной. Приношения-пелены развешаны и на крестах, и на дереве.

На Русском Севере в прошлом кресты были распространены повсеместно. Тема эта в настоящее время мало изучена, отсутствует разработанная типология крестов. О.В. Овсянников предлагает наиболее убедительную их классификацию на основе первоначального назначения памятника. Эта информация в настоящее время очень скудна, а зачастую ее вообще невозможно собрать из-за утраты надписей о целях их возведения, из-за того, что старшее поколение уже не помнит историю возведения многих крестов. Однако выделяются следующие типы деревянных крестов:

- намогильные;
- памятные, поминальные;
- обетные (охранительные и благодарственные);
- поклонные.

Внешнее оформление креста не зависит от его функции. Обетно-благодарственный крест, стоящий на берегу моря, например, в селе Семжа, был в шестидесятые годы нашего времени перенесен на кладбище и установлен на могиле.

Практически все виды крестов продолжают использоваться населением по своему прямому назначению до нашего времени. На кладбищах тех районов, где раньше трех-четырёхметровые кресты возводились над захоронениями, население продолжает изготавливать для этих целей подобные кресты, может быть, несколько меньших размеров. По-прежнему вырезают на них те же молитвы и аббревиатуры, не понимая их значения, а просто копируя со старых образцов.

Памятные кресты на побережье Белого моря возводятся и в наше время. Так, недалеко от села Койды в 1952 г. был установлен крест в память койдян, погибших на колхозной шхуне. Если мы не знаем фактов возведения новых обетно-благодарственных крестов, то поморы — рыбаки и зверобои — ремонтируют и подновляют старые памятники, как на мысе Керец, где арендаторы тони отремонтировали крест 1904 г., восстановив утраченную косую перекладину и укрепив погнившее основание.

Большое количество пелен, деталей одежды на поклонных крестах свидетельствуют о вере населения в их силу в исцелении болезней и как оберега от несчастий. На Мезени можно увидеть на крестах чулки, платки, детскую одежду с этикетками магазина. На Каргополье же вешают на кресты старую одежду, бывшую в соприкосновении с человеком, за которого просят.

В связи с ориентацией сельхозпредприятий на животноводство и, естественно, затуханием значения земледелия реже поклоняются и ходят к обетно-охранительным крестам, ставившимся в полях и на пожнях.

Северные крестьяне сейчас очень редко могут объяснить значение того или иного креста, не помнят его историю, не понимают содержания текстов, вырезанных на кресте, но традиция их почитания очень сильна.

Л.Д. Фирсова
(Архангельск)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII — XIX вв.

Серьезное собрание материалов по народному быту Архангельской губернии началось в середине XIX в.

Однако в более ранних литературных памятниках и других источниках разбросаны материалы о быте и обычаях жителей губернии. Сведения об этническом и конфессиональном составе поселений, типе хозяйств, промыслах и занятиях, материальной и духовной культуре жителей собирали путешественники, картографы, топографы, геодезисты. Российские географические экспедиции, работавшие на территории губернии, имели программы по изучению природных особенностей и культуры народа.

Этнографические материалы содержатся в трудах И.И. Лепехина и Н.Я. Озерцовского, П.И. Челищева.

В 60-70-х гг. XVIII в. Академия наук разослала специализированные анкеты с вопросами о физическом облике жителей, их одежде, домах, семейном быте, занятиях, ремеслах. Были собраны материалы для описания разных сторон народной жизни. Серьезный вклад в накопление этнографических знаний внесли местные исследователи: В.Крестинин, А.Фомин, К.Ломанов, А.Фон-Пошман. Труды В.Крестинина по сути своей отвечают на многочисленные вопросы академических анкет. В общем ряду «описаний» конца XVIII — начала XIX в. стоят труды шенкурского бургомистра М.Мясникова и историка Сольвычегодска В.Соснина.

Обширные материалы об этническом и конфессиональном составе населения, типе хозяйств, промыслах и ремеслах были собраны для Атласа Архангельской губернии 1797 г., выполненного по специальному Указу Павла I. Атлас выполнен на 449 больших листах и содержит богатый картографический, описательный и изобразительный материал.

В XIX веке этнографические исследования удаляются от породивших их биолого-географических дисциплин и приобретают самостоятельный характер. Кроме полевых материалов, исследователи начинают пользоваться письменными источниками.

С созданием Русского географического общества появились программы этнографических исследований, предусматривающие сбор образцов вещей в натуральном или уменьшенном виде. Географическое общество направило в губернии 7000 экземпляров этнографической программы и опросных листов. Сбором сведений занимались губернские статкомитеты и корреспонденты из числа священников, уездных чиновников, преподавателей гимназий.

В 60-х гг. XIX в. Архангельский губстаткомитет состоял из людей образованных, широко мыслящих, способных воспринять новые идеи, связанные с разносторонним изучением края. Архангельские губернаторы П.Арандаренко и Н.Гартинг привлекли к исследованиям народной жизни политических ссыльных П.Чубинского, П.Ефименко и др. С их именами связано заметное оживление в этнографическом изучении Архангельской губернии.

П.Чубинский, исполняя обязанности чиновника по особым поручениям при губернаторе, возглавил статкомитет. Он был прекрасным организатором этнографической работы в губернии, сам работал над программами по изучению фольклора, народных юридических обычаев, публиковал статьи о хозяйственных занятиях крестьян.

П.Ефименко занимался археологией, работал в архивах, изучал фольклор и народные обычаи, собирал коллекции по народному быту. Занятия этнографии стали главным делом его жизни. «Архангельские губернские ведомости» опубликовали 115 его статей по истории, этнографии, экономике и обычному праву. Особо значимые результаты принесла работа П.Ефименко с материалами по обычному праву, закончившаяся выпуском монографии «Народные юридические обычаи Архангельской губернии». Обработкой этнографических материалов занималась и его жена А.Ефименко (Ставровская). Она стала автором работ «Трудовое начало в обычном праве», «Артели Архангельской губернии» и др. Изучение обычного права было вызвано как этнографическими интересами исследователей, так и социальными запросами, так как в это время шел пересмотр законодательства.

В 1877-1878 гг. Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии издало два больших тома материалов по этнографии русского населения Архангельской губернии. Это по сути дела большой коллективный труд архангельских исследователей 60-70 гг. XIX в. Основная часть описаний, ответов на «опросные листы» осталась неопубликованной и составила обширный архив для работы исследователей.

Большую практическую подготовку этнографам П.Чубинскому, П.Ефименко и др. давала работа с коллекциями музея, складывающимися в Архангельске с 1837 г. при содействии губернского статкомитета. К музейным предметам исследователи относились как к научному источнику.

В целом этнографические исследования к середине XIX в. содержат мало сведений о материальной культуре и опираются на историю, диалектологию, фольклор.

Интенсивное накопление этнографических знаний в середине XIX в. вызвано не только интересами складывающейся этнографической науки, но и потребностями в переустройстве российского государства. Либерально настроенные государственные деятели, публикуя описания народного быта, кустарных промыслов и ремесел, подчеркивали их глубокую отсталость и пытались внедрить в русское общество мысли о неизбежных реформах на западноевропейских началах.

КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЕ ЗОНЫ РУССКОГО СЕВЕРА

Границы территории Русского Севера не вызывают особых дискуссий. Значительно сложнее проблема зонирования его территории. Нет общего представления о степени монолитности культуры региона и локальном своеобразии отдельных его районов. Зонирование региона, то есть выделение локальных групп внутри севернорусской зоны, в значительной степени условно, оно опирается не на реалии культуры, а на формальные признаки. «Размытость» границ районов бытования элементов традиционной культуры, широкое распространение довольно поздних по своему происхождению комплексов, подкрепленное гипотезой об изначальной однородности населения, ведущего свое происхождение от новгородцев, способствовало устойчивости представлений о высокой степени монолитности севернорусской культуры. Но какова степень этой монолитности, изначальна ли она или возникла в результате поздних этнокультурных процессов? Поиски ответа на него потребовали концентрации усилий специалистов различных направлений. Подводя итоги проделанной работы, К.В.Чистов сформулировал выводы: этническая и социальная неоднородность как русских переселенцев, так и аборигенного населения; относительная «молодость» севернорусского комплекса культуры, своеобразие которого базируется не на «консервации» древнерусских традиций, а на формировании новых черт в процессе заселения огромного региона.

Для выявления границ локальных зон Русского Севера необходимо выявление ареалов распространения конкретных элементов культуры, картографирование материалов, в первую очередь, по народному искусству и духовной культуре, так как в них наиболее ярко отражена этническая специфика. При картографировании и сопоставлении ареалов распространения самых различных элементов культуры мы исходили из того, что народная культура не механический набор различных ее элементов, а живая саморегулирующаяся система, пронизанная множеством связей, способная усваивать инновации, отвечающие ее структуре, не утрачивая при этой «народности» и этнической специфики. При наложении ареалов различных и разновременных элементов культуры (типы жилища, домашней утвари, резьбы и росписи по дереву, вышивки, народного костюма) и сопоставлении их с данными диалектологии, топонимики, антропологии, истории заселения края, археологии выявляются две большие, отчасти накладывающиеся друг на друга зоны, которые мы условно назвали северо-западной и северо-восточной. Первая охватывает территорию от верхней Волги и Озерного

время на западе до средней Двины на востоке и западного Поморья на севере. Вторая — от средней Волги на юге до средней Мезени на северо-востоке. Отдельные элементы комплексов распространены значительно шире. При изучении формирования этих этнокультурных комплексов выясняется, что более ранние элементы культуры стимулировали и корректировали формирование новых традиций. Так распространение трехгранно-выемчатой и скульптурно-зооморфной резьбы оказало влияние на формирование в XVIII-XIX в. различных типов крестьянских росписей и т.д. При картографировании элементов культуры и их комплексов выявляются зоны концентрации (по полноте комплекса, численности и выразительности его элементов) и зоны разной степени рассеивания. При наложении зон концентрации друг на друга выявляется «плавающее» ядро того или иного этнокультурного комплекса, которое мы и назвали культуроформирующим. В силу различных условий — контакты с иноэтнической средой (Карелия), или смежные ХКТ (Поморье) формируются вторичные этнокультурные зоны.

Мы уже отмечали, что северо-западная и северо-восточная зоны отчасти накладываются друг на друга. Районы наложения — бассейны Сухоны, Кокшеньги, Ваги, Средней Двины. Здесь представлены элементы культуры как северо-западного, так и северо-восточного комплексов. Они же в XVI — XVIII в. подвергались наиболее активному влиянию городской культуры. Относительная «молодость» севернорусской культуры подразумевает структурную подвижность, открытость, обогащение в ходе развития культурного комплекса путем заимствования и переработки различных инноваций. Кроме того, достаточно высокий социально-экономический и культурный уровень северного крестьянства облегчал освоение им элементов городской культуры, тем более, что до XVIII в. не было принципиальной разницы между этими двумя культурными комплексами.

Именно в этом районе шло активное формирование новых элементов крестьянской культуры и распространение их по всей территории Русского Севера. После переориентации городской культуры на западную многие компоненты, заимствованные в XVI — XVIII в. крестьянской культурой из городской, воспринимались в конце XIX в. как сугубо традиционные и народные. Формирование и распространение общесевернорусских элементов придавало яркой и самобытной культуре Севера облик монолитности. При этом этнокультурная история Русского Севера свидетельствует о сложности и многокомпонентности источников ее формирования.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОГРАФИИ

*И.Д. Асадчик
(Архангельск)*

ФЕСТИВАЛЬ «ЖЕМЧУЖИНА СЕВЕРА»

В 1989 г. был дан старт Международному фестивалю фольклора «Жемчужина Севера». Он был задуман как демонстрация многоликой самобытной народной культуры северных регионов России и северных государств Европы.

«Жемчужина Севера»! Почему мы дали фестивалю такое название? Мы хотели, чтобы этот фестиваль стал жемчужиной в ожерельи проводимых международных фестивалей.

Цель фестиваля: повышение престижа незаслуженно недооцениваемой народной культуры, ставшей основой русского профессионального творчества и исполнительства.

Критерии отбора участников фестиваля:

- аутентичность коллективов,
- чистота народной традиции,
- артистизм исполнителей.

На первый фестиваль приехали 49 коллективов (1200 человек) из российских территорий, сумевших сохранить корни народного исполнительства. Его зарубежными гостями были коллективы из Польши, Финляндии, Германии, Эстонии. В орбиту этого фестиваля вошли города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Приморский и Холмогорский районы. Фестивальными мероприятиями было охвачено более двухсот тысяч жителей области. Второй фестиваль (июль 1991г.) получил девиз: «Голоса России от Белого до Японского моря», что позволило расширить его «географию». В нем участвовали коллективы из Петропавловска-на-Камчатке, Анадыря, Магадана, Красноярского края (иганасаны), Тувы, Якутии, Бурятии, Карелии и Коми республик, Мурманска, Вологды, Ненецкого автономного округа и других территорий, а также фольклорные коллективы из Франции, Германии и Норвегии.

От города Котласа вниз по Северной Двине прошел фестивальный пароход, включив в праздник прибрежные сельские районы, а маршрут автопоезда из шести автобусов пролегал по автомагистрали от города Вельска до Архангельска. Маршруты пересекались в поселке Двин-

ской Березник, и эта встреча вылилась в грандиозный праздник. Конечной точкой фестивальных маршрутов стал Архангельск. Здесь фестиваль продолжался по отработанной программе: концерты на различных площадках, праздник северной деревни в селе Заостровье Приморского района, «Большие поморские гуляния» и конкурс «Жемчужина Севера» — среди участниц фестиваля.

На фестивалях работали творческие мастерские фольклористов, проводились вечера дружбы, встречи, где участники фестивалей могли ближе узнать друг друга, познакомиться с творческими находками, поучиться друг у друга мастерству. По итогам второго фестиваля был подписан договор о сотрудничестве с Федерацией фольклора Франции.

Организаторы фестиваля решили проводить, кроме летнего, и зимний Международный мини-фестиваль «Жемчужина Севера». Базой проведения первого такого фестиваля в 1993 г. был избран Вельский район, а в орбиту его включены Устьянский, Шенкурский, Коношский районы Архангельской области и Верховажский район Вологодской области. Поскольку фестиваль проходил в Масленичную неделю, то и каждый день в районах имел свой праздник: понедельник (Вельск) — «встреча» гостей и участников фестиваля, вторник (Коноша) — «заигрыши», среда (Кулой, Хозьино) — «лакомка», четверг (Устьяны) — «разгуляй-день», пятница (Шенкурск) — «блинная вечера», суббота (Верховажье) — «посиделки», воскресенье (снова Вельск) — «разудалая Масленица».

Четвертый, летний, фестиваль прошел в 1994 г. в Архангельске, а пятый, зимний, — в Ненецком автономном округе, причем не только в Нарьян-Маре — артисты на вертолетах прилетали в с. Коткино, в оленеводческую бригаду, кочевавшую в тундре.

В 1995 г. фестиваль «Жемчужина Севера» ступил на Архангельскую землю в шестой раз. У него была своя «изюминка» — участвовать в празднике были приглашены фольклорные коллективы из Бразилии, Италии, Германии и Малайзии, и им предстояло, вместе с нашими коллективами, пройти на фестивальной теплоходе от Котласа до Архангельска. Этот фестиваль имел особый статус — он впервые был включен в список фестивалей СИОФФ — Международного комитета организаторов фестивалей фольклора ЮНЕСКО. И на борту фестивального теплохода, вместе с его участниками, находились наблюдатели СИОФФ. На пути фестиваля в праздничное действо везде включались местные самодеятельные коллективы.

Свидетельством международного признания фестиваля «Жемчужина Севера» стало награждение его директора медалью, дипломом и знаком парижской академии «Искусства. Науки. Литература».

Проследив историю развития фестивального движения в Архангельской области, можно сделать следующие выводы:

1. Расширив географию фестиваля от Полярного круга до Вологды, мы дали возможность огромному числу зрителей познакомиться с многоликой традиционной культурой, как отечественной, так и других народов мира.

2. Одной из целей фестивального движения стало проведение фольклорных действ в молодых индустриальных городах, население которых от рождения было оторвано от корней национальной культуры. Здесь фестивальные мероприятия имели успех, следствием чего стало образование новых исполнительских коллективов и любительских клубов, изучающих народные традиции Русского Севера (характерно появление многочисленных молодежных городских фольклорных ансамблей).

3. Такие фестивали сближают не только различные культуры, но и людей. Это особенно важно для Русского Севера, который сегодня является местом жительства и работы людей из многих районов России.

4. На последнем фестивале мы нашли возможным провести эксперимент — внедрение фольклора в современные виды искусства (фольклор и джаз, фольклор и эстрада, «Вертеп» в театре кукол и т.п.). Это направление теперь мы считаем таким же перспективным, как и аутентика.

5. «Болящий дух врачует песнопенье». Проведя шесть фестивалей, мы убедились в том, что искусство не только объединяет людей, но и лечит опустошенные жизненными невзгодами души. Поэтому на предстоящих фестивалях будет еще один негласный девиз: «Терапия фольклором».

6. Шестой фестиваль, особенно праздник «Иванов день», показал, что современная молодежь устала от роковых и рэповых ритмов. Любовь к русской песне, танцу заложена в генах будущих жителей XXI в. Это дает нам право надеяться, что богатое наследие наших дедов окажется востребованным в будущем. Поэтому мы можем считать наш фестиваль регулятором развития народного творчества.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И НОВИЗНЕ В РАБОТАХ ВЫПУСКНИКОВ ЛОМОНОСОВСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО КОСТИ

В русском декоративно-прикладном и народном искусстве постоянно выделяют холмогорскую резьбу по кости как один из интереснейших видов художественного творчества.

Зародившееся с древнейших времен и оформившееся как промысел к концу XVII в., это искусство прошло несколько этапов в своем развитии, сохранилось до наших дней и продолжает развиваться по пути индивидуализации творчества, совершенствования мастерства и создания оригинальных авторских произведений.

Единственным местом профессиональной подготовки косторезов является Ломоносовская художественная школа резьбы по кости, с которой в настоящее время связываются надежды на будущее искусства холмогорской резьбы. Анализ дипломных работ выпускников школы показывает высокий уровень подготовки, индивидуальность мышления, способность к дальнейшему творческому росту, проясняет специфику сочетания традиций и новизны в произведениях молодых художников. Среди дипломных работ часто встречаются традиционные ажурные вазы, символический образ северной природы. Ваза С. Волика «Берегите природу» выделяется формой стакана и нетрадиционным оформлением ажюра. Оригинальна по форме и выдержана в народном стиле декора монтировочная шкатулка С. Катарина «Древо жизни». Высокой сложностью и профессиональным исполнением выделяется шкатулка с шахматами «Август» О. Мартыненко.

К числу реже исполняемых работ относятся настольные секретеры и туалеты. Лучшим классическим холмогорским традициям отвечает секретер с зеркалом и гребнем братьев Семёновых «Жизнь прекрасна». Настольный туалет С. Курицина и Н. Иванова не совсем традиционная, но довольно удачная работа. Встречаются попытки возрождения редких по форме традиционных изделий (дароносица и икона, выполненные братьями Осиповыми). Самой значительной работой по своим масштабам и качеству исполнения в истории школы является бюро-секретер, выполнен А. Кононом и О. Лоховым. Молодые художники обратились к хранящемуся в Государственном Эрмитаже бюро середины XVIII в., фотография которого помещена в книге И. Н. Ухановой (Уханова И. Н. Резьба по кости в России XVIII — XIX в. — Л., 1981. — С. 72); взяв за основу внешний вид конструкции и расположение вставок, со-

здали свои произведения «по мотивам». Работа очень важна в плане изучения традиций, освоения методов работы. Продолжение практики копирования произведений прошлых веков было бы полезно как для повышения уровня подготовки, так и материальной поддержки школы. Дипломные работы свидетельствуют, что выпускники достигают высокого профессионального уровня в навыках обработки материала и знании основных традиций. Вновь появляются произведения религиозной тематики, создаются новые формы. Но авторам необходимо глубокое изучение опыта прошлых веков и современных художников.

Вопрос о создании новой программы по композиции холмогорской резьбы, вызревший у директора школы А.И.Волкова и мастеров производственного обучения школы, — следствие необходимости профессионального искусствоведческого и педагогического подхода к этому виду декоративно-прикладного искусства, который вырастает из народного промысла и сохраняет его самобытность.

И.Е.Ивлева
(Архангельск)

СЦЕНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Главная цель любого собирателя фольклора не только в том, чтобы сохранить найденный материал, но прежде всего в том, чтобы уникальные фольклорные образцы продолжали жить в народной культуре. Глубоко безнравственным я считаю такие действия фольклористов, когда записанные у пожилых людей образцы традиционной музыкальной культуры рассматриваются как *собственное* богатство, таятся и прячутся от исполнителей. Бывают случаи, когда руководители фольклорных коллективов чуть ли не авторским правом ограничивают свой фольклорный репертуар. Песенная культура — это не закостенелая исполнительская форма. Особенности музыкального языка народных песен: звукоизвлечение, хоровая фактура, импровизация, особенности мелодии, ритм и гармония постоянно изменяются. Это в музыкальном фольклоре неизбежно. Само время изменяет музыкальное мышление людей. Интенсивное влияние поп-музыки кодирует в нас современные мелодико-гармонические формы-шаблоны. А музыкальный фольклор может восполнить пробелы нашей музыкальной культуры. Это можно сделать, широко популяризируя фольклор посредством сцены, радио- и телеэфира. Поэтому как бы мы не хотели отделить фольклорные исполнительские особенности от других жанров хорового пения, мы должны придерживаться общепринятых законов исполнительского мастерства. Многие фольклористы-практики пугаются понятий академического искусства. А ведь своя хоровая академия существовала в каждой дерев-

не. Главное место в деревенском хоре занимали прежде всего звонко- и громкоголосые, умеющие поднимать песню на голоса (импровизировать). Каждая певица каждый раз заново сочиняла свой голос в песне, подходила к своему увлечению творчески, велением души.

В настоящее время мы утрачиваем эту исполнительскую особенность. А ведь это один из главных законов музыкального фольклора. Импровизация — это музыкальная фантазия каждого человека. И рядом с ней, на том же месте стоят понятия — звук, голос. И не возможно сказать, что из них важнее, так как эти два условия неотделимы один от другого.

Это особенно важно, когда исполняются лирические протяжные песни. При мастерском исполнении здесь можно услышать и красоту голосов, и обилие подголосков, и импровизацию мелодии. Но лирическая песня все реже звучит со сцены, хотя по праву считается вершиной народного песенного творчества. Причина — игнорирование многими руководителями-фольклористами приемов вокально-хорового мастерства.

Другой момент исполнения протяжных песен на эстраде — умение правильно и логично сделать купюры в тексте песен. Большинству фольклористов этот закон ненавистен, но существуют законы сцены и зала. После пяти минут протяжной песни зрительское внимание слабеет...

Огромное значение в песне имеет поэтический текст. Особенности текста в протяжной песне таковы, что долгий распев какого-либо слова разрывает смысловое содержание. Здесь очень важна дикция.

Несколько проще исполнять на сцене хоровые, игровые песни. Здесь наряду со звуком большую роль играет движение — манера. Чаше всего наши коллективы (Архангельской области) правильно угадывают стиль поведения — сдержанность, величавость. Но бывают случаи, когда сами певцы «салят» песню, превращая сдержанность в скучность.

Характерные особенности искусства северного народного песнопения пока живы. Если традиционные законы песнопения потеряют своеобразие, народная песенно-хоровая культура Севера станет музейным экспонатом. Слушатели потеряют к ней интерес. Из нашего звукового окружения исчезнут мелодическая изысканность и гармоническая витиеватость. Музыкальная фантазия, подавленная роком и попом, превратится в стандартный шаблон.

Для того чтобы этого не произошло, мы сейчас должны заботиться о высоком исполнительском классе и оригинальности музыкального материала, объединенных одним емким понятием — музыкальный фольклор.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ДЕТСКИМ ФОЛЬКЛОРНЫМ АНСАМБЛЕМ «МАКОВКИ»

Когда мне предложили заниматься детским фольклорным коллективом, я долго отказывалась, понимая особую ответственность и сложность такого рода деятельности. В работе со взрослыми основной упор делается на совместное художественное творчество, на общение между участниками и зрителями, на хорошее настроение. С детьми же требуется особая чуткость, обширные знания, высокий профессионализм руководителя. Необходимо быть образцом для подражания, работать не только на занятиях, но и постоянно вести детей «по жизни».

Сейчас идет восьмой творческий сезон моей работы с ансамблем «МАКОВКИ». В коллективе занимается в разных возрастных группах более 30 детей. Музыкально-профессиональная ориентация не является основной задачей работы с детьми, хотя несколько участниц ансамбля — студентки ведущих музыкальных вузов страны. Главное в работе — не слепое подражание прошлому, а бережное отношение к фольклорному материалу при сценическом воплощении и целостное, комплексное восприятие фольклора (пение, хореография, народные ремесла, общие трапезы с молитвой и многое другое).

Сама я помню время, когда сарафаны были повседневной одеждой, а не сценическим костюмом, когда пили чай из медных самоваров и пиво из братынь. Я сживала на лавке в красном углу под образами, «за медны скобы захватала, белы пороги запинала». Современные же дети видят это в музеях или антикварных магазинах. А что увидят дети детей?

Мы направились в деревни Архангельского края, чтобы через красоту северной природы, рубленных домов, домашней утвари и самобытных стариков духовно обогатиться и нравственно возвыситься. Поехали гостить в ближайшее старинное село Неноксу, где нам повезло и мы познакомились с 94-летней Марией Васильевной Прибытковой (ее записывали фольклористы в 20-х гг. нашего столетия). От нее мы услышали давние песни, завораживающие рассказы о прошлом... Благодаря ей мы почувствовали связь поколений, веков — она родилась в девятнадцатом веке, мы живем в двадцатом, а детям жить в двадцать первом.

Поездки продолжались, мы много раз бывали в Устьянском районе в фольклорных экспедициях и подружились с деревенским ансамблем бабушек из Череново. Репертуар этого коллектива лег в основу нашего

иссенного репертуара. Музыкальный материал других районов области дополнял и обогащал наши познания в фольклоре и концертные программы.

Увлекательные путешествия совершают ребята, изучая свои корни, семейные родословные, истории рода и края. Во всей работе нам большую помощь оказывают родители: в гастрольных поездках, экспедициях, в концертных выступлениях, репетиционных занятиях. Вместе отдыхаем — сообща готовимся: бабушки, родители, дети.

Участники ансамбля приучаются к ведению личных архивов, путевых дневников, сбору фотоматериалов, чтобы сохранить для потомков опыт, знания; пусть потом те исследуют, разрабатывают и научно обосновывают благотворное влияние на человека нашего фольклора, того, что называется «русским духом».

С.С.Клыков
(Архангельск)

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО (Опыт работы облметодкабинета по учебным заведениям культуры и искусства)

К 1980 г. Управление культуры Архангельского облисполкома приняло решение, где художественным школам и школам искусств было предложено разработать программы на основе изучения местных традиций на уроках декоративно-прикладного искусства. На ее разработку ушло несколько лет. Сегодня ее можно считать завершенной — школы определились с выбором, досконально изучили промыслы, составили программы, провели их апробацию, внесли коррективы, получены положительные результаты.

Программы естественно вошли в школы. Прежде всего потому, что это было близко детям и небезразлично педагогам. Так каргопольской игрушкой занялись в Каргопольской ДШИ, сомовской игрушкой — в Вельске, вышивкой — в Шипицино Котласского района.

К процессу овладения знаниями дети подходили сознательно. Знания во многих случаях они получали из первых рук — рук мастера-ученика. Мастера с радостью открывали свои секреты. Знания передавались ненавязчиво, по принципам народной педагогики.

Богатым материалом располагали музеи. Это позволило изучить развитие традиции и более полно представить ремесла. В выставках детского творчества появился раздел «Декоративно-прикладное и традиционное искусство». Работы детей подкупали своей искренностью и непосредственностью исполнения.

Со временем школы начинали понимать, что нельзя обойтись без изучения народной культуры. Во многих школах открываются фольклорные классы. В художественных школах народное искусство изучают как систему знаний.

В Вельске 10 лет работает клуб «Берендей», успешно развивается десяток видов ремесел. В Каргополе школа вводит в программу темы: «Вышивка» и «Северное печенье». Появилось много художественно-прикладных отделений.

В Мезени изучают мезенскую роспись, в Шенкурске — глубоковскую. В Мирном — вышивку, лоскутное шитье, крестьянскую куклу.

Этому помогают постоянно проводимые лаборатории для преподавателей ДШИ, где педагоги делятся своими знаниями, опытом работы по изучению традиций

Своим главным достижением методкабинет считает проведение детского фольклорного фестиваля «Роднички». В этом году он проводился третий раз. Город Вельск — постоянное место проведения этого фестиваля. Сюда съезжается более 200 детей — участников фольклорных коллективов, музыкальных исполнителей, юных мастеров. Фестиваль — это выступления фольклорных коллективов, народный праздник, творческая мастерская, научно-практическая конференция.

Сегодня можно уверенно сказать: фольклор прочно вошел в жизнь школ и получил свое дальнейшее развитие в детском творчестве.

*Л.Г.Козинская
(Архангельск)*

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ЖИВАЯ КУЛЬТУРА

В понятие «культура» крестьянина-земледельца входит в первую очередь сельскохозяйственный опыт, установившиеся веками нормы общественной жизни и быта с его праздниками и обычаями. Первостепенной заботой крестьянина-земледельца было заботиться об урожае, о здоровье своем и семьи, о передаче опыта подрастающему поколению, и всё в его буднях и праздниках подчинялось этой главной цели. Хотя в настоящее время эта культурная система разрушена, мы с вами осознаём, что возврат в прошлое необходим, что нужен новый взгляд на «старую жизнь».

Праздники у крестьян, во время которых совершались культовые и земледельческие обряды, не рассматривались как безделье, в них трудилась душа, они считались своеобразным экзаменом в знании народной культуры из раскрытой природы. Уроки же народной культуры преподносились во время игры, живого общения, посредством «бесе-

ды». В крестьянской среде ребенок с пеленок, с младенчества приобщался к народной культуре. Происходило это самым простым и мудрым способом — через «байканье». От своей бабушки ребенок получал первое музыкальное образование, а через «качанье» и «потягушечки» — первые упражнения, способствующие его физическому росту.

На беседах, которые проходили по возрастным группам, деревенская молодежь проходила школу жизни, по окончании которой молодой человек знал всю народную культуру.

В Архангельском государственном музее деревянного зодчества и народной культуры «Малые Корелы» мы ищем новые пути работы с людьми. Каким-то образом стараемся помочь им почувствовать ту атмосферу жизни, тот ритм жизни, которыми жили наши предки.

В этом нам помогает визуальная антропология. Нашим музеем по многолетним исследованиям создано два научно-популярных фольклорно-этнографических фильма: «Умом и разумом» (свадебный обряд юго-запада Архангельской области с Трети Коношского района) и «Святые вечера, страшные ночи» (Святки на Вохтоме Коношского района). Оба фильма сняты Архангельской телекомпанией в естественной культурно-исторической среде. Роли исполняют местные жители. Эти фильмы были высоко оценены ведущими специалистами-антропологами. На Международном фестивале по современной этнографии, проходившем в сентябре 1996 г. в Румынии в г. Сибиу (присутствовало 19 стран и было просмотрено 19 фильмов), фильм «Святые вечера, страшные ночи» получил 2-й приз и диплом за «истинность фольклорных традиций», «за близость к ценностям традиционной культуры», «за духовное состояние актеров». В музейной практике эти фильмы мы используем в научно-просветительской и образовательной деятельности. Показываем в вузах, школах и даже в детских садах. Наши фильмы интересны не только ученым в области этнографии и антропологии, но и художникам, архитекторам и др. В настоящее время музей не имеет финансовой базы для снятия такого типа фильмов. Поэтому основные задачи визуальной антропологии решает музейный фольклорно-этнографический театр «Славутница». Театром по научно разработанным сценариям реконструированы и возрождены фрагменты праздников. «Рождество» — христославление и пение виноградий, хождение со звездой. Во время святок в музее театром разыгрываются потехи и игрища, ряженья: «Сатана», «Журавль», «Медведь», «Покойника носить», «Продажа коня», «Барина водить». На Масленицу восстановили обряды, связанные с молодоженами, — «целовальники», «рыжики солить», «столбы», «смотрины». С большим азартом проходят игрища «прощание с масленицей», «сожжение масленицы». На празднике Пасхи люди

с большим удовольствием играют в деревенские игры — «катают яйца на деревянном лотке», прыгают, скачут на досках, «считают деньги», перебирают зерна. Под песни, игру гармошки качаются на качелях. Впервые в музее возрождена пинежская игра в «лодышки» (в овечьи косточки). На «Троицу» девушки гуляют в березовой роще, собирают цветы, украшают березы и кумятся. Около изгороди появляются воздушные, прозрачные образы русалок. Впервые театром музея на лоне природы в г. Каргополе была разыграна и поставлена сцена «Ивановской ночи» — купальский костер, сбор трав, купание в реке, гадания, собирание росы и встреча солнца.

Все обрядовые действия во время праздников мы фиксируем на киноленту и видеокассеты. Отснятые материалы используем на семинарах, любительских просмотрах, дискуссиях, лучшие из них — в лекционной и научно-просветительской работе. При помощи театрализованных сцен в музее оживают зрелища, интерьеры домов, тематические музейные экспозиции. Посетители музея, войдя в такой памятник, получают не только знания и эстетическое наслаждение, но и чувствуют себя участниками живого зрелища.

Визуальная антропология, «живая культура» — это комплекс научно обоснованных, эффективных, сильных, точных, простых и доступных средств изучения и возрождения народной культуры.

*В.Л.Мымрин
(Шангалы)*

ПРАЗДНИК ТРОИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Одной из наиболее ярко выраженных традиций, имеющих немалое значение в наше время, является поминание усопших. Я хочу рассказать о главном празднике этой традиции — Троице. Этот праздник был записан на кладбище п. Синики Устьянского района в 1994 г.

Начало действия приходилось на десять часов утра, когда жители близлежащих деревень стали собираться на кладбище. Их торжественное шествие было хорошо видно с горы, где располагалось само кладбище. Почти каждый идущий что-то нес в руках. У местных гармонистов неотъемлемой ношей была гармонь. Я не буду останавливаться на обрядовой еде, на порядке ритуала, но после первого поминовения гармонист мог уже играть. В большинстве случаев это была деревенская музыка, иначе наигрыш «По деревне», который в этой местности называется «Дмитриевская» (название происходит от названия села, кото-

рое находится в этом районе). Через некоторое время подходили соседи и спрашивали гармониста: «Пойдем, мамке-то поиграй». В этом случае гармонист не мог отказаться. На могиле гармониста просили сначала помянуть умершего, а затем он уже играл. Находившиеся рядом женщины могли петь. Текст этих «писенок» не всегда соответствовал месту и времени и был обращен к умершему. «Писенки» — это четверостишия, напоминающие современную частушку. Сюжет их мог быть разнообразным («Когда поминают молодую женку», «Когда поминают мать», рекрутские). В это время и на другом конце кладбища звучала гармошка. Когда действие достигало своего апогея, оно могло перейти в центр кладбища или в специально отведенное место, где разрешалось петь и плясать. Об этом свидетельствует гармонист из Минского сельсовета того же района: «У нас на кладбище было отведено специальное место, на том месте никого не хоронили. А в Троицу там собирались, пели и плясали». Здесь мы встречаем отражение культа предков. Об этом мы можем судить по очень яркому описанию в «Стоглаве», где говорится: «В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричаньем, и егда учнут скоморохи, и гудцы, и перегудницы играти, они же от плача переставше, начнут скакати и плясати, и в ладони бити, и песни сатанинские пети; на тех же жальниках обманщики и мошенники». Часам к 13-14 на кладбище уже почти никого не было, и гулянье продолжалось дома.

*Г.В.Насонова
(Архангельск)*

РЕБЕНОК И РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

В русской крестьянской общине ребенок приобщался к взрослым знаниям и правилам общежития постепенно, через включение в обрядовую и повседневную жизнь, начиная с рождения, с момента наречения именем. Каждая возрастная категория несла свою службу в хозяйственно-бытовой и обрядовой сфере жизни. И все четко знали, какая роль отведена им, а какая другим членам семьи, общины, знали свое время включения в праздник.

Сегодня смоделировать условия, где бы ребенок впитывал традиционную культуру вместе с окружающей природой, действительностью, языком практически невозможно. Современному человеку нужен иной путь вхождения в фольклор, народную культуру, как бы со стороны.

В кружках прикладного творчества и фольклорных ансамблях занимается лишь небольшое количество детей.

Многие считают, что праздник для детей нужно обязательно реконструировать так, чтобы ребенок чувствовал свое собственное активное участие в нем. Это бесспорно, если ориентироваться на детей младшего школьного возраста: песни-заклички на природе, выпечка «жаворонков» и «тетерок», рождественские, масленичные и даже егорьевские обходы, оформление пасхального стола, действия с вербой и березой. Эти и подобные моменты можно реконструировать. А как познакомить детей с другим календарно-обрядовым материалом? Ведь в целостную структуру традиционной обрядовой культуры включались и труд, и быт, и семейные отношения, и христианские, и дохристианские религиозные воззрения крестьянства. Все они являются частью нерасчленимого комплекса, пронизанного множеством связей.

«Страну детства» населяет недолговечное племя, каждый из её граждан живет 12-14 лет, а затем переходит во взрослый мир. Вот с этой возрастной группой 12-13 лет два года назад меня пригласили поработать в одну из школ города.

А в этом году мы открыли «Школу народной культуры» при ОНМЦ культуры. Здесь обучаются пять классов из другой школы. Обе школы занимаются по одной программе. Разница в том, что для одних учащихся это обязательный урок по региональному компоненту, а для других — факультатив.

Программа, рассчитанная на шестые классы, дает общее представление о цикле календарной обрядности Севера, привязке важнейших христианских праздников к циклу сельскохозяйственных работ и важнейшим событиям семейной жизни, органичном внедрении в крестьянскую культуру многочисленных дохристианских воззрений.

Наши занятия дают знания, которые помогут глубже понять основные школьные предметы и облегчить восприятие материала по курсам литературы, истории, биологии, географии, музыки. Полученные знания, наблюдения детей дополняются впечатлениями, полученными от встреч с хранителями традиций.

При ОНМЦ культуры работают два коллектива: ансамбль «Северные жемчуга» и любительский театр фольклора. Программы этих коллективов органично вписались в тематику наших занятий. Участникам коллективов в свою очередь нравится, что именно дети проявляют интерес к народной культуре. Они с удовольствием водят с ними хороводы, играют, показывают народный костюм, рассказывают о том, какие виды работ выполнялись на посиделках, как складывались взаимоотношения девушки и парня.

Уроки способствуют сближению детей, родителей и бабушек в семьях на почве постижения и передачи народной культуры. Рассказы бабушек о народной культуре, быте деревни играют важную роль в воспитании ребенка.

Постепенно дети, начинают запоминать не только то, чем занимались в праздник, но и как выполняли то или иное действие. Во втором полугодии я не успеваю ещё о чем-то сказать, как кто-нибудь выкрикивает: «А я знаю, зачем!». Один из уроков-опросов прошел в форме игры «А я знаю, зачем».

Таким образом, учащимся шестого класса материал доступен. И если, согласно одной из методик, в первой четверти седьмого класса учащимся на уроке истории дается задание написать сочинение на тему «Один день из жизни феодала», то самое время в шестом классе познакомить учащихся с традиционным хозяйственным укладом их предков.

*З.Г.Пашкова
(Карпогоры)*

О СЕГОДНЯШНЕМ И БУДУЩЕМ ПИНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Пинежский фольклор я собираю уже тридцать лет. Это не только песни, но и праздники, обряды, танцы, хороводы, история костюма. За этот период состояние фольклора сильно изменилось.

Опустели некогда самые певческие, богатые родовыми традициями деревни; традиции прерваны, а накапливались они веками. Умирают один за другим последние знатоки.

Со стороны может показаться, что это не так, поскольку экспедиционная работа всё ещё даёт результаты. Но качественно это уже совсем другой фольклор.

Умерли настоящие мастера, владеющие подлинно пинежским распевом, которым так восхищались в своё время исследователи, владеющие традиционными приёмами импровизации. Остались единицы, которые не в состоянии сольно показать богатство многоголосия, а пение посредственных певиц их не удовлетворяет. Сольного пения на Пинеге вообще нет, так как невозможно спеть сольно протяжную песню, она слишком сложна. В настоящее время исчезли целые жанры или их разновидности: былины, целые элементы свадебного обряда и др. Деформировался обряд плачей (причитания). Раньше были специальные плакальщицы, которые начинали плач, «заводили» невесту на причет, напев и текст был свой, который передавался по наследству.

В наше время невеста плачет уже под свадебную лирическую песню, исполняемую хором. У многих песен забываются тексты, теряются концовки и начало песни, выпадают целые фразы. Иногда наблюдается контаминация текстов, причем иногда у одних и тех же исполнителей. Приходится по несколько раз записывать песню. Традиционный фольклор может жить только в естественной народной среде, а она разрушена. Ликвидированы старинные праздники с их традиционными гуляниями.

Сейчас нам приходится из всех сил тужиться, возрождая праздники. Но разрушить можно быстро, а возродить быстро нельзя. Нарушена связь времен. Люди разучились веселиться сами, ко всему подходят с иждивенческих позиций.

Естественной средой обитания песни остается в наши дни застолье. Но что же там поется? большей частью городская песня, или, как мы её называем, романс, иногда очень жестокий, и частушка. Я ничего не имею против них, но обидно за прекрасную протяжную песню: историческую, лирическую, рекрутскую и свадебную.

Они сохраняются в памяти отдельных исполнителей. Хочется сказать еще об одной форме сохранения фольклора — самодеятельных хорах, ансамблях. Но это очень зыбкая почва. Поют и танцуют, иногда не имея представления о таких традиционных формах, как манера исполнения (певческая, поведенческая). Особенно сложно восстанавливать формы традиционного многоголосия с импровизацией. Об этом чаще всего имеются очень смутные представления, поэтому чаще импровизируют по принципу классической гармонии.

Поэтому сейчас почти совсем утрачена развитая пинежская полифония. Ныне живущие исполнители большей частью поют в гетерофонном складе. Утрачены пинежские лады с альтерированными ступенями, в которых пела ещё Анастасия Григорьевна Буланова. Сейчас встречается ещё довольно закономерная альтерация в свадебных песнях у чешегорского ансамбля. А в основном звучат натуральные мажор и минор. Поэтому надо очень внимательно и осторожно подходить к фольклору, работая в самодеятельном коллективе можно сделать так, что никакие исследователи не разберутся.

Так каким будет фольклор в XXI веке? Не хотелось бы, чтобы «вышим пилотажем» были «Конфетки-бараночки» или «Балалайки-заразы», которые сейчас звучат с экранов телевизоров в исполнении наших «звезд».

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ФОЛЬКЛОР В АРХАНГЕЛЬСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

Разработка системы музыкального образования детей дошкольного и школьного возраста на сегодняшний день остро актуальна. Ситуация такова: огромный пласт детского репертуара в школах и детских садах (песни о партии и Ленине, пионерские, комсомольские и др.) ушли из школьных программ. Образовался вакуум, заполнить который по праву должен традиционный музыкальный фольклор, в частности фольклор региональный. В Архангельском высшем педагогическом колледже вот уже четвертый год введена фольклорная специализация. Студенты изучают музыкальный фольклор нашей области. Отсутствие специализации негативным образом сказывалось на обучении детей фольклору в дошкольных и школьных учреждениях. А ведь именно музыкальные работники детских садов и учителя музыки общеобразовательных школ имеют непосредственную возможность донести до детей красоту народной песни. Отрадно, что в настоящее время положение меняется к лучшему: во многих районах области в музыкальных школах открываются фольклорные классы, музыкальные работники и учителя школ самостоятельно осваивают музыкальный фольклор Севера.

Процесс создания таких классов в музыкальных школах, обучение учащихся народной манере пения (параллельно с академической) чрезвычайно радует. Как радует и открытие в педагогическом колледже фольклорной специализации. Ибо если уж мы говорим о «природе» человеческого голоса, которую, конечно же, нельзя ломать, то давно пора признать и право на существование от «природы» народного голоса. Эту задачу и решают теперь фольклорные классы при музыкальных школах. В дальнейшем ребенок имеет возможность поступить не только в музыкальное училище, но и в педагогический колледж.

Постепенно выстраивается цепочка:

«детский сад» — музыкальная школа» — «педколледж» — «...».

Для выпускников педагогического колледжа она не замыкается. Дирекция колледжа в настоящее время активно работает в этом направлении, пытаясь наладить связи с высшими учебными заведениями, которые смогут принять наших студентов для дальнейшего обучения.

Специализация по фольклору включает ряд предметов: хор и практика работы с хором, постановка голоса (северная манера пения), детский музыкальный фольклор (накопление и изучение), расшифровка, методика работы с хором, оркестр русских народных инструментов.

Цель предмета «Детский музыкальный фольклор»: изучение музыкального фольклора Севера. Ведется ориентация студентов на самостоятельную работу с фольклорным материалом по окончании учебы. Предмет изучается в течение одного года на 4 курсе (34 часа), что, конечно, недостаточно. Курс делится на три раздела: музыкальный фольклор Севера (материалы архангельского фольклориста В.П.Смирнова), музыкальный календарь года, музыкальный фольклор различных областей России.

Проблемы, которые хотелось бы решить в ближайшее время: это издание материалов из фонотеки В.П.Смирнова и развитие сотрудничества с другими регионами Севера по изданию и обмену музыкальными материалами.

*Л.А.Смоленская
(Карпогоры)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПИНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

«Гостеньки и гостыюшки, не всем поименно, а всем заедино целой низкий поклон!» — так приветствовали на Севере гостей. И сейчас, когда идешь по деревенской улице, тебе обязательно с полупоклоном пожелают здоровья. Всякий, кто бывал в северной деревне, отмечает степенность, выдержанность сельского жителя, его умение сохранять достоинство, умение выслушать собеседника. Конечно, многое в деревне уже изменилось. Жаль, что отношения между людьми меняются не всегда в лучшую сторону. Но, пока мы помним свои корни, знаем свою родословную, сохраняем обряды и традиции, мы будем жить.

Сейчас иногда спрашиваешь у детей имя-отчество бабушки-дедушки, а они отчество-то зачастую и не знают. Вот поэтому мы в школе практикуем составление родословных. В эту работу включаются всей семьей. Иногда заново устанавливаются когда-то потерянные связи между родственниками. А с каким интересом относятся дети к нахождению «своих» у себя же в классе. Замечаю, что после такой работы отношения между детьми меняются в лучшую сторону.

На уроках литературы и истории школьники узнают о прошлом своего края. Гордятся, что Кеврола на десять лет раньше упоминается в письменных памятниках, чем Москва. С каждым годом эти познания расширяются, учащиеся что-то самостоятельно отыскивают в книгах, в рассказах взрослых и передают другим. Чувство малой родины с годами вырастет в любовь к большой нашей родине — России.

И вот первые уроки литературы в пятом классе. Сразу же благодатная тема — «Русский Север — сокровищница фольклора».

Начинаем с малых жанров: потешки, считалки, «байканье» — колыбельные, пословицы, поговорки, загадки. Ребята рассказывают, что сами знают. «Укладывают спать» колыбельной своих одноклассников. А с каким удовольствием составляют книжки-малышки «Пословицы и поговорки мамы (папы, бабушки, дедушки, знакомых)». Готовим рукописные сборники «Пинежские загадки».

Потом переходим к сказкам. Обязательно расскажу сказку «О Марлехтеньюшке», которую мне мама моя, Хрипунова Антонина Михайловна, сказывала. Когда сказки сказываем, садимся в кружок, так интереснее. А вот урок-обобщение иногда так провожу.

К бабушке-задворенке (не очень-то зажиточной, но доброй старушке, живущей где-нибудь на окраине, на задворках) собираются ребята на «вечерянку». Класс превращается в избу: домотканые половички на полу и на скамейках, на столе — огромный медный самовар, братыня, подсвечники медные. На стене — фотографии в рамке, украшенной браным полотенцем. Бабушка (это я) в пинежском костюме: пестрядинник, рубаха-мышница, шубка-безрукавка, на голове — аглицкий платок, на ногах — пестрые чулки заправлены в калоши — встречает внучат (пятиклассников) и их друзей, угощает рассолом и житником.

Рассевшись на лавки, ребята затевают игру «Люб ли сосед?» А ведущего для игры выбирают по считалке. Кто быстрее вспомнит считалку? И вот уже звучит: «Чинчики-резинчики, летали голубинчики по кусту, по насту, по Божьей росе, по чужой полосе. Там чашки, орешки, медок, сахарок. Выйди вон, королек!»

А потом водящий, «королек», начинает спрашивать у каждого по солнышку: «Люб ли тебе сосед?» Если отвечают, что не люб, то водящий поинтересуется: «А кого надобно?» И тот, кого выбрали, меняется с нелюбым соседом местами.

А бабушка обращается за помощью: клубки у нее запутались, перемотать надо. Как перемотают, внутри находят листочек с заданием. Кому досталось загадку загадать, другому — пословицу вспомнить, третьему — игру начать, сказку вспомнить, колыбельную спеть, сказку сказать — каждому свое. А кто-то о своем костюме расскажет, да и поведаст нам, от кого он достался, от какой бабки-прабабки. Довольные и заинтересованные уходят ребята с этого урока. По желанию самих ребят еще долго продолжается конкурс пословиц и загадок.

Когда шестиклассники знакомятся с мифами древних греков, славян и других народов, вспоминают и свои пинежские мифы и легенды.

Расспрашивают своих бабушек, дедушек. К этому уроку затемняем класс, ставим стулья в круг, зажигаем свечу. И вот в таком полумраке начинаются рассказы о полудницах, обдирихах, чиликунах, обмененных. И именно в полумраке начинают ребята понимать, откуда эти мифологические образы возникали. Ведь кто объяснит, почему огромная мурга (так у нас называют огромную естественную яму на территории деревни, которая весной заполняется водой) в Мурине появилась? Вот и живет легенда, что это девушка в Великий пост гулянку устроила, пела да плясала, вот дом и провалился сквозь землю. И о добрых силах говорим — о дедушке-доможирушке и бабушке Соломидушке. Да ведь хочется до всего моим ребятам дознаться. Объясняю, что это фольклор, передается он из уст в уста.

И обряды издалека идут, когда еще языческим богам поклонялись. Об этом говорим в седьмом классе. Обряд сбора урожая записан на видеокассете, а в жизни этого обряда уже не увидеть. Правда, участники фольклорного детского кружка «Муравушка» переняли у старушек и песню, и что, и как делать, так же, как и Христа славить в Святки. А еще заговоры на уроке вспоминают семиклассники. Потихоньку приобретаем то, чем народ владел. Когда былины читаем, обязательно обращаемся к былинам М.Д.Кривополеновой — своей знаменитой землячке. Жаль, не осталось у нас исполнителей былин. Последней, от кого слышали былинку, была, ныне покойная, Надежда Прокопьевна Патракева. И тут опоздали записать!

А от былин уже к песням переходим. Хотя нынче и не так уже часто звучит пинежская раздольная песня, но, благодаря фольклорной группе наших бабушек, да и «Муравушке», в Кевроле песни знают. Восьмиклассники на уроке услышат исторические песни о пожаре в Ярославле, о разбойниках, лирические «долгие» песни и припевки. Их много знают наши бабушки, которых приглашаю на уроки. Слушаем песни с грампластинки, которую записали в Ленинграде, куда приглашали наших бабушек. Игровые песни исполняет детский коллектив «Муравушка». Смотрим видеозаписи свадебного и рекрутского обрядов. Школьники учатся плачу-причитанию невесты. Когда читаем Н.А.Некрасова «Мороз, Красный нос», я «плачу» по Проклу: сравниваем северное причитание с поэмой.

Мы стараемся ценить и беречь народные традиции, воспитывать кеврольских детей в духе любви и уважения к родному краю, национальным обычаям, обрядам, его истории и культуре. Обращение к народным истокам — веление нашего времени.

К ИЗДАНИЮ «ПОМОРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Энциклопедия будет включать пять томов.

Том 1 «История Архангельского Севера». В томе излагается система основных событий на территории Поморья, имевших место со времен далекого прошлого до наших дней.

Том 2 «Природа». В нем дается описание геолого-минералогических ресурсов края, его почв, растительного и животного мира, климата, запасов водных ресурсов, состояния природопользования, роли человека в освоении Поморья.

Том 3 «Экономика». Здесь освещается уникальная история развития производительных сил Поморья, раскрываются состояние территориального производственного комплекса, специфика региональной экономики, перспективы ее развития в связи с новыми открытиями богатейших запасов природных ресурсов (нефть, газ, алмазы и др.).

Том 4 «Культура». В нем отражаются особенности, история развития и современное состояние культуры региона (в том числе традиционной культуры Русского Севера).

Том 5 «Города. Районы. Люди Архангельского Севера». В томе раскрывается выдающаяся роль поморов в освоении Севера, а также Сибири и Аляски; освещаются основные исторические события, имевшие место на территории административно-территориальных образований Поморья. В томе найдет отражение роль ученых, авторитетных землепашцев, лесозаготовителей, геологов, учителей, врачей, воинов — всех тех, кто прославил в прошлом и прославляет в настоящем наш Поморский край.

Научное руководство изданием осуществляет вице-президент Российской Академии наук Н.П.Лавёров, главный редактор «Поморской энциклопедии». Подготовлен первый вариант тома «История Архангельского Севера» (он был издан весной 1996 г. тиражом 30 экз.). Главный редактор тома «История Архангельского Севера» — ректор Поморского университета В.Н.Булатов, заместитель — А.А.Куратов (он же — составитель тома). В первом варианте данного тома — 1550 статей.

Благодаря усилиям наших авторов осуществлен выпуск сопутствующих изданий. Например, «Красная книга Архангельской области» (редактор В.А.Андреев); Ф.А.Пономарев собрал материал и с помощью редакции «Поморской энциклопедии», Поморского университета и Ар-

хангельского объединения рыболовецких колхозов издал «Словарь профессиональной лексики рыболовства». Завершается работа по подготовке к изданию некоторых первичных материалов. Ряд из них составят три книги. Уверен, что они будут изданы. Это «Архангельская область (губерния) в энциклопедических изданиях, словарях и справочниках Отечества», «Архангельская область (губерния) в законах и директивных документах Российской империи и СССР, Российской Федерации», «Летопись Поморья, Архангельской области (губернии) в XIII-XX в.» (названия книг пока условны). На основе и с учетом публикаций этих подготовительных материалов будут обеспечены и научный подход, и апробация статей для «поморской энциклопедии».

Наша область, в далеком прошлом — губерния, всегда была ядром Русского Севера. Поэтому существенное место в содержании издания должны занять статьи, посвященные культурному наследию, фольклорно-этнографическому, книжному, художественному прошлому и настоящему Поморья.

Издание станет полезным широким кругам интеллигенции, студентов, учащихся, предпринимателям, всем читателям-патриотам нашего края. Каждый сможет найти ответы на вопросы, имеющие отношение к прошлому и настоящему архангельского Севера.

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ. ФОЛЬКЛОР. КРАЕВЕДЕНИЕ

*С. В. Козлов
(Северодвинск)*

К МЕТОДОЛОГИИ ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В последние десятилетия славяно-русская литература Средневековья (как и древнерусский фольклор) последовательно и основательно изучалась в прикладном (в частности, в текстологическом) плане. Данное направление научных разысканий должно быть дополнено исследованиями поэтики произведения и жанра, системы художественной образности.

Выявление и аналитическое описание системы образов-символов ораторской книжности Древней Руси (на фоне византийско-славянской литературной традиции и устного народного творчества) может быть конкретизировано в трех задачах. Во-первых, необходимо классифицировать образно-тематический состав произведений, систему образов с точки зрения ее предметно-изобразительных компонентов. Во-вторых, не обойтись без определения идейно-содержательных «ярусов» символической образности. В-третьих, целесообразно представить способы тропического оформления и композиционно-синтаксической разработки символов в произведениях.

В настоящей работе предполагается рассмотреть элементы, составляющие наглядно-изобразительную сторону символики средневековой ораторской прозы. При классификации они могут быть отнесены к одному из следующих «разделов».

I. Образность сенсорного типа, связанная с отображением мира в ощущениях. Включает качества визуальные, акустические, обонятельные, вкусовые, осязательные, термические, связанные с ощущением веса и др.

II. Образно-тематическая группа «природа».

1. Художественное время (в основном природно-календарная образность).

2. Художественное пространство (пространственно-космологические и гео- топографические образы).

3. Природно-материальные объекты: небо; светила (солнце, луна, звезды и пр.); атмосферные явления (тучи и облака, гром и молния, ветер, дождь и пр.); горы, холмы, камни; овраги; растения (лес, сад, деревья, кустарники, ветви, плоды и пр.); пустыни; поля, произрастания земли (злаки, травы, цветы и пр.); реки, источники; море.

4. Образность животных (домашних и диких), птиц (орлы, голуби, вороны и пр.), пресмыкающихся (например, змеи), насекомых (пчелы, муравьи), рыб, легендарно-фантастической «фауны».

III. Образно-тематическая группа «социо-культурная сфера» разделяется на две подгруппы: изобразительный материал церковно-исторического и мирского характера.

1. Средневековая ораторская проза свое содержание базирует на Священном Писании, на событиях церковной истории, последовательно использует образы духовной иерархии, специфичных форм религиозной жизни, церковно-обрядовые образы (символика храма, атрибуты службы и пр.).

2. Однако основным источником образного материала для писателя-ритора являлась социо-культурная, мирская сфера, ее субъекты и объекты, типы и характеристики деятельности, ее средства и условия и т.д.

а) Социально-государственная образность. Сюда относятся образы-символы: «царь — слуги, подданные», «судья» (противопоставлен «разбойникам», «преступникам»), а также образы, иллюстрирующие «воинскую тему» («военачальник — воины — враги», символика оружия, батальных описаний).

б) Образно-тематическая группа «собственность, имущественные отношения»: «господин — работники, рабы», «богатый — бедный, нищий», «заимодавец — должник», символика «купца», торговой деятельности.

в) Образность «мужчина и женщина», семейно-брачная символика: «жених — невеста», «муж — жена», «семья — блуд, разврат», «родители — дети», «воспитание».

г) Образы явлений материальной культуры и производственной, социально-профессиональной деятельности человека (типы, объекты, средства, условия, результаты труда):

- символика града, крепости, зданий (дворец, дом), образы домостроительства, строителей;

- символика «пути», передвижения в пространстве, путешествия сухопутного и морского, образ «корабля в бурном море»;

- образы «садоводства», «оград» и «деталей», «плодов»;
- земледельческая символика, «ратай» и «село» (последовательность производственных операций, орудия, приемы, условия, результаты крестьянского труда);

- образность «пастырь — паства»;

- образность «рыбарь — мрежа — ловитва»;

- символика «охоты», птицеловства, других промыслов;

- образность ремесел и ремесленников (гончар, ткач, портной, кузнец, оружейник и др.);

- символика врачевания;

- символика школы, обучения, «учитель — ученик», «воспитатель, наставник — воспитанники»;

- символика искусств: живописи, скульптуры, музыки (пения, музыкальных инструментов), ювелирного искусства, поэзии («ветийства») и др.

д) символика состязаний;

е) символика праздничного торжества;

ж) символика пира;

з) символика одеяний и украшений;

и) символика «омовения» и др.

к) Образность бытовой сферы, домоуправления, домашнего хозяйства (дом и его устройство, предметы обихода, мебель, посуда, одежда и пр.).

IV. Образно-тематическая группа «человек»:

1. Символика «человеческого тела и его частей» («глава — уды»).

2. Символика биологических свойств человека (рождение и смерть, возраст, мужские и женские качества, сила и слабость, болезни и пр.).

3. Символика естественных потребностей человека (голод, жажда, сон и пр.).

4. Символика внешности человека.

5. Символика поведения, действий, движений; «психофизические» образы.

6. Символика речевых актов.

Было бы интересно проследить сходство и различие классификационных «полей» изобразительной стороны книжных и фольклорных произведений Древней Руси. Словарь образов-символов был бы полезен и для литературоведов-медиевистов, и для ученых-фольклористов.

СИМВОЛИКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ «ДОМ-ХРАМ-ГРАД» В ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XI в.

Анализ древнерусского гимнографического текста необходимо предполагает работу на междисциплинарном стыке литературоведения, лингвистики, эстетики, искусствоведения, теологии. К настоящему времени имеется очень мало научных исследований по славяно-русской гимнографии. Недостаточно изучены особенности бытования символической образности в литературе и, в частности, в памятниках книжности гимнографического типа.

Аналитически рассмотрены «Служебные минеи» за сентябрь, октябрь, ноябрь (1095 — 1097 гг. — ЦГАДА. — Ф. 6-ки Моск. Синод. типографии. — № 84. — Русск., 4°, 176 листов пергамена; ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. Синод. типографии, № 89. — Русск., 4°, 127 листов пергамена; ЦГАДА. — Ф. 6-ки Моск. Синод. типографии. — № 91. — Русск., 4°, 174 листа пергамена). Работа велась по изданию: Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095 — 1097 гг. // Памятники древнерусского языка. — СПб., 1886. — Вып. 1. — СХХХVI, 609 с., 6 л. илл.).

При изучении материала «Служебных миней» выявлены следующие особенности:

1. Средневековая традиция, литературная этикетность обусловила и выработала у христианского писателя систему *семантических топосов*. Ведущий топос — догматический, представляет собой тернарную оппозицию: 1) Бог, 2) тварный (материально-духовный) мир; 3) сатана. От данной категории зависят философско-теологические антиномии: «материальное / духовное», «греховно-несовершенное / идеально-должное, аксиологическое», «небытие / бытие», «относительное / абсолютное», «части / целое» («простое / сложное»), «деятельность / цель, результат», «брань / мир» («утверждение / отрицание», противоречие / преодоление противоречия).

2. Практически все исследователи литературы и культуры Средневековья (Карсавин, Бицилли, Хейзинга, Лихачев, Робинсон, Аверинцев, Бычков, Вагнер, Неретина и др.) отмечают символичность средневекового мышления, распространяющуюся на представление о миропорядке. Мир, отраженный в слове, виделся как иерархия символов.

3. Образ есть система взаимодействия изобразительного и идейно-содержательного планов. Их взаимодействие оформляется в тропическую и риторико-синтаксическую композицию.

4. В создании гимнографического текста с использованием символики «Дом-Храм-Град» особую роль играют тропы. Образ является комбинацией нескольких тропических форм, может соединять в себе одновременно предметно-изобразительную, эмоциональную, социальную, этическую, философскую и теолого-мистическую семантику. Отвлеченное содержание, аллегоризирующее образ (и аксиолого-символическая семантика) может быть оформлено тропическими фигурами компаративного, контигуального, контрастного типа (часто в их взаимодействии).

5. Большую роль в организации образного выражения играет поэтический синтаксис (риторические фигуры в узком смысле термина): количественные (прибавления и убавления текстового объема — эпитеты, точные и неточные повторы, цитирование), комбинаторные (художественные изменения порядка расположения и согласования языковых элементов в тексте — инверсии и другие «перестановочные» приемы), интонационно-смысловые (психологически экспрессивные риторические обращения). Синтактика тяготеет к комплексности и рекомбинированию приемов, к созданию на базе простых сложных — амплификационных — конструкций. Они — необходимая форма воплощения символично-аллегорического содержания христианской гимнографии.

ТЕКСТЫ ПСАЛТЫРИ, использующиеся в гимнографии (в связи с символикой «Дом-Храм-Град»):

Дом: 5 8; 22 6; 25 8; 26 4; 29 1; 30 3; 35 9; 41 5; 44 11; 48 17; 49 9; 51 2; 51 10; 54 15; 58 1; 64 5; 65 13; 67 7; 67 13; 68 10; 83 5; 83 11; 91 14; 92 5; 95; 97 3; 100 2; 100 7; 104 21; 111 3; 112 9; 113 1; 113 17; 113 18; 113 20; 115 10; 117 2; 117 3; 117 26; 121 1; 121 5; 121 9; 126 1; 127 3; 131 3; 133 1; 134 2; 134 19; 134 20; 151 1. Храм: 5 8; 10 4; 26 4; 27 2; 28 9; 47 10; 64 5; 67 30; 78 1; 137 2. Град: 9 7; 30 22; 47 3; 54 10; 58 7; 58 15; 59 11; 68 36; 71 16; 106 4; 106 7; 106 36; 107 11; 121 3; 126 1. Гора: 2 6; 3 5; 10 1; 14 1; 17 8; 23 3; 29 8; 30 4; 35 7; 41 7; 42 3; 45 3; 45 4; 47 2; 47 3; 47 12; 49 10; 49 11; 64 7; 67 16; 67 17; 71 3; 71 16; 73 2; 75 5; 76 11; 77 54; 77 68; 79 11; 82 15; 86 2; 89 3; 94 4; 96 5; 97 8; 98 9; 103 6; 103 8; 103 10; 103 13; 103 18; 103 32; 113 4; 113 6; 119 5; 120 1; 124 1; 124 2; 132 3; 143 5; 146 8; 148 9; Сион: 13 7; 19 3; 47 3; 47 12; 47 13; 49 2; 50 20; 52 7; 68 36; 73 2; 77 68; 86 2; 96 8; 101 17; 109 2; 124 1; 125 1; 127 5; 128 5; 131 13; 133 3; 134 21; 145 10; 147 1; 149 2.

ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ «ПУТИ» В СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЯХ XI в.

Выявляя образность «пути» (перемещения в пространстве) в древнерусской гимнографии, попытаемся определить характерные признаки средневекового образа-символа.

Применительно к Средневековью символ понимается как важнейший смыслообразующий элемент культуры. Это не просто художественно-иносказательная структура, но факт средневекового миромышления.

Символ принципиально многозначен; невозможно в абсолютной мере раскрыть его внутреннее содержание. Лишь в определенных границах можно обозначить его смыслы в формах «предметно-логического воплощения».

По отношению к символу аллегория — производная тропическая форма, структурно-семантически она тяготеет к нему, но в то же время не является им. Символ — аксиологичен, он несет в себе принципиально невыразимое в понятиях содержание. Аллегория — это то, что мы можем логизированно извлечь из образа-символа.

Аллегория связана с богатой экзегетической традицией, в которой находятся ключи к его дешифровке, рационализации. Символ — это реально не данное в образе; образ несет лишь информацию о символе, о содержании, которое только имплицитно присутствует, про-является (от-ражается, от-об-ражается, из-об-ражается, вы-ражается) в нем. Образ становится символом тогда, когда его семантика отрывается от реальной, предметной основы и соотносится с сакральной целостностью мирового бытия.

Образ-символ не является единственным выразителем символического содержания, он не способен вместить в себя всю многогранную смысловую (культурологическую) парадигму символа.

Образ-символ оформляется с помощью системы тропов, которые в гимнографии часто распространяются в развернутые символично-аллегорические конструкции, «картины».

Анализ текста «Служебных миней» 1095-1097 гг. (ЦГАДА. — Ф. 6-ки Моск. Синод, типографии. — № 84, 89, 91. Изд.: Ягич И.В. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь: в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095 — 1097 гг. // Памятники древнерусского языка. — СПб., 1886. — Вып. 1. — СХХХVI, 609 с.) позволяет выделить

дист группы тропов, посредством которых текстуально разрабатываются образы-символы «пути»: компаративные тропы (сравнение, метафора, олицетворение) и контигуальные тропы (метонимия, синекдоха, перифразис). Нередки случаи взаимодействия нескольких тропеических принципов в пределах образа-символа. Образ-символ, обладая сложной, многоуровневой содержательной структурой, реализуется в разных вариантах комплексного взаимодействия тропов.

Символика «пути» Псалтыри, встречающаяся в гимнографических текстах:

1, 1; 1, 6; 2, 12; 5, 9; 9, 26; 15, 11; 16, 4–5; 17, 22, 31, 33; 24, 4, 8, 9, 10, 12; 25, 12; 26, 11; 31, 8; 34, 3, 6; 35, 5; 36, 5, 7, 23, 34; 38, 2; 43, 19; 48, 6, 14; 50, 15; 66, 3; 72, 18; 76, 14, 20; 79, 13; 80, 14; 84, 14; 85, 11; 90, 11; 94, 10; 100, 2; 101, 24; 102, 7; 106, 4, 17, 40; 109, 7; 118, 1, 3, 5, 9, 14, 15, 26, 27, 29, 30, 33, 37, 59, 101, 104, 128, 168; 124, 5; 127, 1; 137, 5; 138, 3, 24; 141, 3; 142, 8; 144, 17; 145, 9.

*Е.А.Огаркова, С.В.Козлов
(Северодвинск)*

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА-СИМВОЛА

Материалом исследования является торжественная ораторская проза Средневековья, посвященная празднику Рождества Христова из состава Торжественника, рукописного сборника устойчивого состава из собрания ИИФиФ СО РАН (№ 53/71, 1 пол. XV в., л. 76 — 96 об.).

Использованная вначале исследования классификация типов образности М.Эпштейна (Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 254) была подвергнута существенной переработке.

Автологические образы, соотносятся с композиционно-речевой формой «повествование». Анализируя тексты средневековой празднично-панегирической ораторской прозы, в частности ораторские «слова», посвященные празднику Рождества Христова, мы пришли к заключению, что повествовательный элемент в подобных текстах крайне ослаблен, представлен «пунктирно».

Металогический уровень образности составляют тропы. Образ в литературе чаще всего является комплексом тропеических форм, может совмещать в себе и контигуальные, компаративные, контрастные приемы.

Если троп рассматривать как иносказание, выполняемое в рамках естественной, «природной» логики и ассоциативности, то аллегорико-

символические образования нельзя относить к данной группе образности. Если под тропом понимать всякое «ино-сказание», то можно говорить об идеологических, религиозных и т.п. метафорах и метонимиях.

В текстах средневековой литературы, которая носила религиозный и традиционный характер, троп — это «оболочка», «клишированное», топосное оформление и конкретно-изобразительного материала, и его взаимосвязи с теологизированной идеей. В литературном образе есть и образно-тематическое формостроительные приемы, и знаковое, символизирующее содержание. Причем последнее доминирует. Так возникают метафоры-символы, метонимии-символы, перифразисы-символы и т.д.

Суперлогические аллегории и символы всегда «вне-природны», абстрактны, идеологичны. Аллегория однозначна, притча — развернутая аллегория (аллегорическая картина), понятийный комплекс. Образ-символ устремлен к бесконечной многозначности и аксиологичен, то есть выводит на высшие, абсолютные ценности культуры. Символический образ содержит в себе умонепостижимую истину, приблизиться к пониманию, постижению которой можно лишь «посредством свойственного ей вещественного руководства, полагая видимые красоты изображением невидимой красоты» (Бычков В.В. Образ и символ // Бычков В.В. Византийская эстетика. М., 1977. — С. 123).

Рассмотрим фрагмент из «Похвалы о Святой Богородице Марии и о Воплощении Господа нашего Иисуса Христа» Епифания Кипрского: *«Небесный облаче, яже гром Святого Духа в себе мирови възгреме, яже дождь Святого Духа всеи земли на плод веры пусти»*. В данном тексте «облако», «гром», «дождь», «земля», «плод» катахретически соединены с определениями «небесный» (в данном случае «божественный»), «Святого Духа», «веры». Созданная аллегорическая картина строится с использованием компаративных и метонимических (перифразис) средств образостроения.

Содержание, семантика образа-символа зависит от «интертекста», который носит не бесконечный, а «о-пределенный», «топосный» характер. Он вырастает из экзегезы библейских текстов, догматических схем, из идейно-стилистических традиций средневековой ораторской прозы.

ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

В ДРЕВНЕРУССКОЙ УЧИТЕЛЬНОЙ КНИЖНОСТИ

Нравственная проблематика древнерусской литературы никогда не была объектом специального научного изучения, несмотря на то, что этико-богословский опыт христианской культуры, в том числе книжной, колоссален. В современных научных исследованиях по этике имеются лишь отдельные замечания и общие суждения по этическим аспектам средневековой книжности (например: Поляков Л.В. Философские идеи в культуре Древней Руси. — М., 1988). В работах культурологического и литературоведческого характера этические понятия рассматриваются в контексте общих закономерностей развития культуры.

В лингвистике (В.В.Колесов, Н.Г.Михайловская и др.) также осуществлялись лишь частные наблюдения над бытованием и развитием семантики лексики со значением «добро / зло».

Мы предприняли попытку описания системы этических понятий в древнерусских памятниках учительной прозы (сборник «Златоуст»). Проведен анализ лексического материала существующих словарей древнерусского языка. В результате была создана картотека (больше тысячи карточек) и «проектная» схема («модель») «Этические категории славяно-русской учительной литературы». При систематизации картотеки учитывалась функциональная эквивалентность слов, вариантивность (сема — лексемы), многозначность (лексема — семы — контекст). Лексико-образный массив был разделен на десять частей. В пределах каждой группы классификация проводилась на основе оппозиционного принципа.

1. ОБОБЩАЮЩИЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ, например:

зло / добро; злоба / доброта; злонравие / добронравие; грех / безгрешие; бездушие / добродушие; душепагубный / душепитательный и т.д.

2. ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЯ К БОГУ, например:

неверие, маловерие / вера; идолослужение / православие (язычество / христианство), отчаяние / надежда, упование на Бога;

упоминание имя Божьего всеу / страх Божий, молитва, проповедь.

3. МОРАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ, например:

беззаконие / «узаконие»; незаконность / законность;

убийство, самоубийство, кровопролитие, насилие / животворение;

правда / ложь, клевета, навет, наговор, лжесвидетельство;
казнь / помилование и др.

4. МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ «МИРА СЕГО», например:

корыстолюбие / милостыня, нищелюбие; жадность, алчность, скупость, стремление к богатству / нестяжание;

щедрость; чревоугодие, обжорство, пьянство / пост, трезвость и др.

5. ОТНОШЕНИЕ К СЕМЬЕ, К ТЕМЕ «МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА», например:

блуд / целомудрие; разврат, похоть / девство; прелюбодеяние / невинность; прельщение / непорочность;

ревность / доверие и т.д.

6. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ, например:

гордыня / кротость;

вражда, препирательство, спор, упрек, ссора / братство, единогласие, согласие;

человеконенавидение / человеколюбие и т.д.

7. ЭТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА, например:

Безумие / ум; неразумие / благоразумие; празднословие / молчание, обуздание языка;

Суемудрие, лжемудрствование, лжеумствование / подтверждение истины и т.д.

8. ЭТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫЕ ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА, например:

слабость / сила, стойкость, упорство, выносливость; трусость, боязнь, страх / смелость, мужество, храбрость, решительность; празднолюбие / трудолюбие; безделье, лень / трудничество, настойчивость, терпение, усердие; сонливость / бодрость и т.д.

9. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА, например:

скорбь, печаль, сокрушение, сетование, уныние / веселие, радость; горе / утешение;

10. ЭТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ, например:

безобразность / благолепие, благозрачие; непристойность / благопристойность; стройность и т.д.

Сложность анализа и классификации лексико-образного материала состоит в том, что он принципиально многозначен и зависит от контекста, в том, что лексико-образные образования полисемичны. Тем не менее применение данной «модели» к текстам древней книжности может быть продуктивным, поскольку она дает возможность определить и семы, и понятийные «комплексы» этического типа, а затем показать их взаимосвязи и взаимодействия в тексте.

*О.Е.Раменский
(Северодвинск)*

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ДУХОВНЫЙ ПАСТЫРЬ, ПИСАТЕЛЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ XVIII в. ЕПИСКОП ВЕНИАМИН (В.Ф.РУМОВСКИЙ-КРАСНОПЕВКОВ)

1. Более 23 лет, с 1 апреля 1775 г. по 26 октября 1798г., во главе Архангельской епархии стоял епископ Вениамин, в миру Василий Федорович Румовский-Краснопевков (1738-1811 гг.).

2. Черты личности Вениамина: благочестие (монашество с 20 лет), стремление к приобретению знаний и высокая образованность, художественный вкус, организаторские способности и неустанное трудолюбие.

3. Деятельность на епископском посту: подготовка духовных и гражданских кадров, восстановление благочестия в монастырях и церквях; воспитание чувства собственного достоинства в людях: Вениамин запретил земные поклоны перед любыми владыками, кроме царя небесного. Он построил в Архангельске архиерейский дом как один из центров духовной жизни, произвел преобразования в духовной семинарии, приведшие к росту ее авторитета и к процветанию, современники называли ее «архангельским Парнасом». Вениамин предпринял попытки миссионерской деятельности среди язычников Крайнего Севера. Епископ занимался широкой благотворительной деятельностью как из собственной казны, так и путем привлечения средств богатых жителей города, в том числе иностранцев, особенно после городских пожаров.

4. Борьба с суевериями: Вениамин давал естественнонаучное объяснение широко распространенных местных заболеваний, к которым жители относились мистически («икота», «стрелы»), пропагандировал гигиену быта.

5. Писательская и педагогическая деятельность: создание методически безукоризненного учебника священной истории для малолетних детей, сбор исторических документов и преданий и работа над историей Архангельской епархии (написана по его поручению Львом Макси-

мовичем). Перевод «Истории о животных бессловесных» с изложением своих просветительских, воспитательных и эстетических воззрений. Написание (уже на посту архиепископа Нижегородского) одного из выдающихся произведений русской духовной литературы — «Новой скрижали», выдержавшей 18 изданий с 1803 по 1992 год.

6. Земное признание заслуг преосвященного Вениамина: золотая папагия от Екатерины II, благодарственное письмо от архангельской папсты, награждение орденами св. Иоанна Иерусалимского, св. Анны и св. Александра Невского.

7. Литературная традиция XIX — XX в., восходящая к «Новой скрижали» (Вениамин — А.Н.Муравьев — Н.В.Гоголь — Д.Н.Балашов).

Сочинения Вениамина:

Краткая священная история, представленная в вопросах и ответах в пользу малолетних детей. — СПб., 1774; Москва, 1787; Киев, 1829 (на 6 языках) и др.

История о животных бессловесных... — Москва, 1803.

Новая скрижаль. — 1-е изд. — Москва, 1803, 1992 (первое послереволюционное издание).

Любопытный месяцеслов на... 1795 г. (с включением истории Архангельской епархии). — Москва, 1795 г.

О Вениамине:

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. — СПб, 1772.

Рункевич С. Вениамин // Православная Богословская энциклопедия / Под ред. проф. А.И.Лопухина. — СПб, 1902. — Т. 3.

Сведения о преосвященном Вениамине, епископе Архангельском и Холмогорском // Странник. — 1879. -№ 3.

Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцева. — Т. 3 — А. — (б/м, б/г).

Тузов И.Л. От издателя // Вениамин. Новая скрижаль. — СПб, 1899.

Константинов В.М. Библиографические дополнения к Словарю Новикова. Приложение к факсимильному изданию. — М., 1987.

Филарет /Гумилевский/. Обзор русской духовной литературы 1720 — 1858 (умерших писателей). — 2-е изд. — Чернигов: Типография Ильинского монастыря, 1863. — Кп. 2.

АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН (В. Н. СМИРНОВ)

Сийский архимандрит Вениамин (в миру Василий Никифорович Смирнов) родился в 1780 г. в семье потомственного священника Вонгудского прихода Онежского уезда Никифора Иларионовича (Ларионовича) (около 1755 — 1818 г.). Никифор Иларионович вначале служил в приходе пономарем, при отце своем священнике того же прихода Иларионе Смирнове, с 1793 по 1818 г. — священником.

Мать архимандрита Соломония Феодосьевна происходила из крестьянской семьи Феодосия сына Никонова д. Букоборовской Вонгудской волости (ГААО. — Ф. 51. — Оп. 11. — Т. 2. — Д. 2673. — Л. 377об.) (По ревизским сказкам Онежского уезда конца XVIII в. крестьяне, как правило, записывались без фамилий). Кроме Василия, у Никифора Ларионова были сыновья Иван, Григорий, Михаил, Андрей, старшая из детей — дочь Агриппина (ГААО. — Ф. 29. — Оп. 31. — Д. 79. — Л. 198). Братья архимандрита Вениамина — Иван, Григорий, Михаил и Андрей (рано умер) тоже обучались в духовной семинарии, находились под опекой своего старшего брата. Он проявлял заботу и о своей малой родине. В 1815 г. в с. Вонгуде сгорела деревянная приходская церковь (приход образован в 1685 г.). Архимандрит Вениамин приложил большие усилия для восстановления её. Он лично собирал пожертвования для строительства церкви, сам был первым вкладчиком; обратился в святейший синод с просьбой о выделении недостаточной суммы (было выделено Синодом 6 050 руб.), в результате чего прихожане выстроили каменную теплую церковь (1817 г.), которую освятил в 1819 г. сам архимандрит Вениамин.

Будущий архимандрит Василий Никифоров Смирнов в 1798 г. был определен на учебу в Архангельскую духовную семинарию, в которой обучался латинскому и греческому языкам, поэзии, риторике, географии, истории, философии и богословию. После окончания семинарии с конца 1805 г. преподавал в семинарии, с конца 1809 г. — высшем классе уездного училища — греческий язык и гражданскую историю. 10 декабря 1811 г. в кафедральном соборе епископом Парфением пострижен в монашество, 19 декабря определен в семинарию префектом, а также учителем риторики и истории. С 1 января 1813 г. произведен в игумены в третьеклассный Николаевский Корельский монастырь; с 19 августа 1814 г. определен в должность профессора всеобщей истории и с 6 октября — присутствующим в духовную консисторию; с 14 октября 1817 г. переведен в архимандриты в третьеклассный Михайло-Архангельс-

кий монастырь; с 12 февраля 1818 г. определен смотрителем уездного училища, с сентября 1819 г. одновременно исправил должность инспектора семинарии, учительствовал в пей, а также управлял Архангельским приходским училищем; 28 июля 1819 г. архимандрит Вениамин встречал со святым крестом Александра I при входе его в Архангельский кафедральный собор, так как накануне преосвященный Парфений скоропостижно скончался от апоплексического удара. 5 апреля 1820 г. переведен из Михайло-Архангельского во второклассный Сийский монастырь; с 8 октября 1821 г. определен членом епархиальной цензуры, учрежденной в Архангельске для рассмотрения проповедей, с 11 ноября 1823 г. стал попечителем в Архангельском попечительстве о бедных духовного звания. 18 января 1825 г. по случаю назначения в духовную миссию для обращения самоедов в христианскую веру и от училищных должностей уволен (ГААО. — Ф. 73. — Оп. 1. — Д. 95. — Л. 194 - 195). Первые сведения о приобщении самоедов к христианской вере относятся к 1740 г., когда императрица Анна Иоанновна указом от 16 января повелела образовать в Архангелогородской губернии миссию из пятнадцати человек для просвещения лопарей и самоедов христианской верой. Однако желающих работать на этом поприще не выявилось, и дело не получило развития.

Предпринятая в 1784 г. епископом Вениамином попытка обучения самоедов в Архангельской семинарии для проповеднической деятельности не принесла успеха: не окончив курса обучения, самоедские дети почти все умерли.

В 1824 г. архангельским епископом Неофитом был отправлен в самоедские тундры ижемский священник Федор Истомин. Проповеднический опыт его в кочевьях самоедов имел положительные результаты. В этот же период Неофитом был подготовлен проект к обращению самоедов в христианство. Проект был одобрен и 5 августа 1824 г. высочайше утвержден (Макарий. Христианство в пределах Архангельской анархии. — М., 1878. — С. 66-69 и др.). «Поелику обращение в христианство есть из числа важнейших подвигов духовных, требующих особенного подвижника, — писал Неофит в резолюции, — то предлагаю о. архимандриту Вениамину принять на себя дело обращения самоедов». 22 декабря 1824 г. он назначает архимандрита в посольство для обращения самоедов в христианскую веру... для первоначального успеха месяца на три или четыре, смотря по обстоятельствам, о чем и донести святейшему синоду» (ГААО. — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 95. — Л. 178 об.).

В миссию входили также уже имевший опыт священник Федор Истомин (по болезни в 1829 г. отозван, вместо него был назначен из Архангельска священник Петр Лысков), священник Михаил Леонтиев-

кий, священник Александр Спирихин, причетник Яков Истомина, в качестве причетника и переводчика — принявший христианство самоед Василий Двойников.

Духовная миссия начала свою работу с Канинской тундры и в течение 1825 — начала 1826 гг., обратила в христианскую веру 420 канинских самоедов. Весной 1826 г. миссия получила первую передвижную церковь, хорошо оснащенную иконами, колоколами, что особенно привлекало кочевников, и работала в Большеземельской тундре, население которой почти не знало русского языка. Предвидя трудности в общении, с самого начала работы миссии архимандрит Вениамин стал обучаться и хорошо освоил самоедский язык. В течение лета 1826 г. в Большеземельской тундре крестилось 357 человек, всех же самоедов этой тундры в 1826, 1827 и в 1828 гг. крещено 1871 человек; в Канинской тундре — 764 человека, а во всех тундрах миссией обращено в христианство и крещено 3 303 человека, некрещеных осталось около 680 человек (Вениамин. Самоеды мезенские. — АГВ, 1849. — №9. — С. 63 — 64 и др.). Миссия работала в тундрах более пяти лет, весной 1830 г. возвратилась в Архангельск. По предложению её в этих тундрах были построены три постоянные деревянные церкви (в 1831 г. в Большеземельской тундре при р. Колве, в Канинской — при р. Неси; в 1833 г. — в Тиманской тундре при р. Пеше). Архимандрит Вениамин перевел на самоедский язык четыре Евангелия, Деяния апостолов, соборные послания, катехизис, разные молитвы и правила благочестивой жизни. Он составил грамматику и словарь (лексикон) самоедского языка (Стародомский А. Вениамин Смирнов. — Чернигов, 1875. — С. 28 — 29). Материалы эти сохранились, их изучали члены Переводческой комиссии миссионерского общества, которая в конце XIX в. работала над составлением азбуки и переводов для северных народностей. Труды Архимандрита Вениамина исследовал И. М. Сибирцев, он в 1895 г. подготовил и издал «Букварь для самоедов, живущих в Архангельской губернии».

По возвращении в Архангельск архимандрит Вениамин был определен благочинным монастырей и соборов в Архангельской епархии, управлял второклассным Онежским Крестным и третьеклассным Михаило-Архангельским монастырями. В 1832 г. был вызван в С.-Петербург для отправления священнослужения и проповеди слова Божия, в 1839 г. — утвержден настоятелем Онежского Крестного монастыря, в июне 1847 г. по состоянию здоровья перемещен в Глуховский Петропавловский монастырь Черниговской губернии, где на шестьдесят девятом году жизни умер 1 сентября 1848 г.

За свои труды архимандрит Вениамин был избран членом архангельского статкомитета и членом-корреспондентом статистического отделения Министерства внутренних дел. Во всех делах он был основательным, истинным подвижником; не только в сфере духовного просвещения самоедов, но и как организатор и педагог Архангельской епархии, общественный деятель, ученый, автор оригинальных трудов. К сожалению, не все из них опубликованы.

*А. В. Насонова
(Сыктывкар)*

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

В устной традиции повествования о местночтимых святынях занимают значительное место. В фольклорных записях соответствующей тематики дается определенная эмоционально-правдивая установка, создается особое православное мироощущение.

К анализу привлечены материалы полевых исследований 80-90-х гг. Сыктывкарского университета в Вельском, Шенкурском, Вилегодском, Котласском, Пинежском, Ленском районах, Ненецком округе Архангельской области; Мурашнинском, Лузском, Юрьянском, Опаринском районах Кировской области; Великоустюжском районе Вологодской области и Усть-Цилемском, Троицко-Печерском, Прилузском, Княжпогостском, Удорском и др. районах республики Коми.

В каждой локальной традиции бытует группа текстов о своей святыне. При их анализе можно проследить не только зону влияния, но и степень влияния и взаимодействия святого места с определенным ареалом.

На Руси создателем христианского ландшафта можно считать святого. Поэтому со становлением культа святой, подобно культурному герою, наделяется функциями освоения пространства и установления определенного порядка.

Процесс духовного освоения пространства разворачивается вокруг определенного сакрального центра. При описании любого подобного сакрального места появляется образ святого, связанный с ним знак божественного (крест, часовня или церковь), природный объект (река, колодец, источник, камень). Обязательным элементом подобных текстов являются упоминания об обетах и чудесах исцеления.

Так в Шенкурском районе Архангельской области отмечается память преподобного Варлаамия (2 июня). В текстах устных рассказов повествуется о том, как Варлаамий «шел-шел и присел отдохнуть на

камешке» (фольклорный архив СыктГУ 2406-12) — на том месте построили часовню (или как вариант — Варлаамий сам построил часовню). Одновременно сообщается и о существовании Варлаамиевского колодца со святой водой. Можно говорить о том, что Варлаамий становится своим святым: празднуют Варлаамьев день, ходят в часовни, к колодцу, дают обеты.

В Удорском и Усть-Вымском районах Коми записаны рассказы о святых Кирике и Улите. По версии, записанной в Удорском районе, «будто бы это мать с сыном были». Кирик считался первым поселенцем. Ему был установлен крест, есть также часовня в честь этих святых, а рядом «святая вода течет». «Кирик и Улита, — сообщают исполнители, — был большой праздник» (0902--15), существовал запрет работать в этот день.

В Котласском районе Архангельской области отмечаются рассказы о местной иконе Божьей матери на Туровце, рассказывается о явлении иконы и о празднике в честь этого явления. На этом месте стоит часовня, «рядом бьет ключ исцелительный, в реке все купаются (говорят, что «святая Богородица в реку ходит купаться») (0634-16). На явленном месте есть пенек — «вокруг него вся земля уже выбрана». Рассказывают, что Божьей Матери дают обеты, приводят случаи исцеления и других чудес. Здесь же распространены сюжеты о том, как на Туровец пытались змей завезти, но Божья Мать не пустила: «На другом берегу они (змеи) есть, а на нашем (на Туровце) никак нет» (0638--40). Говорят даже, что во времена, когда запрещали ходить «обещаться» к Туровецкой иконе Божьей Матери, дорога к колодчику все равно не зарастала (подобного рода записи сделаны практически во всех исследуемых традициях).

Духовно освящающий местность святой получает топонимический эпитет (Леонид Устьнедумский, Варлаамий Шенкурский, Стефан Пермский, Дмитрий Циблинский). В тех текстах, где освоение территории связывается со святым, достаточно распространенным является мотив названия (наделения именем) этим святым отдельных реальных пространств (деревни, реки и др.), что является характерной чертой культурного героя — подателя благ. Так, Стефан Пермский, впервые проезжая по реке на камне мимо языческих деревень, дает им названия (Ляли, Кошки, Чейлядь, Собачий Гам и т.д.). В текстах о святынях выявляются определенные механизмы сакрализации. Первоначальным становится мотив выбора места для основания объекта культового назначения (здесь время можно назвать реальным; момент, когда реально жил святой). Далее происходит утверждение святого места, т.е. переход его в место поклонения (происходит сакрализация времени). Да-

лее в текст включаются рассказы о паломнических поклонениях, обрядах, ежегодном празднике, сопровождающихся чудесами (время можно назвать продолжающееся настоящее, т.е. оно является сакральным и реальным одновременно).

Современные фольклорные записи о святых местах часто представлены не конкретными жанрами (преданиями, легендами), а могут быть отнесены к так называемым культурно-историческим сведениям. Если предания направлены на будущее, памяти ради, то в данных рассказах наблюдается обратная схема, по-видимому, вследствие другой работы сознания: текст создается информатором сейчас, обращен к событию или факту в прошлом. В тексте трудно выявить мотивы, кроме первичного — освоения святыни. Время здесь выступает важнейшей содержательной категорией.

В отличие от преданий, которые всегда имеют локальную привязку, в этих культурно-исторических сведениях происходит размывание пространственной приуроченности текстов. Как следствие, возникает схематизация действия, схематизация действующих лиц (они утрачивают специфичные черты, которые могли бы иметь на определенной территории). В Тронцко-Печорском районе Коми записан, например, текст, где информатор говорит, что Стефан Пермский это — «то же, что и Прокопий Праведной», то есть образы святых одного порядка условно отождествляются; одновременно происходит как бы расширение сакрального пространства.

Е. А. Рыжова
(Сыктывкар)

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ СИЙСКИЙ: КУЛЬТ СВЯТОГО В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ

Русский Север XV-XVII в. традиционно отождествляется с понятием Северной Фиванды, а почитание святых обителей и культ святого — основателя монастыря с этого времени становится важной частью народной культуры Севера.

Один из монастырей на Севере Руси в 1520 г. основал преп. Антоний Сийский, канонизированный на церковном соборе 1579 г. Устроенный им на р. Сие в Двинском крае Троицкий мужской монастырь стал впоследствии одним из крупнейших монастырей на Русском Севере и оказал значительное влияние на социальную, экономическую, культурную и духовную жизнь края.

Почитание святого и святынь, связанных с его именем, имеет две формы бытования — устную и письменную. Обратимся к письменным

источникам, позволяющим воссоздать картину почитания Антония Сийского среди местного населения. Как нами установлено, на протяжении XVI-XIX в. формировался корпус письменных памятников, в основном агиографических, связанных с Антонием Сийским. Центральным памятником в библиотеке Антониево-Сийского монастыря является «Житие Антония Сийского» и «Служба Антонию Сийскому» в многочисленных списках (нам известно более 90 списков «Жития») и редакциях XVI в. (первоначальная редакция 1578г. иеромонаха Антониево-Сийского монастыря Ионы; редакция 1579г. и царевича Иоанна Иоанновича, сына Ивана Грозного; Сийская редакция конца XVI в., составленная, вероятно, игуменом Антониево-Сийского монастыря Иной), XVII в. (редакция 1666 г. игумена Антониево-Сийского монастыря Феодосия), XVIII в. (Историческая редакция «Жития Антония Сийского» и «Виршевое переложение» основных моментов «Жития», составленные в конце XVII — нач. XVIII в., вероятно, архимандритом монастыря Никодимом).

Ф.И.Буслаев называл агиографическую литературу «едва ли не самым важным источником для истории русских нравов и обычаев». Агиографические источники дают нам представление о подвижнической жизни Антония Сийского, подробно рассказывают об основании и устройении им монастыря. Кроме рассказа о монастырской жизни одного из крупнейших севернорусских монастырей, в описаниях чудес, которыми традиционно сопровождается любой житийный памятник, содержатся сведения о местном почитании Антония Сийского. В поздних редакциях «Жития Антония Сийского» наблюдается «приращение» чудес: каждый редактор стремился добавить к чудесам первоначальной редакции новые, известные ему. Зачастую этими источниками были устные, бытовавшие в «народной памяти» предания.

В.О.Ключевский справедливо замечал, что «процветание обители зависело от отношения к ней мирского общества, окрестного населения, а это отношение определялось святыней, существовавшей в монастыре... Естественным выражением веры к преподобному, утверждавшей в местном населении, являлись чудеса».

Житийные памятники сообщают о нескольких святынях Антониево-Сийского монастыря: о кресте, поставленном основателем монастыря на предполагаемом им месте основания будущей обители, о храмовой иконе св. Троице, написанной, как говорится в тексте «Жития», самим Антонием, и раке с мощами преподобного. Уже в первоначальной редакции «Жития» есть описание чудесного «исшествия ис пламени» иконы св. Троицы в пожаре 1541 г. и приведены описания трех исцелений от нее еще при жизни Антония. В «Житии Антония Сийского»

на протяжении XVI-XVIII в. дописывались чудеса исцеления, которые исходит рака с мощами преподобного, установленная после преставления Антония в 1557 г. в соборном храме. Крест, поставленный Антонием Сийским на реке Емце в 1672 г., стал обетным, так как после молебного шествия к нему монахов во главе с игуменом и жителей окрестных селений произошло чудо: губительная засуха превратилась в благоприятную для урожая погоду. В Исторической редакции «Жития», составленной в первой трети XVIII в., описание данного чуда представлено в форме «Повести» об обретении святыни и сопровождается описанием четырех чудесных исцелений от креста в 1712-1719 гг.

Описание чудес в агиографической литературе традиционно строится по определенным правилам, напоминающим протокольную, документальную фиксацию, не оставляющую сомнений в подлинности случившегося. Благодаря фактографической направленности данных описаний в повествования о чудесах попадает местный колорит, бытовые зарисовки и детали (описание бури на море, названия кораблей — «ладейца» и «карбас», описание товаров, которые везут купцы — «рыба красная зовомая семга» и др.), диалектные названия (автор одного из чудес приводит название болезни, отмечая при этом местное происхождение этого названия — «местною речию *прикос*»), местные топонимы (Усть-Ненокса, Толстик, река Золотица, Конь-камень и др.), приводятся многочисленные имена, фамилии и прозвища местных жителей, названия населенных пунктов и местечек (купец Дионисий по прозвищу Кривоногов «жительством Холмогорец»; Василий, сын христоролюбивого человека Иоанна по прозвищу «селянин Комаров» из веси Шарাপово, жена Ксения из Черевковской волости на Двине и др.).

Одним из основных моментов в описании чуда является указание на то, как сохраняется, передается или распространяется весть о случившемся. Так, например, в повествовании о чудесном выздоровлении в 1719 г. жены Феодосии, говорится, что она, получив исцеление от креста, поставленного Антонием на Емецкой дороге, возвратилась домой и «поведа всем своим жителем о исцелении своем. Жителие сие слышавше от нея сказуемое, велми о сем прославиша в Троице славимаго Бога» (БРАН Арханг. собр. — Д. 558. — Л. 88).

Пример взаимопроникновения двух миров — «мирского» и «сакрального», взаимодействия мирского и монастырского почитания Антония Сийского содержится в «Летописце Антониево-Сийского монастыря», охватывающего события с 1593 по 1694 г. Под 4 октября 1679 г. в «Летописце» приводится описание видения, бывшего жителям Емецкого стана Никитке Феодосьеву Смолину и его брату Авдею. В первоначальном варианте «Летописца» (БРАН, Арханг. собр. — Д. 375) описание

видения — это послание Никитки Смолина, написанное скорописью, свернутое в 5 раз и посланное в Антониево-Сийский монастырь из деревни Залебедницы отцу Герасиму (Арханг. собр. — Д. 354. — Л. 64). Послание затем было целиком вклеено в «Летописец». Примечательна приписка, сделанная на послании той же скорописью, что и основной текст: «Отец игумен хотел тамо крест поставить».

В «Житие Антония Сийского» попали и различные предания о святом, бытовавшие в народной памяти. В Исторической редакции есть сведения, отсутствующие во всех ранних редакциях, явно устного происхождения. Во всех 4 списках данной редакции имеется точное указание на место, где жил Антоний Сийский на своей родине в Кехте: «Бе бо близь дому родителей его храмъ Рожества Пречистыя Богоматере и святаго великомученика Георгия... Въ той храмъ часто блаженный въходя, многъ часъ въ богомышленной препровождаетъ молитве» (БРАН Арханг. собр. — Д.558. — Л. 6). Вероятно, это предание бытовало на родине святого и попало в новую редакцию «Жития Антония Сийского» после кропотливой «собирательской» работы автора-редактора, первого архимандрита монастыря Никодима.

Итак, письменные памятники, связанные с почитанием Антония Сийского, являются важным источником для понимания народного мировоззрения, показывают тесное взаимодействие «мирского» и монастырского почитания святого, широко отражают тот бытовой фон, на котором и происходило становление культа святого.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

*О.В. Баракова
(Вологда)*

О НАИМЕНОВАНИИ ТОРГОВОГО ЛИЦА В ТАМОЖЕННОЙ КНИГЕ г. ВОЛОГДЫ 1534-1635 гг.

В настоящее время лингвистами признается тот факт, что специфика жанра-источника XVII в. находит отражение в функционировании антропонимов в деловой речи (Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики / Ред. А.В. Суперапская, Н.В. Подольская. — М.: Наука, 1980. — С. 202; Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвижья в XVII в. (На материале памятников местной деловой письменности). — Вологда, 1996. — С. 22).

В рамках сказанного представляет интерес данная статья, в которой рассматриваются особенности наименования торгового лица в таможенной книге г. Вологды 1634-1635 гг.

Материалом для наблюдения послужили наименования торгового лица, выявленные нами в 500 явочных статьях источника (С. 26-179, Л. 11 — 296) (ТК, В — Таможенная книга города Вологды 1634 — 1635 гг. — Т.1 — Л. 111 / Отв. ред. М.Я. Волков. — М., 1983). Данный тип записей (явочные) составляет 55% к общему составу статей. В этих статьях фиксировались явки товара лицами на таможенный пункт.

В ТК наименование торгового лица имеет свои конструктивные особенности: центр — антропонимическая модель — дополняется апеллятивами, идентифицирующими личность (указание на местожительство, на социальное положение, профессию). Говоря о личном имени, отметим преимущественное употребление календарных личных имен (91,2%): Федор (В, 1, 137), Петр (В, 1, 156) и т.п.; значительно реже употребляются некалендарные личные имена (8,8%): Первой Дементьев (В, 1, 31), Меньшой Агафоф (В, 1, 178%) и т.п.

Из моделей наименования лица в ТК Вологды самая активная — двучленная (96%). Второй компонент модели может быть выражен разными антропонимами. Укажем их, распределив по степеням активности:

1. [л. и. + отчество (патроним) на — «-ов» // («-ев»)] (85% от общего числа двучленных наименований]: Тимофей Тарасов (В, 1, 31), Микита Панкратьев (В, 1, 121) и т.п.

2. [л. и. + отчество на — «ин»] (11,6%): Иван Кузьмин (В, 1, 142), Никифор Панин, (В, 1, 143) и т.п.

3. Незначительную группу составляют наименования лиц, в которых идентифицирующим компонентом служит фамильное прозвание, образованное от имени отца (в форме субстантивированного прилагательного на «ого» («ово»): Дементей Чесного (В, 1, 30), Иван Нехорошево (В, 1, 99) и т.п.

4. В редких случаях вторым компонентом модели мог служить апеллятив, указывающий на профессию, роль занятий именуемого: Оксен Мясник (В, 1, 119), Сидор Селедник (В, 1, 83) и т.п. Двучленные наименования данного типа, а также на — «ого» («ово») составляют 3,4% от общего числа. Трехчленная модель (составляет 1,9% от общего числа наименований) также характеризуется вариантносью состава. Выделяются следующие её разновидности:

				-ов					-ов
1)	[л. и.	+	патроним	на	-ин	+	фамильное прозвание (фамилия)	на	-ин
				-ев					-ев

Ср. Борис Абрамов Сырейщиков (В, 1, 32), Иван Иванов сын Попов (В, 1 171), Иван Федоров Лихонин (В, 1, 39), Иван Стефанов Кудынец (В, 1, 61), Иван Игнатьев Коржавин (В, 1, 31), Богдан Ильин Балезин (В, 1, 86) и т.п.

2) [л. и. + патроним на «-ов» + фамильное прозвище]. Ср.: Федор Семенов Борзой (В, 1, 73) и т.п.

Весьма редкие одночленные наименования составляют 2,1% от общего числа. Они используются в определенных обстоятельствах, а именно:

1) если речь идет о духовном лице: поп Иван (В, 1, 110), старец Иосиф (В, 1, 113) и т.п.;

2) при повторном именовании лица, если ранее имя его было представлено в полной форме: «Москвитин Михайло Ярофеев явил 27 со-

роков соболей. Платил. Он же, Михайло, явил... 36 сороков соболей (В, 1, 90) и т.п. Многочленные структуры наименования в ТК Вологды не отмечены. В ТК обязательно указывалось место постоянного жительства торговцев, прибывших как с территории Вологодского уезда и из Вологды, так и из других городов. Иногородние и местные жители подлежали таможенному обложению в различных размерах. Указание на место жительства передается в основном с помощью катойконимов (81,4%), образованных с помощью формантов:

«-ец» (Ярославец: Прохор Юдин — В, 1, 27),

«-анин» («-енин») (воложанин Алексей Марков)(В, 1, 33),

тотьменин Ермолай Олферьев (В, 1, 36 и т.п.),

«-итин» («москвитин» Яков Герасимов В, 1, 27).

Значительно реже место жительства торгового лица в источнике обозначено с помощью географических названий, состоящих из топонима и географического термина, иногда отмечен только топоним (18,6%): Ярославского у. Дементей Чесного (В, 1, 30), села Туруптаева Василий Михайлов (В, 1, 71), воложенин из Тростницы Михайло Богдан (8, 1, 51), из Заозерья Матфей Филышев (В, 1, 101) и т.п.

Наличие географических названий разных структур помимо катойконимов — свидетельство некоей неупорядоченности в обозначении лица по месту жительства. Появление их в ТК Вологды, по-видимому, можно объяснить двумя факторами:

1) лингвистическими — несформированностью в языке системы наименований лица по месту жительства;

2) экстралингвистическим — стремлением служащих таможни дать более полную информацию о прибывшем лице.

В ТК Вологды в редких случаях дается указание на социально-должностное положение лица, профессию (2, 2%); вологодские кабацкие откупщики Богдан Тихонов с товарищи (8, 1, 77), белозерец каменщик Федос Нестеров (В, 1, 159) и т.п. Развернутые модели именования единичны. Например, воложенин Кириллова монастыря крестьянин Богдан Васильев (В, 1, 88) и т.п.

Рассмотренные материалы ТК г. Вологды отражают развитие официальной системы именования лица в деловой письменности Северо-Восточной Руси XVII в. Официальный документ (ТК) хотя и предполагал свои принципы именования лица, но не требовал, как правило, создания новых антропонимических единиц, а использовал уже готовые, регламентируя их употребление в функции социальной идентификации лица.

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ XVII в. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Писцовые книги представляют собой жанр, достаточно исследованный в настоящее время историками, но мало привлекаемый к изучению лингвистами. Писцовые книги содержат описание городов, посадов, деревень и земельных угодий, в них перечисляются строения и хозяйственные службы, дворы, земельные участки, а также все люди, живущие на описываемой территории. Соответственно данные источники представляют интерес прежде всего с точки зрения лексической содержательности.

Характерным примером такого источника является Писцовая книга Мирона Вельяминова 1622 — 1624 гг., представляющая собой одно из первых подробных описаний Двинского уезда, включающее в себя описание Архангельского города с посадами. Часть книги, касающаяся собственно города, состоит из 48 листов в полдсть рукописного текста, написанного скорописью XVII в. Рукопись находится в настоящее время в хранилище РГАДА (Ф.1209. — Кн. 9. — № 1а).

Книга содержит следующие сведения: описание Архангелогородской крепости с башнями и воротами, описание Михайло-Архангельского монастыря со всем церковным устройством, описание казенных строений и монастырских дворов, перечисление живущих на посаде людей. Каждая из частей содержит соответствующую лексику.

В первой части текста можно выделить группу слов, обозначающих различные виды укреплений: *город, бык, городня, обруб, ров, тын, острог* и др. Описание крепости сопровождается подробным перечислением находящегося здесь оружия, например: «...а в воротах пицаль железная немецкая, а к ней сорок девять ядер по девяти гривенок ядро, пушечка скорострельная железная» и т.д. Ниже есть описание «зеленого двора» с перечислением хранящихся здесь запасов оружия.

Описание Михайло-Архангельского монастыря и церквей, находящихся в городе, содержит большое количество лексики, связанной с терминологией церковного обихода: *двери царские, столбцы, сень, оклад, крест воздвизальной, престол, свечи поставные, лжица, потир, кадило, цка, прашель* и т.д., а также наименования икон. Здесь же дается довольно подробное описание монастырской библиотеки. А часть книги, озаглавленная «церковного ж строения риз и стихарей», позволяет выделить группу наименований тканей — *зуфь, изуфь, бархат, шелк, камка камкасея, миткаль, полотню, крашенина* и др.

Из наименований мирских строений можно назвать такие, как *изба съезжая, зеленый двор, житницы, двор воеводской, земской двор, важня, кабак, квасной откоп, баня, лавки и амбары*.

Далее перечисляются дворы архангельских посадских жителей. Здесь выделяется группа наименований должностных лиц и профессий: *стрелец, сотник, пушкарь, затинщик, сторож, воротник, дворник, шерстобой, скорняк, конюшенной, харчевник, полочник, бочарник, оконничник, сапожной мастер, корабельный воз и др.*

Наиболее интересной может быть работа по изучению антропонимов, содержащихся в книге. Большинство жителей Архангельского города имеют помимо христианских имен ещё и прозвища некалендарного происхождения. Наиболее распространены образования от числительных: *Первушка, Вторышка, Третьяк, Пятушка, Шестачка, Семачко, встречаются также прозвища Вешнячко, Резвуля, Звягин, Зарядов, Пресной, Гневашев, Воробей, Некраско, Дружника, Долгопалов, Сосна, Кривошея, Булыга, Новые Деньги, Черный, Хохол*; многие имена имеют неявное происхождение и требуют дополнительного изучения: *Кувака, Самылин, Бизяев, Сурна, Бахмат, Карач* и др.

Все тяглые дворы определяются по степени достатка хозяев: *лутчей, средней, молодчей*. При перечислении дворов указываются все виды податей: *белка, оброк, загородовое, емлюжное, засечное дело, пишалные (деньги), выттые, ямские, приметные, поральская белка, за наместнич доход и причуд*. В условиях складывания языковых норм и отсутствия единства, в оформлении деловых рукописей, каждая их таких писцовых книг является по-своему уникальным источником для историко-лингвистического исследования.

К. П. Вольский

(Плесецкий район Архангельской области)

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Категория «особенного» понимается нами как определенное всеобщее, проявляющееся в оппозициях с некоей общепринятой нормой, под которой мы подразумеваем всю русскую топонимию.

Мы рассматриваем лингвистический аспект топонимии в качестве вспомогательного.

Общим признаком, по которому классифицируем топонимы Русского Севера, считаем их разновременность и разноязыкость возникновения. По этому признаку они делятся на 3 группы:

а) дофинно-угорские названия (субстрат);

б) финно-угорские (субстрат),

в) собственно русские. На наш взгляд, назвать особенности дофинно-угорской топонимии пока невозможно. Основным же признаком, характерным для финно-угорских названий, является модель, состоящая из именной основы и форманта (трансформированный русский географический термин). Определение и определяемое в одном наименовании — такова особенность большинства финно-угорских топонимов. Другие особенности, по нашему мнению, выступают как единичные характеристики. Тем не менее, можно выделить номенклатуру характеристик, отражённых в названиях, хотя эти признаки и являются интернациональными:

- а) наименования птиц, животных, рыб;
- б) порода деревьев;
- с) состояние воды, течения, берегов рек, озёр, морей;
- д) вид хозяйственной деятельности (охота, рыбная ловля, земледелие, животноводство);
- е) социально-экономические отношения;
- ф) культовые именованья.

Наибольшими особенностями обладает собственно русская топонимия, поскольку переселение русских на Север из разных земель Древней и Средневековой Руси происходило постепенно и в разное время, а на её землях уже была разветвленная сеть иноязычных географических названий. Эти условия и отразились на всей топонимии Севера. Например, топонимов с приставкой «ЗА» в Холмогорском районе — 36, и все они располагаются в радиусе 10 километров на территории трёх сельсоветов бывшего Емецкого района. Такое «кустовое» расположение топонимов, построенных по определённой словообразовательной модели или имеющих общие топоформанты, — одна из особенностей русской топонимии Севера. Так, названия с суффиксом — «ИХ(А)» составляют 0,2% всех названий области (около 120), и большая часть из них расположена в трёх сельсоветах Котласского района. Другой яркой особенностью топонимии Русского Севера является «кустовое» расположение деревень и сёл, имеющих, помимо частных, общее название. Так, нет на карте деревень Верхние Матигоры и Нижние Матигоры. Но жители употребляют эти названия. Кстати, в Верхних Матигорах ранее насчитывалось около десятка деревень, то же и в Нижних Матигорах. Нет на картах и населённых пунктов Ухтоострово, Хаврогоры, Койдокурья, Чухчерьма, Ракула, и тем не менее они постоянно на слуху у жителей Холмогорского района. Ещё одна особенность северной русской топонимии — использование географического термина для

наименования населённого пункта (например, Болото, Бор, Ручьи, Остров, Гора, Березник, Кулига и т.д.). Наконец, нами выделены особенности, связанные с образованием русских топонимов на базе финно-угорских названий. Например, большая часть так называемых односложных наименований рек, ручьев, считающихся традиционно более древними, непроизводными, на самом деле имеют производящие основы — наименования озёр. Ср.: Сийозеро — р. Сия, Анозеро — р. Анна, Ягрозеро --- Ягрручей.

Отдельные названия согласно закону рядности тяготеют к однотипным, хотя при соотнесении с реалиями таковыми не являются. Так, река Шарьга может быть ошибочно отнесена к якобы одноформантным гидронимам на — «ГА», тогда как в данном гидрониме -«ГА» является составной частью основы, а само название произошло от наименования озера (Шарьгозеро).

Среди топонимов Севера особо выделяются образованные по русской модели наименования, в основе которых сразу два адаптированных финно-угорских названия. Например, в основе названия реки Курополка наименования двух островов — Курострова и Полкострова.

Наконец, среди северных топонимов есть восходящие к русскому языку названия, синхронно утратившие смысловую связь с производящим словом. Например, р. Двина — название мотивируется исчезнувшим из языка словом «двин», производным от числительного «два».

*Л.Х.Головёнкина
(Архангельск)*

«КРУТЫЕ СЛОВЕЧКИ» И «КИРПИЧНЫЙ ЯЗЫК» (ЗАМЕТКИ О РЕЧИ ПОДРОСТКОВ)

Изменился объем и структура тематического поля жаргонных слов подростка. Если в 70-е, 80-е годы ядром тематического поля являлся школьный жаргон, то в 90-е годы школьный жаргон уступил место словам, обозначающим и оценивающим самих подростков, их отношения (между собой, с окружающим миром). Например: «лох», «чмо», «бомж» (придурок), «утихни!», «отвянь!» (отстань), «шуршики», «звоники» (о деньгах), «пакули» (руки), «копыта» (ноги) и т.п.

В качестве основной номинативной единицы до последнего десятилетия выступало слово. В настоящее время жаргонное слово уступает место другой языковой единице — фразовой номинации, для которой характерен пятый тип интонации (Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — П. 168). Имеются в виду случаи типа: «чё припухла!» (не полу-

чило), «завали пасть!» (закрой рот, отстань), «ну что замылся!» (не получилось).

Большую часть жаргонного лексикона подростка составляет пласт слов и выражений, восходящих к языку арго, языку блатного мира. Обнаруживаются следующие закономерности употребления арготических слов:

- 1) арготическое слово при переходе в жаргонное сохраняет свое лексическое значение;
- 2) значение арготического слова модифицируется,
- 3) значение слова-арго изменяется.

Как и в языке арго, так и в жаргонном языке подростков идет формирование своих синонимических рядов, как-то: «плох», «бомж», «чмо», «бомжа», «чморик», «бомжарик» (придурок), «завали пасть», «отвянь», «отвали», «свали» и т.п., что вызвано, видимо, стремлением к усилению речевой выразительности.

1) Другими источниками пополнения жаргонной лексики подростков являются слова:

- 2) литературного языка разговорной окраски — «бомж», «потовыжималка» (дискотека),
- 3) просторечные слова — «придурок», «повоняла» (поворчала),
- 4) диалектные слова — «пакули» (руки), «чего шугаешься» — (боишься),
- 5) окказиональные образования — «смак», «смакатуй», «облом» и «крутой облом», «чего рамсишь» (врешь),
- 6) иноязычные слова — «хай» (привет).

Наряду с «крутыми словечками» в речи подростков существует тип языка, который назван ими «кирпичным языком». Этот язык восходит к одному из способов «маскировки» слова, отмеченный лингвистами в языке ремесленников и торговцев. Вставляя лишний слог в структуру слова, подростки создают своеобразные слова-ребусы, слова-загадки. А это уже область языковой игры. Например: «НАРАТАРАШАРА», «НАРАТАРА» — Наташа, «НЕРЕТ» — нет, «ДАРА» — да, «НЕРЕЗНАРАЮЮ» — не знаю.

РАЗНОВИДНОСТИ ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ АРХАНГЕЛЬСКА)

Городская устная речь неоднородна по своему составу. Традиционно выделяется кодифицированная литературная речь, разговорный литературный язык и просторечие. Городское просторечие представлено двумя типами. Носителями просторечия «1» являются люди преклонного возраста, родившиеся в деревне и проживающие в городе; в их речи встречаются реликты диалекта. Носители просторечия «2» люди более молодого возраста, речь которых носит сниженный, грубоватый характер; при этом не редкость элементы того или иного жаргона (разумеется, носитель жаргона может быть и носителем литературного языка). Как просторечие «1», так и просторечие «2» ненормативны и не имеют функциональных стилей.

Два типа просторечия противостоят друг другу на всех уровнях языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом). Так, для просторечия «1», в отличие от просторечия «2», характерно резкое искажение фонетического облика иностранных слов («судуксен»). Оба типа просторечия характеризуются ненормативными ударениями. Для носителей просторечия «2» наиболее характерны ошибки, связанные с «узкими» местами акцентологических норм (в словах *звонит, каталог, средства* и т.д.); у носителей просторечия «1» может встречаться окончное ударение в глагольных формах («Вы спите али не спите?»). На морфологическом уровне для просторечия «1» характерны диалектные различия в падежных формах (говорить с има, пойти к сестры); для просторечия «2» ненормативные употребления, связанные с изменениями и колебаниями норм современного литературного языка (чулок — носков и т.п.). Для просторечия «2» характерно большое количество фразеологизированных конструкций, имеющих сниженную фразеологическую окраску («Цветешь и пахнешь»; «Ишь, какая деловая!»).

Элементы просторечия могут встречаться и у носителей литературного языка. Так, для многих жителей Архангельска характерно умеренное оканье, особая интонация (повышение голоса к концу повествовательного предложения); употребление частицы «дак» (вместо «так»), множество лексических локализмов (регионализмов): водиться (нянчиться). вино (любой спиртной напиток), мясо (говядина).

Большинство таких локализмов связаны с расширением или сужением лексического значения слова.

Разновидности просторечия и региональные особенности речи архангелогородцев практически не изменены, в связи с чем исследование городской речи на местном материале представляется актуальным и перспективным. Интересные результаты могут быть получены при сопоставлении языковой ситуации двух городов: Архангельска и Северодвинска.

Л.А.Савёлова
(Северодвинск)

РЕКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ЧАКОЛА

Диалектный материал, собранный в деревне Чакола Пинежского района Архангельской области во время научно-исследовательской экспедиции, проводившейся в рамках программы «Культурный ландшафт русского Севера», позволил наметить некоторые пути изучения лексики русских говоров и тем самым обозначить новые возможности комплексного и разнопланового обследования русской (и, в частности, северной) деревни. Выбор темы «Река» для первичного изучения лексики говора жителей деревни Чакола и выявление особенностей их картины мира был обусловлен социальной, исторической и культурной значимостью местонахождения диалектоносителей. Беседы с информаторами так или иначе, ассоциативно или тематически затрагивали вопросы, связанные с рекой. Это объясняется тем, что деревня Чакола — древнее русское поселение — расположена на берегу Пинеги. Контакты с соседями, занятость населения, профессиональный выбор, питание во многом связаны с этой рекой. Она была и остается неотъемлемой частью судьбы многих поколений Чаколы.

При отборе лексических единиц для выявления и воспроизведения тематической группы со значением «река» мы исходили из понимания диалектного слова как употребления, не входящего в систему литературного языка, отдавая предпочтение непротивопоставленным диалектным явлениям, так как именно они имеют особую ценность для выявления своеобразия картины мира диалектоносителей. В составе темы вычленяются микротемы (лексико-семантические группы — ЛСГ). Например, ЛСГ со значением 'берег' представлена такими словами, как *камешник* — «каменистый берег реки», *щелья* — «крутой, обрывистый берег», *увал* — «увал — это крутой обрыв, и вода под ним темная, глубокая», *вымоина* — «вода просачивается под берег, или промоина скажут», *присада* (присад) — «вновь намытый берег». ЛСГ со значением «состояние воды в реке, вызванное природными условиями» включает следующие слова: *рекостав* — «замерзание воды в реке» («рекостав-то

начинается, так опять забереги появляются»), *ледяница* — «первый подъем воды на реке, основной ледоход», *пенница* — «второй весенний подъем на реке, связанный со снеготаянием на малых притоках», *коренница* — «третий весенний подъем воды на реке, связанный со снеготаянием» («коренная — отживут все родники-то»), *слуз* — «вода, замерзшая поверх льда», *шелуха* — «мелкий лед на реке» («шелуху понесло»), *шуга* — «первый весенний лед со снегом». Вычлениются также ЛСГ со значением «характер дна и течения реки», «хозяйственное использование реки» и др.

Установленные ЛСГ и тематическая группа в целом не претендуют на абсолютную полноту, так как обследовалась речь представителей только одной возрастной группы (65-80 лет) и, кроме того, было ограничено время знакомства с говором.

Как видно из приведенных примеров, основу ЛСГ составляют имена существительные, что не позволяет, однако, делать преждевременные выводы о специфике языковой и концептуальной картин мира носителей данного диалекта, а зависит во многом от характера задаваемых вопросов.

Есть основания предполагать, что в процессе изучения диалектной лексики возможно выделение доминантных тематических групп, определяющиеся относительно высокими частотностью и регулярностью употребления слов-квалификаторов. Частотность и регулярность связаны, в свою очередь, со своеобразием мировосприятия диалектоносителей, которое формируется под влиянием определенных экстралингвистических факторов. Мы пришли к выводу, что в подвергнутой исследованию частной диалектной системе «река» является связующей, своего рода универсальной (позволяющей выйти на другие) темой. Так, она связана с темами «Водоёмы», «Промыслы», «Поверья», «Пища» и прочими и является организующей микромир носителей говора.

При подобном подходе к изучению диалектного материала основная задача собирателя — воссоздать диалектную картину информатора, чтобы наиболее точно выявить объем семантики слова, предусмотреть все компоненты значения, фиксируемые в различных контекстах. В связи с этим особую важность приобретает знакомство с экстралингвистическими факторами, помогающее верно ориентироваться в беседе и являющееся одним из условий так называемого «метода включения в языковое существование».

ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА МИКРОТОПОНИМОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Существование микротопонимических систем, на наш взгляд, обусловлено следующими факторами:

- 1) близостью расположения микротопонимических объектов относительно пункта, обозначенного исходным топонимом;
- 2) широкой известностью микротопонима внутри микрорайона;
- 3) хозяйственной и социальной значимостью в жизни местного населения.

Под микротопонимами мы понимаем наименования болот, урочищ, полей, покосов, ручьев, колодцев, пожней, лесов, холмов, дорог, мелких речек и т.п. Исходными единицами в микротопонимических системах того или иного района мы считаем наименования мелких населённых пунктов.

Микросистема населённого пункта — это не только отдельные микротопонимы, но и их связи — парадигматические, синтагматические, эпидигматические, а также осознание и оценка их носителями языка.

Так, в процессе анализа нами выделены следующие группы микротопонимов:

а) отражающие связь объекта с человеком (в их основе могут быть фамилии, имена владельцев, посвящения, социальное положение, хозяйственная деятельность, национальная принадлежность, оценка и т.д.). Ср.: *Федина павна* («павна» — трясина, топкое место на болоте), *Парасино болото* (у пос. Усть-Поча), *Власов Мох* (болото между деревнями Свиноё и Чолма);

б) отражающие свойства и признаки самого объекта (форму, величину, время образования, рельеф, географическое положение, качественные признаки, фауну, флору и т.д.). Ср.: *Велика Гора* (холм у д. Шанникова) — размер, *Гладуха* (поле у д. Минина) — внешние признаки (ровная поверхность);

в) отражающие отношение объекта к другому объекту. Ср.: *За Гурбиной Избой* (поле у д. Спицына), *Загорочье* (поле у д. Качикова Горка);

г) отражающие несколько мотивов. Ср.: *Мелкуха* (поле у д. Глушева) — размер и отношение, *Колобушка* (поле у д. Шанникова) — форма и отношение и др.

В основе системности микропонимов лежит и метонимический перенос наименования с одного объекта на другой. Ср.: *д. Плахино* — поле Плахино. Может сформироваться микропонимическое гнездо: поле Плахино -- ручей Плахинский и болото Плахинское и т.д.

Микропонимические системы сёл и деревень характеризуются пестротой состава, но в них четко выделяются два пласта: до- и послереволюционный. Старые наименования характерны для природных объектов (лугов, полей, прудов, болот и т.д.), новые названия носят объекты, созданные человеком (отдельные строения, сооружения, дороги, магазины и т.п.). В состав микропонимов географические термины могут входить то как нарицательные номенклатурные имена, то как часть структуры имени собственного. Ср.: *Тимощельская курья* («курья» — залив реки, протока), *Волчий шарок* («шар» — протока, берущая начало в реке и в неё же впадающая) и *Велика Гора, Белое Поле, Власов Мох, Гришина Горка* и т.д.

Наличие терминов обуславливает необходимость решения ряда семантических проблем. Так, семеме «холм» соответствуют лексемы «горбыш» «горбыль», «взлобок», «слобок», «пригорок», «сугорок», «угор», «горб», «сельга» и др. Но каждая из лексем что-то конкретизирует, выделяет специфические черты объекта. Например, «взлобок» — невысокое, крутоватое возвышение местности без близкого спуска, чем и отличается от «холма» (высшая точка негористой местности). Может произойти расширение значения географического термина. Например, «остров» — это не только суша, окруженная водой, но и сухая возвышенность на болоте, полуостров, лесная делянка; «гора» — это всё, что выше уровня моря, реки; «рыбник» — это не только место, где много рыбы, но и место, где чего-либо много (например, ягод, грибов). Характерной чертой микропонимической системы является детерминологизация географических терминов в составе имени собственного. Ср.: *поле Деревеньки, поле Горка, болото Болото, пожня Лухта, поле Горбы*.

Микропонимы тесно связаны с общественной жизнью, традициями, культурой, языками народов, населяющих данную местность. Это региональный фрагмент дифференцированной языковой картины.

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Исследование специальной лексики на начальном этапе складывания русского национального языка (конец XVII — начало XVIII в.) — одна из важнейших проблем современной русистики.

Специальная лексика, являясь частью национального языка, отражает его основные особенности, но в то же время обладает в указанный период специфическими чертами. Заметим, что «динамическое развитие языка, выработка норм, их кодификация наиболее интенсивно протекали при формировании новых терминологий». Поэтому при анализе олонечкой горнозаводской терминологии (см.: Юдина Т.М. «Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси (на материале деловой письменности Олонечких заводов конца XVII — начала XVIII в.)». — Вологда, 1996) возникала необходимость решения сложных теоретических проблем в комплексе, например: раскрыть процессы терминологизации, рассмотреть системные связи в терминологии, монологемные номинации и их функциональные синонимы и др.

Специфика материала определила два основных аспекта исследования: семасиологический и ономасиологический. Исходной основой для анализа номинативных единиц (НЕ) в нашей работе послужила теория номинативной деривации (Никитович 1985; Мурзин 1984; Кубрякова 1986; Мигирова 1980 и др.).

Семасиологический подход является уже традиционным в работах по исторической лексикологии; ономасиологический же подход (номинативная деривация) — сравнительно новый в подобных трудах — позволяет показать специфику номинативных рядов в конце XVII — начале XVIII в. Ономасиологический подход позволяет наряду с монологемными терминами описать и составные наименования (СН), и фразовые наименования (ФН), показать существование в изучаемой терминологии элементарных и сложных номинативных рядов (НР), а также синонимических рядов (СР). Ср., например:

СР: *гора, яма, дудка, рудная дудка, шахта* в значении «названия вертикальной горной выработки; шахта»;

в значении «специалист, умевший отыскивать руды, добывать их; знаток руд» и др.;

СР: *доктор* (1672) — *опытный мастер* — *опытчик* (1704) — *пробирный мастер* — *пробный мастер* (1722) — «мастер, производящий опыты с целью исследования качества руды» и др.

Деление номинативных вариантов по НР и СР сыграло положительную роль при анализе большого и разнородного по тематике и структуре материала, где «НЕ репрезентируют структуры разных уровней». НЕ, выделенные на основе теории номинативной деривации, позволили рассмотреть номинативную системность.

Исследование свидетельствует о том, что тенденции терминологической номинации, отмечаемые в современных терминосистемах, берут свое начало в ранних периодах развития национального языка. Думается, что можно удачно применить довольно новое направление номинативной деривации к исследованию различных, в том числе и современных, терминосистем.

ПЕДАГОГИКА РУССКОГО СЕВЕРА

*И. П. Панфилова
(Северодвинск)*

СЛОВАРНАЯ РАБОТА В ШКОЛЕ НА УРОКАХ ЧТЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О РУССКОМ СЕВЕРЕ

Север... Суровый край... Отчий край... Как важно нам и нашим детям понимать и любить его неброскую красоту, ценить неповторимую культуру поморов, владеть емким и образным северным словом. Дети с удовольствием читают на уроках сказы Б.Шергина, проникаясь его любовью к родной северной земле, вслушиваются в непривычный нам говорок героев сказок С.Писахова, чутко откликаются на переживания Н.Рубцова о нашей холодной, суровой зиме. Все чаще и чаще на уроках чтения в начальных классах мы обращаемся к литературе Русского Севера, прививая детям интерес и любовь к природе родного края, его истории; к людям, стойким, мужественным, отважным.

Однако восприятие художественных произведений будет неполным, если мы не привлечем особого внимания детей к северному слову — не научим их замечать незнакомые слова в тексте, раскрывать их значение, самим использовать в речи. В произведениях, которые мы предлагаем для чтения младшим школьникам, встречается много диалектных слов, архаизмов, фразеологических оборотов, специальная лексика рыбаков, лесорубов. Без объяснительной работы учителя смысл произведения может быть понят детьми неточно, не в полной мере. Поэтому нам не обойтись без включения в урочную работу элементов лингвистического анализа художественного текста, цель которого, по словам Л.Щербы, — «показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и... эмоциональное содержание литературного произведения» [1].

Младшим школьникам вполне доступен поверхностный уровень собственно лингвистического анализа (в фонетическом, лексическом и грамматическом аспектах), задача которого — объяснение лексического значения, фонетических особенностей, грамматических форм и т.д.

Прежде всего отрабатывается «узнавание» детьми незнакомых слов в тексте. На важность развития у школьников умения видеть незнакомые слова указывал ещё К. Ушинский, утверждавший, что «дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения, ... всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета» [2].

Обращаем внимание детей на те слова, значение которых не может быть понято из контекста, например, «взводень», «закуржавели», а также известные нам слова, но употребленные в устаревшем значении, например, полдень — «юг», полночь — «север» (словарь В.Даля). Привлекаем внимание детей к словам, которые могут быть поняты из контекста, но обладают определенными особенностями, например, «карбас», «комара», «сполохи», «распута», «пенница» и т.д. Дети открывают для себя новое значение слова, что помогает им лучше понять смысл произведения и воспитывает интерес к словарной работе. Приведем фрагмент подобной работы на примере произведения Б.Шергина «Двинская земля» [3]. Читаем первые строки: «Родную мою страну обходит с полуночи великое Студеное море — Седой океан. От Студеного океана на полдень развеличилось Белое море...» Спрашиваем детей, все ли им понятно? Привлекаем внимание к словам «обходит с полуночи», «на полдень развеличилось», просим объяснить их значение. После детских попыток обращаемся к словарю В.Даля и знакомим детей с устаревшими значениями этих слов.

Работая с многозначными словами, можно использовать такой методический прием: предложить детям из набора значений слова выбрать самое, на их взгляд, уместное или то, какое, по их мнению, предполагал автор. Например, «гарь» — это и выгоревшие леса, и пожарища, все горелое, молодая поросль на пепелищах. Дети обсуждают, какое из этих значений больше всего подходит к контексту.

Следующий этап работы — понимание слова в контексте словосочетаний. Предлагаем детям объяснить, как они понимают словосочетание «полуденные края». Следующее задание: а как поморы могут называть северные края? («полуночные края»). То есть привлекаем антонимы, подбираем синонимы, просим составить предложения с определенными словосочетаниями. Важно, чтобы дети не только знали лексику Севера, но и употребляли её в своей речи, использовали в рассказах о прочитанных сказках, стихах (в устной или письменной формах).

Подобная работа с текстом позволяет повысить речевую культуру детей, развивает у них чувство языка и стиля, учит понимать и ценить с художественной точки зрения литературные произведения, дает возможность глубже понять Русский Север, его историю и культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Щерба Л.В. Избранные работы. — М., 1957. — С.97.
2. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. — М.;Л., 1949. — Т. 6.
3. Морянка. Сборник материалов о Русском Севере для чтения в начальных классах / Под ред. проф. Э.И.Николаевой. — Северодвинск, 1996.

РЕБЕНОК СЕВЕРА. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

1. Специалистами по изучению феноменов культуры русского Севера отмечается тот факт, что «у поморов особый психический склад», отличающий их как от жителей средней полосы, так и от «северного крестьянина-землевладельца». Мужчин, например, отличает «чувство собственного достоинства, свобода действий, независимость, живой ум, сдержанность и понятие своей личности» [В.В. Ануфриев]. Кроме того, учеными собраны и проанализированы богатейшие материалы языкового феномена Севера (фольклорные традиции), подтверждающие «особость» языка взрослого помора.

Язык маленького помора конца XIX — начала XX в. (сказки различных жанров, дневник Яши Пронина) формировался в русле тех же традиций.

2. В конце XX века возможности изучения детской речи значительно расширились (интеграция смежных наук, технические средства, расширение видов и сфер общения и т.п.). Учет этих факторов поможет изучению проблемы формирования языковой личности ребенка, живущего на Севере.

3. Исходной единицей сбора и изучения материала должно стать не столько отдельное слово, сколько сам текст (дискурс) ребенка. Только в дискурсе и через дискурс можно обнаружить скрытые механизмы действия языковых подсистем русского языка, связанных с процессами «формирования правил номинации (которые по истокам своим синтаксичны)» и с процессами «формирования правил предикации» [Кубрякова В.С.].

4. «Психичность» детского слова, с одной стороны, имеет общее с «психичностью» взрослого слова («Знакомясь с предметами внешнего мира посредством ощущений, мы никогда не переживаем одного какого-нибудь ощущения отдельно от других» — Ушаков Д.Н.) — материальность восприятия явлений окружающего мира; с другой стороны, для ребенка, в отличие от взрослого, характерно «стремление высказать только что услышанное» [Гумбольдт].

5. Язык используется ребенком в разных целях: в целях прагматики и в целях «номинализации». Изучение каждого ИЗ изданных аспектов использования языка ребёнком имеет свои трудности: прагматика связана с познавательным, эвристическим, «номинализация» связана со всем спектром познавательных интересов ребёнка.

6. Для описания, изучения и выявления путей формирования языко-

вой личности ребенка, живущего на Севере, предлагается примерный ВОПРОСНИК:

1. Фамилия, имя ребенка, дата, год, место рождения. С какого времени живет в г. Архангельске, Архангельской области?

2. Родители, возраст, социальное положение: студент, педагог, инженер, рабочий, безработный и т.п. Кто больше времени проводит с ребенком.

3. Посещает ли Ваш ребенок детский сад, детский лицей? С какого возраста?

4. Какие телевизионные передачи смотрит ребенок? Как часто?

5. Отношение Вашего ребенка к рекламе? Какие рекламы нравятся? Почему? Как это объясняет сам ребенок? Что комментирует в рекламе Ваш ребенок: содержание или оформление? Как он это делает?

6. Смотрит ли ребенок передачи Архангельского телевидения? Какие? Как часто? Нравятся ли эти передачи ребенку? Почему?

7. Что нового вносит ребенок в известные тексты: сказки, считалки, загадки, пословицы, стихи и т.п.

Запишите текст, например, загадки и текст-комментарий ребенка. Как ребенок объясняет свои вставки, изменения в тексте? При записи речи ребенка пользуйтесь обычными буквами русского алфавита. Например: «ниська» (книжка), «тять» (гулять), «маталёк» (молоток). Если Вы сомневаетесь в точном понимании детского слова, то в скобках напишите свой «перевод» со знаком вопроса. Не забывайте ставить ударение. Указывайте возраст ребенка (например, «4,5», что следует понимать как «четыре года и пять месяцев»). Желательно осуществлять длительное, постоянное наблюдение за ребенком, фиксировать материал в тот же день, так как он быстро забывается. Записывайте не только, что сказал и как сказал ребенок, но и всю ситуацию общения (кто? где? когда? что? о чем? как? почему? и т.п.).

*И.Ф.Полякова
(Северодвинск)*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЧУВСТВА РОДИНЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В работе «Путь к очевидности» русский философ Иван Ильин писал: «Есть предметы, которые воспринимаются только глазами (цвет, свет), которые доступны только уху (звук, пение, музыка), подобно этому есть предметы, которые могут быть восприняты, пережиты и приобретены только любовью (будь то любовь чистого инстинкта или любовь, прокаленная духом). К таким предметам относится родина» [С. 248].

Опрос учащихся начальных классов Архангельской области выявил, что 47,9% детей понимают значение слова «Родина» как место, где родился; 30,2% — страна, где родился и живешь; 20,1% — считают, что это Земля, Север, Мир и др. ответы; 1,8% различают, что есть «большая» и «малая» родина.

На вопрос «Как называется твоя Родина?» дети ответили: Россия — 59,3%; указали название страны и место рождения — 1,7% учащихся или только место рождения — 23,2%; другие ответы (СНГ, СССР, Москва, Земля, Мир и пр.) дали 13,3% учащихся; не знают ответа — 2,5% детей.

Анализ анкет позволяет сделать вывод, что у большинства младших школьников еще не точно сформировано понимание значения слова Родина.

Детям также задавались вопросы, выявляющие понимание ими значения слов «любовь к Родине». Вопрос: Как ты понимаешь слова «любовь к Родине»? Ответы детей: глубоко уважают; думают о ней; чувства человека к Родине, к месту, где родился, живет и умрет; любит Родину больше, чем другие страны, готов отдать жизнь за нее и др. Не смогли ответить — 17,4% учащихся. Вопрос: За что люди любят свою Родину? Ответы детей: родились, выросли, живут здесь; на Родине лучше, чем в других странах; за то, что она есть; Родина как мать; Родина кормит людей; за красоту и др. Не смогли объяснить — 14,9% учащихся. Вопрос: Как, с помощью чего человек может выразить свою любовь к Родине? Ответы детей: своим трудом; своей жизнью; своими чувствами; защищать от врагов; помогать людям; не уезжать из страны; озеленять, не засорять ее; создавать новую технику и др. Не смогли дать ответа — 22% учащихся.

Вопрос: Передай свое отношение через рисунок (песню, стихотворение и др.). Сделай это так, чтобы всем стало понятно твое отношение к Родине. В основном дети выразили свои чувства вербально, отметив, что любят свою Родину как мать, всем сердцем; восхищаются ее красотой; хотят защищать ее; заботиться о ней, но были, например, и такие ответы: «У меня к Родине чаще бывает прекрасное чувство, но иногда ужасное, в эти моменты мне не хочется жить»; «У меня очень грустное чувство»; «Хочу уехать со своей Родины» и др. (8,3%). Не смогли ответить — 6,7% учащихся.

Для выявления отношения к Родине нами был использован невербальный способ опроса: «Представьте, что мы улетаем на Марс и на Землю не сможем вернуться несколько лет. Чтобы нам легче было перенести разлуку, мы сделаем рисунок самого дорогого места на Земле и возьмем его с собою в полет». 57,9% детей нарисовали свою квартиру, дом, уголок родного города, игровую площадку во дворе, в детском

парке; 16,8% — природу родного края (море, лес, реку, дачу); 8,4% — школу; 3,4% — планету Земля, машину, собаку и др.

П.П.Блонский предложил следующую формулу формирования национального самосознания: «человек — член племени — член нации — член человеческого рода». Современная интерпретация «член племени» может включать родной край с его неповторимыми особенностями. Такая последовательность изучения социально-исторических и культурных ценностей соответствует психологическим особенностям школьников, сначала лучше усваивающих наиболее близкое и доступное для их понимания.

С целью изучения знаний учащихся начальных классов о родном крае нами было проведено анкетирование, обобщенные результаты которого представлены в следующей таблице:

Знания детей (%):								
	о названиях областного города	о реках области	о городах области	о писателях, поэтах	о знаменитых людях	о промыслах и ремеслах Севера	об ист. событиях края	Средний показатель интеллект. критерия
Городские школы	81,3	50,7	74,7	14,7	40	46,7	6,7	45%
Сельские школы	58,5	66	50,9	12,2	11,8	17,6	5,8	31,8%
Итого	69,9	58,4	62,8	13,5	25,9	32,2	6,3	38,4

Анализ показывает, что средний показатель интеллектуального критерия сельских школьников ниже среднего показателя интеллектуального критерия сельских учащихся.

Дети недостаточно знают историю края, северные ремесла и промыслы, среди знаменитых людей края им известно, в основном, только имя М.В.Ломоносова, единицы назвали фамилии капитана Воронина, героев Великой Отечественной войны Торцева и Чеснокова, академика Макеева. Учащиеся почти не знают писателей, поэтов своего края, ими были названы фамилии Ломоносова, Шергина, Писахова, при этом дети не указывают на их произведения (за исключением некоторых учащихся).

Уровень знаний учащихся о родном городе или поселке представлен в следующей таблице (%):

	Дата образования населенного пункта	Памятные места	Знаменитые люди	История населенного пункта	Средний показатель интеллектуального критерия
Учащиеся начальных классов с. Нёнокса	37,9	60,3	17,2	31	36,8
Учащиеся начальных классов г.Северодвинска	36	58,7	18,7	24	34,4
Итого:	37	59,5	18	27,5	35,5

В данном средний показатель интеллектуального критерия учащихся сельской школы несколько выше, чем у городских школьников. Это, на наш взгляд, объясняется подготовкой Неноксы к празднованию своего 600-летия, в ходе которой идет обращение к исторической памяти жителей поселка. В школе оформлены стенды, раскрывающие историю Неноксы, экспонирующие фотографии известных людей, чьи имена связаны с историей села, края, страны.

Когда будущее в тумане, взор обращается к прошлому. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» (А.Пушкин) — эта идея любви к Родине должна стать духовной основой школы. Задача воспитания чувства Родины очень сложная, она, безусловно, не сводится только к накоплению у учащихся знаний о Родине. Философ Ильин писал, что тактичный воспитатель может пробудить в ребенке настоящий патриотизм, но для этого необходимо «не проповедовать, а исповедовать любовь к Родине, доказывать ее делами, полными энергии и преданности», воспитатель «должен как бы вправить душу ребенка в духовный опыт Родины, вовлечь ее в него и приучить ее пребывать в нем и творчески расцветать в нем», тогда «патриотическое самоопределение осуществится свободно и непосредственно» [Путь к очевидности. — С. 228].

ХАРАКТЕР ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕТЕЙ 4-5 ЛЕТ О ПРЕКРАСНОМ И БЕЗОБРАЗНОМ (вербальный уровень)

Стремление к красоте, к прекрасному — одно из самых сильных человеческих стремлений. Основываясь на одном из положений культурно-исторической теории развития Л.С.Выготского, можно утверждать, что ребёнок станет членом общества, если он освоит ценности этого общества, и в том числе то, как в нём понимают прекрасное и безобразное. Поэтому актуальным является изучение содержания представлений дошкольников о прекрасном и безобразном.

Определение категорий прекрасного и безобразного мы находим в работах В.В.Брегадзе, М.П.Гальперина, А.А.Колантара, Э.Г.Красностанова, Е.Т.Лихачева и др. В общем виде прекрасное понимается эстетиками как гармоничное единство формы и содержания в предметах, явлениях природы, общества, в человеке и его деятельности. Противоположностью прекрасного является категория безобразного, понимаемое как разрушение прекрасного, гармонии, его деградация и распад. По мнению многих философов, прекрасное является объединяющим звеном всех эстетических категорий. Лишь благодаря ему безобразное получает смысл и приобретает эстетическую значимость.

Доступно ли понимание прекрасного и безобразного детям дошкольного возраста? Что они называют красивым? А что для них безобразно? Данные Т.В.Соколовой, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, показывают, что «красивое» очень значимо для ребёнка 3 — 6 лет, оно занимает 29 позицию из зафиксированных в активном (пассивном) словаре детей.

Изучением данной проблемы в русле формирования эстетического восприятия занимались психологи Л.С.Выготский, Е.М.Теплов, С.П.Рубинштейн, П.М.Якобсон. Известны исследования А.И.Сорокиной, М.В.Вовчик-Блакиной, Н.А.Ветлугиной, которые рассматривали педагогический аспект проблемы. В последние годы появились и методические работы Т.С.Комаровой, Н.А.Куручкиной, О.Дроновой, И.Лерищевой, Т.Лепихиной. Актуальность проблемы исследования определяется необходимостью более глубокого изучения путем приобщения ребёнка к основным общечеловеческим ценностям.

Всё сказанное и определило замысел исследования, его цель и методику. Данная работа осуществляется в рамках проекта «Мир глазами ребёнка — рубеж тысячелетий: Баренц-регион».

Одной из задач исследования является изучение особенностей представлений детей о прекрасном и безобразном на вербальном уровне. Необходимо выяснить, дифференцируют ли дети 4 и 5 лет предметы и явления природы, деятельность и поступки людей по принципу красивого и некрасивого.

В эксперименте принимали участие 30 детей 4 лет и 30 детей 5 лет детских садов г. Архангельска и Северодвинска. В индивидуальной беседе каждому ребёнку предлагалось ответить на вопросы: «Назови самое красивое (некрасивое), что ты знаешь. Почему ты считаешь, что это красиво (некрасиво)?»

Нами была допущена некоторая условность в применении терминов «прекрасное» и «безобразное». Мы заменили эти термины на более близкие ребёнку понятия «красивое» и «некрасивое». В эстетическом понимании «прекрасное» — высшая ступень красивого, но для ребёнка, вступающего в жизнь, более привычно слово «красивое», чаще применяемое в речи, но по сути отражающее тот же феномен. Опыт исследования этих понятий представлен в исследованиях А.И.Сорокиной и О.Дороновой, И.Левищевой.

Полученные в результате эксперимента данные свидетельствуют о том, что дети назвали достаточно большой круг предметов, которые, по их мнению, являются красивыми (табл. 1).

Таблица 1.

Содержание представлений детей 4 и 5 лет о прекрасном

Возраст детей	Колич. детей	Выявленные группы предметов и явлений (%)						
		3	4	5	6	7	8	9
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Средняя группа 4 года	30	30	25	20	10	10	5	-
Старшая группа 5 лет	30	10	25	25	20	-	-	20

Группы предметов: в графе 3 — игрушки, 4 — явления природы, 5 — предметный окружающий мир, 6 — поступки и качества людей, 7 — сказочные персонажи, 8 — явления искусства, 9 — чувства и эмоции людей.

Анализ данных показал, что для детей 4 лет самыми красивыми являются игрушки (30%). Основной мотив выбора — возможность действовать, манипулировать с ними. Лена Д. (4,4): «Кукла красивая, потому что мне нравится с ней играть». У детей 5 лет игрушки названы красивыми лишь в 10% случаев. Их мотивы мало отличаются от четырёхлеток, но старшие дети могли оценить игрушку и по внешним при-

знакам. Яна К. (5,9%): «Кукла Барби красивая, потому что у неё красивое нарядное платье».

Одинаковое предпочтение (по 25%) дети обоих возрастов отдали *явлениям природы*. Но дети 4 лет чаще называли красоту динамическую. (Люба Н. — 4,9): «Белка красивая, потому что высоко прыгает», а 5-летки — красоту декоративную, отмечая в понравившемся явлении внешние характеристики. Лиля С. (5,5): «Розочка очень красивая, у неё листья разные и вкусно пахнет».

Полученные результаты показали, что почти четверть детей (20%) и 25% — пятилеток видят красивое в окружающем *предметном мире*. Дима Д. (4,1): «Магнитофон — он играет», Полина С. (5,4): «Книжка, она с красивыми картинками, её интересно читать». Из приведённых примеров видно, что дети оценивают красоту вещей с опорой на их полезность и занимательность. Для некоторых 5-летних детей основанием для выбора послужила не польза вещи, а красота её внешнего вида, особенно цвет предмета. Такое представление о красоте сближает содержание красоты вещи с красотой произведения искусства.

Ещё одна группа, выделенная детьми в качестве красивого, — *поступки и качества людей*, причём лишь 3 ребёнка 4 лет назвали красивыми поступки людей, а в старшей группе количество детей удваивается. Дима Д. (5,1): «Мальчики — они со мной играют». В ответах детей прослеживается тесная связь эстетических и нравственных представлений. Дима Н. (5,0): «Саша — он хороший, хочу быть его другом». Дети 5 лет особо выделили как «красивое» *эмоции и чувства людей* (20%), у четырехлеток не зафиксировано ни одного подобного ответа. В качестве красивых детьми отмечались такие глубокие душевные чувства, как любовь, радость, смех. Костя С. (5,3): «Самое красивое — это радость, потому что все люди улыбаются».

В группе детей 4-х лет в 10% случаев красивыми названы *сказочные персонажи*, в основном, это герои из знакомых стихов, сказок. Полина С. (4,1): «Петушок. Из сказки, потому что». 5% детей этого же возраста отметили красивыми и *явление искусства*, таковым стал мультфильм. Света И. (4,5): «Мультик — там очень смешно». Примечательно, что никто из детей 5 лет не признал красивым ни одного произведения искусства. Видимо, это связано с тем, что педагоги заостряют внимание детей на красоте танца, песни, сказки, картины и т.д.

Таким образом, анализ ответов на первый вопрос позволяет утверждать, что круг представлений детей 4 и 5 лет о красивом достаточно широк (дети 4 лет выделили 6 групп предметов и явлений, 5 лет — пять групп). Однако в них слабо отражена красота явлений искусства, дети совсем не отметили красоты труда и результатов трудовых усилий, красоты познания. Эти данные подтвердили выводы А.И.Сорокиной, ко-

торая проводила подобные исследование в 1963 году. Основной причиной Александра Ивановна считала недостаток в работе воспитателей, которые слабо раскрывают детям красоту труда, а занятия по рисованию проводят сухо и дидактично. Прошло более 30 лет, изменилась методика трудового воспитания, методика изобразительной деятельности, но почти не изменились представления детей о красивом. По-видимому, причина не только в методиках, но и в том, что эти ценности не становятся для ребёнка-дошкольника актуальными без целенаправленной глубокой работы взрослых и детей по достижению красоты во всевозможных её проявлениях. Поэтому так важны все изыскания теоретиков и практиков в этой области, развернувшиеся в последние годы. Исследование также доказало, что глубина представлений о красоте измеряется несколькими признаками. Дети 4 лет, в основном, ориентируются в оценках на содержательную сторону явлений, их мотивы часто слабо осознанны. У детей 5 лет появляется возможность ориентировки и на внешние признаки.

Каково содержание представлений детей о безобразном? В таблице № 2 показаны полученные в ходе исследования результаты. Анализ представленных данных показал, что на первом месте (по 30% детей обоих возрастов) называют безобразным некоторые явления природы. Четырёхлетние в ответах отмечают в основном внешние признаки предметов, а пятилетние дети выделяют ещё и то, что нарушает распорядок их жизни. Вика С. (4,4): «Жуки, они чёрные и кусаются», Маша К. (5,8): «Грязь — она мешает бегать по улицам». Были названы некрасивыми поступки и качества людей (в ср. гр. — 20%), в старшей — 25%). Некрасивы ложь, трусость, жадность, драки. Причём отношение дошкольников к этим характеристикам носит конкретный характер. Дима Д. (5,0): «Мальчик — он жадный, все пирожки один съел».

Таблица 2

Содержание представлений детей 4 и 5 лет о безобразном:

Возраст детей	Количество детей	Выявление группы предметов и явлений (%)						
		3	4	5	6	7	8	9
1	2							
4 года	30	30	20	20	15	10	5	-
5 лет	30	30	25	15	10	10	-	10

Группы предметов: в графе 3 — явления природы, 4 — поступки и качества людей, 5 — предметный окружающий мир, 6 — сказочные пер-

сонажи, 7 — явления искусства, 8 — игрушки, 9 — требования гигиены. Костя С. (5,3): «Плохо и некрасиво, когда обижают, потому что люди плачут». Как видим, дети считают такие поступки людей некрасивыми, потому что они противоречат знакомым им нормам поведения. При этом эстетические представления детей тесно связаны с этическими.

Некрасивыми *окружающими предметами* дети 4 лет (20%) назвали те, которые относятся к принадлежностям противоположного пола. Артур А. (4,2): «Бантики — они некрасивые, есть только у девочек». Дети 5 лет считают некрасивыми предметы, угрожающие или причиняющие неудобства. Денис К. (5,0): «Наклейки, из-за них все пачкается».

Небольшая часть детей (в ср. группе — 15%, в старшей — 10%) считают некрасивыми сказочных персонажей. Мотивы детей 4 лет при этом еще малоосознаны. Полина Я. (4,1): «Баба Яга — она живет в лесу». Ответы детей 5 лет более аргументированы. Полина С. (5,4): «Баба Яга — она плохая и страшная, обманывает добрых людей».

Явления искусства в равной мере отметили дети обоих возрастов (10%). В основном называлось то, что детям неинтересно, незнакомо, трудно для восприятия. Света И. (4,5): «Кино — оно длинное и скучное», Юля Т. (5,0): «Песенка непонятная, слов даже не разобрать».

Дети 5 лет оказались более критичными по отношению к *игрушкам* (10%). Некрасивыми названы те, с которыми неинтересно или неудобно играть, которые сломались или устарели. Эмин З. (5,8): «Старая машина — ее плохо катать». Для детей 4 лет некрасивых игрушек не оказалось, зато они заметили некрасивое в *нарушении требований гигиены*. При этом отмечались грязные руки, лицо, одежда. Вадик П. (4,3): «Слава самый некрасивый, потому что у него всегда грязная рубашка».

Таким образом, результаты эксперимента показали, что дети 4-5 лет способны на вербальном уровне дифференцировать предметы, явления природы, деятельность людей по принципу красивого и некрасивого. В качестве красивого оценили те предметы и явления, которые были близки, интересны, понятны. Некрасивым назвали то, что незнакомо, нарушает распорядок жизни. Эстетические представления носят наглядно образный характер, очень конкретно, связаны с непосредственными, яркими личными переживаниями. Суждения детей не развернуты, прослеживаются малый словарный запас при описании того или иного предмета, явления, события. Дети почти не выражают к ним своего отношения интонацией.

ПОМОРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА О РАЗВИТИИ ВОООБРАЖЕНИЯ РЕБЕНКА

Роль воображения в жизни человека гораздо шире и значительнее, чем мы привыкли полагать. Воображение пронизывает всю познавательную деятельность и общежитие людей, их взаимопонимание и сопереживание.

Традиционные формы общения, сложившиеся в поморской народной педагогике — это как раз совместная деятельность ребенка и взрослого с самого раннего возраста. В народных традициях зафиксированы приемы и средства создания для ребенка мнимых ситуаций, что является основой для развития воображения.

В народной педагогике существует несколько способов создания мнимой ситуации. Один из них — одушевление предметов при реальности действий. Мнимая ситуация складывалась за счет обращения к предметам как к живым. Широко использовалось нашими бабушками осуществление над самим ребенком мнимых действий (шутки с обманными движениями), драматизации в виде моделирования характерного поведения животных и людей, мнимые состязания ребенка с игрушкой или с живыми существами и т.д.

Непременное условие развития воображения — это умение приспособить для игры любой предмет (катушки, палочки, веточки, лоскутки и т.д.). Для того чтобы играть с такой игрушкой, ребенку нужно освоить общую стратегию обыгрывания вещи, умение извлечь информацию из любого предмета. Игрушки менялись по мере того, как подрастал ребенок. Их было немного (мячи, волчки, кубари, дудки, свистульки, куклы-панки, тележки, игровой инструментарий). Малое количество игрушек должно было стимулировать развитие воображения.

В опыте поморских народных воспитателей существовал большой набор приемов, которые развивали у ребенка умение обыгрывать предмет. Каждая игрушка являлась импульсом к действию, требовала живого участия. Чисто созерцательных игрушек не было. Игрушка никогда не была доведена до такой степени законченности, чтобы с ней нечего было делать.

С самого раннего возраста игра с игрушкой основывалась не только на переносе предмета в новые условия, но и на переносе значения предмета. Большую роль в развитии воображения ребенка играла также народная манера сказывания фольклорных произведений. Содержание потешек, сказочек иллюстрировалось сначала совместными действиями взрослого и ребенка, а не картинками. Действия иллюстрации ус-

ловны, они помогают представить события и изобразить их, повысить интерес к игре, к сказке.

С раннего возраста детям на ночь начинали петь колыбельные или рассказывать. Здесь манера повествования, распева была другой — неторопливой, ритмичной, без излишней выразительности. Ребенок ставился перед необходимостью представить содержание песни или рассказа, а не действия. Тишина, полумрак, неподвижность — все это способствовало созданию образов воображения.

Развитие аффективного воображения осуществлялось посредством проигрывания ребенком переживаний. В основном они связаны с переживанием страха. Наши предки организовывали такие игры, которые способствовали изживанию страха. Это игры в страшилки (страшные истории, сказки).

В народной педагогике также заложены элементы обучения моделированию. Ребенка постоянно приучали повторять на игрушках все, что делает он сам. В этих повторах формировался механизм игрового моделирования: модель — объектные отношения [Н.Н.Подъяков]. Только таким способом формируется самостоятельная, инициативная игра.

Складыванию игрового образа способствовало использование игрушек-самоделок, которые создавались взрослыми на глазах у детей или самими детьми.

Таким образом, в поморской народной педагогике существовало множество приемов развития воображения у детей, начиная с самого раннего возраста. На этом построены забавы и розыгрыши, управление поведением ребенка, предметная и сюжетно-ролевая игра.

*Е. В. Михайленко
(Архангельск)*

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ ПРОГРАММЫ «ОДАРЕННЫЙ РЕБЕНОК»

Национально-региональный компонент — это, в некотором роде, ставка на благополучное будущее страны, края. Будущее закладывается через обучение и воспитание детей.

Ученые, педагоги ищут пути решения поставленных задач, создавая специальные программы или обогащая содержание уже имеющихся краеведческим и патриотическим материалом. Реализовать национально-региональный компонент путем обогащения содержания можно в рамках дифференцированной программы «Одаренный ребенок», целью которой является развитие творческого потенциала личности.

Содержание программы является междисциплинарным: основное обобщение по теме года рассматривается и доказывается через различные области знания. Междисциплинарность позволяет предлагать детям тексты с информацией о художниках и композиторах Севера, о писателях и поэтах края; из жизни ученых и видных общественных деятелей, повлиявших на судьбы Севера. Например, в курсе «Изменение» (первый год обучения по программе «Одаренный ребенок»), подбирая факты для доказательства гипотезы Гераклита о том, что «все течет, все изменяется», учащиеся сравнивают памятники северного зодчества и современные архитектурные сооружения, язык поморских сказок и сказок современных писателей-северян. Обращаются к изучению тех изменений, в науке и искусстве, которые связаны с М.В.Ломоносовым.

Эта работа ведется систематически, причем расширяется и углубляется из года в год, из курса в курс. Так, в курсе «Влияние» — второй год обучения, — доказывая обобщение «Деятельность лидера может оказывать особое влияние на все сферы жизни», учащиеся работают с материалами о жизни и деятельности великого помора М.В.Ломоносова, поэта Н.Рубцова, художника Ф.Шубина. А в разделе «Влияние окружающей среды» им предлагается доказать и развить гипотезу о том, что различные типы окружающей среды влияют на развитие культуры — языка, пищи, одежды, жилища, обычаев, нравов народа. Так, изучая особенности природного окружения народов Севера и народов Африки, а также особенности костюма или жилища этих народов, устанавливают связь между особенностями природного окружения и особенностями одежды или жилища и делают выводы о влиянии природного окружения на одежду, жилища людей.

Кроме того, глобальный характер тем и проблем для изучения, междисциплинарный подход позволяют устанавливать связи между фактами из различных областей знания, что создает целостную картину мира, глубокое понимание учебного материала.

Об этом свидетельствуют ответы учащихся. Например, при определении Севера, кроме внешних («холодный», «болотистый»...), дети дают глубокие внутренние характеристики: «чистый», что связано с историей края; «надежный», что соотносится с качествами поморов. Кроме того, важно, что ребенок открывает, что значит эта информация для него, каково его отношение к изучаемому. Читая стихотворение второклассника, хочется верить в то, что у Севера большое будущее.

О, милый мой Север! Ты светлый и чистый.
Природой неброский. Душою лучистый.
Горжусь, что родился я сыном твоим,
Поморский мой край, как ты мною любим!

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В последние десятилетия во всем мире и в нашем многонациональном государстве расширился межнациональный и межкультурный контакт, привнесший много положительного в жизнь разных народов. Но наряду с этим наблюдается и ряд возникших проблем — этнические конфликты, ставшие в стране повседневной реальностью, усилившаяся в связи с этим миграция населения и т.п.

В этой связи в работе с детьми появляется необходимость усиления внимания к воспитанию интереса к жизни как своего, так и других народов, доброжелательного и уважительного отношения к людям любых национальностей. Это важно и по тем соображениям, что именно в дошкольном возрасте начинает формироваться отношение к себе и окружающему миру.

В ходе исследования мы убедились в том, что эту работу следует начинать через воспитание уважения и любви к своему народу, к своей Родине, к своим традициям и затем идти к познанию культуры и традиций других народов («Я и мир вокруг меня»).

Специальные научные исследования по проблемам межнациональных отношений свидетельствуют о том, что внутренние причины, вызывающие неадекватность межэтнического восприятия, объясняются неуверенностью в позитивности образа «мы — группы», что и порождает негативное отношение к чужому образу жизни и мировосприятию, отличному от картины мира, принятой в собственной этнической группе (Н.М.Лебедева). Эмпирические данные психологов также подтверждают связь этноцентризма с уровнем позитивной этнической идентичности своей группы: причины, порождающие этноцентризм, лежат в разрушении этнического сознания и самосознания группы. Члены этнической группы, неуверенные в позитивности образа своего этноса, приписывают причины своих собственных трудностей и, в связи с этим, негативные качества другим этническим группам (В.П.Левкович, И.Б.Андрушик).

Исходя из этого, считаем необходимым формировать у детей чувство гордости за свой народ при одновременном уважении к людям иной национальности, их культуре и традициям.

Экспериментальные данные по г.Северодвинску подтверждают необходимость ведения данной работы: 97% от числа опрошенных детей не знает национальности своих родителей, 95% — не могут аргументировать свою принадлежность к той или иной национальности, 10% —

выразили явную недоброжелательность к приезжим в Северодвинск «черным людям».

Исходя из этого, в работе с детьми следует идти от понимания своей принадлежности к определенной этнической группе, к осознанию возможности существования в добрых с тобой отношениях людей других этнических групп, ибо «самопонимание способствует пониманию других» [Стоунквист].

*Т.Е.Карпова
(Северодвинск)*

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУКЛЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

«Маленькая тряпичная кукла — это хранительница глубоких традиций, она обогащает наш духовный мир и несет тепло и радость в сегодняшний беспокойный день» (О.Рудометова, Каргопольский музей).

В народной культуре детям отводилось особое, привилегированное место. Они были постоянными и полноправными участниками различных праздников и обрядов. К играм детей взрослые относились с уважением, никогда не останавливали начатой игры, не разрушали игровых построек, не выбрасывали кукол. Детские игры даже наделялись магической силой: считалось, что они могут вызвать урожай, богатство, счастливый брак. Если же дети небрежно обращались с куклами, это предвещало неприятности и даже беды.

Готовясь стать матерью, женщина изготавливала куклу и укладывала ее в колыбель еще до рождения ребенка. Кукла считалась оберегом, она отгоняла злых духов, оберегала детский сон и поэтому была неразлучна с детьми. Едва только девочки подрастали, они сами пытались изготавливать простые, «несшитые» куклы. Приемы их изготовления очень разнообразны, как разнообразны и сами материалы, используемые для создания кукол. Часто их просто скручивали из ткани, но иногда основой служило дерево, солома или глина. Игра с куклой включала в себя обязательное общение и поэтому способствовала формированию речи у ребенка.

Девочки постарше изготавливали более сложных, сшитых кукол, так как умели уже владеть иглой. Одежда такой куклы, как правило, отражала все особенности традиционного взрослого костюма. Она создавалась из тех же тканей, что и взрослая, сохраняла не только географические, но и половозрастные, сезонные различия, особенности праздничного и повседневного костюма. Для более старших детей кукла была

предметом, при помощи которого осуществлялось знакомство с взрослым миром, формировалось этническое самосознание, передавался исторический опыт.

Кукла выполняла еще одну важную функцию — трудовую. Девочки получали навыки шитья одежды, плетения поясов, изготовления головных уборов для куклы. Являясь предметом постоянной заботы со стороны девочек, кукла служила обучению ведению хозяйства. Кроме того, уже с семилетнего возраста девочка могла быть няней в чужой семье, и умение сделать куклу для ребенка было просто необходимым.

Следует сказать еще об одной важной функции куклы — она являлась покровительницей женского плодородия. Среди тряпичных кукол чаще встречаются именно женские персонажи. Куклы-мужчины были очень условны, они напоминали скорее знаки кукол. Выходя замуж, женщина забирала с собой корзину или сундучок с куклами. Они должны были способствовать рождению и благополучию собственных детей [5. — С. 88].

Кукол часто дарили на свадьбу, они считались символом девичьей красоты, хранительницами домашнего очага. Существенное значение для передачи традиции имели игры детей с куклами, например, игра в свадьбу. В коллекции Государственного этнографического музея особое место занимают комплекты самодельных кукол для таких игр. Исследователи отмечают, что особенно интересные экспонаты поступали с начала 1900 года из Архангельской губернии, именно здесь изготовление тряпичной куклы было доведено до совершенства [3. — С. 17]. Можно сказать о недостаточной изученности сюжетных детских игр с куклами. Известна лишь работа Левиной И.М., где тщательно зафиксирована вся игра в свадьбу пинежских детей [2. — С. 201].

Итак, кукла, как и другие игрушки, — пластичный и многогранный инструмент народной педагогики, позволяющий с первых дней ввести ребенка в осязательное соприкосновение с природой при помощи натуральных материалов (дерева, глины, соломы ткани). Она художественно объясняет простую мудрость мироустройства, вводит в ежегодно повторяющийся календарный цикл и в важнейшие фазы человеческой жизни, издавна связанные с обрядами. Через куклу происходит освоение бытия конкретного этноса, введение в его культуру, формирование в девочке матери, воспитательницы, хранительницы домашнего очага, вовлечение в непрерывную традицию народного творчества путем собственного участия в изготовлении игрушек с самого малого возраста, а главное — воспитание творческого отношения к миру. Традиционная кукла напоминает людям о том, что кроме роботов и компьютеров есть высокая простота жизни человека в гармонии с природой, что это не-

обходимая основа для полноценного бытия на земле. «И как знать; может быть, стоящая посреди безнадежного разора с пригоршней наивных деревянных и глиняных игрушек в руках Россия не так уж безнадежно отстала и смешна. Быть может в этих игрушках детство будущего человечества!» [4. — С. 14].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Дайн Г.Л. Русская народная игрушка. — М., 1981.
2. Левина И.М. Кукольные игры в «свадьбу» // Крестьянское искусство СССР. 1928. — Кн. 2.
3. «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. — Л., 1991.
4. Соловьев В.Я. Тихий голос русской игрушки // Народное творчество. — №1. — 1996.
5. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М., 1995.

*О.В.Сидоркович
(Северодвинск)*

ПОДГОТОВКА ВОСПИТАТЕЛЯ К РАБОТЕ ПО ПРИОБЩЕНИЮ ДОШКОЛЬНИКОВ К КУЛЬТУРЕ ПОМОРЬЯ

Великий немецкий педагог Адольф Дистервег говорил о том, что при воспитании необходимо принимать во внимание условия места и времени, в которых родился и живет ребенок, а также всю современную культуру в широком смысле слова, в особенности культуру страны, являющейся родиной ребенка.

В данном подходе заключен глубокий педагогический смысл. Речь идет о синтезе двух культур: общечеловеческой и национальной.

Первым шагом в освоении ребенком богатства мировой культуры становится национальная культура. Национальная культура Поморского Севера впитала в себя общечеловеческие ценности и вместе с тем приобрела черты неповторимого своеобразия (Т.А.Бернштам, К.П.Гемп, Т.С.Буторина). Это придает особую окраску культуре Поморья и делает ее важным средством воспитания детей в условиях современного общества.

К настоящему времени проблема приобщения детей к национальной культуре не получила достаточного отражения в теории и практике педагогики.

Ретроспективный анализ позволяет прийти к выводу, что программные документы не ориентировали педагогов на воспитание у дошкольников интереса к национальной культуре. Известная идеологическая

направленность определила недостаточное внимание к вопросу формирования у дошкольников знаний о культуре Поморья.

Воспитание до недавнего времени являлось идеологическим средством. Ориентируясь на конечную, высшую цель, моделировался некий образец-ориентир, к которому должно стремиться в реальных жизненных ситуациях. В русле общей политики идет формирование общности «советский народ». В партийных документах говорилось о формировании новой исторической общности советского народа, о стирании границ между городом и деревней, между национальностями, между регионами. Из всего этого многообразия культуры выбиралось то, что укладывалось в рамки этой идеологии. Поэтому одновременно дети в Архангельске, в Киеве, Москве, Минске слушали одни и те же русские народные сказки, пели одни и те же народные песни, рисовали на одни и те же темы. Забвение своих исконных корней становилось принципом воспитания. «Обязательным» являлось то, что диктует «Программа воспитания и обучения в детском саду», а остальное зависело от интуиции педагога. В разделе «Ознакомление с окружающим миром» была поставлена задача: «учить различать по внешнему виду и называть растения, наиболее распространенные в данной местности». К концу года дети должны знать название города, деревни, где живут, улицу, на которой расположен детский сад, и т.д. Знакомя с близким окружением, игнорировали специфику региональной культуры (несмотря на то, что Поморье представляет собой исключительно богатый памятниками искусства, архитектуры, фольклора и различных народных промыслов край).

Остается неразработанной система приобщения детей дошкольного возраста к национальной культуре Поморья. Это обедняет процесс духовного созревания и снижает эффективность педагогического процесса в дошкольных учреждениях.

В последнее время, с развитием демократических и гуманистических идей, воспитатели все чаще обращаются к истокам национальной культуры. Они охотно экспериментируют в этом направлении, собирая краеведческий материал.

Позитивно, что данная проблема интересует педагогов-практиков. Существенным недостатком является то, что работа носит стихийный характер: нет единой региональной программы, нет отбора содержания, методов и приемов для работы с детьми дошкольного возраста. При этом декларируется необходимость использования регионального компонента в образовании дошкольников.

Очень важной проблемой становится подготовка воспитателей к работе по приобщению дошкольников к культуре Поморья.

Анализируя литературу, мы не нашли ни одного исследования, где бы раскрывалось, какими знаниями и умениями должен владеть воспитатель для ознакомления детей с национальной культурой Севера (хотя имеется около двухсот кандидатских диссертаций о воспитании детей на народных воспитательных традициях Узбекистана, Грузии, Якутии, Армении, Татарии).

Исследования доказывают, что от уровня сформированности у педагога знаний, умений и навыков зависят знания, умения и навыки детей (Ю.К.Бабанский, С.И.Архангельский, Н.В.Кузьмина и др.). Теоретическая неразработанность этой проблемы ведет к серьезным недостаткам в осуществлении педагогического процесса в детском саду. Недостатки в значительной мере обусловлены низким уровнем подготовки воспитателей по данной проблеме.

*Л.К.Бахтина
(Северодвинск)*

«ЯРКАЯ ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ» В СКАЗКАХ С.ПИСАХОВА (из опыта работы учителя)

Мы живем на земле Беломорья. Что такое для нас Север? Это богатейшая история и культура, традиции народной эстетики и педагогики, которые должны быть востребованы в деле образования и воспитания подрастающего поколения.

Сегодня немыслимо говорить о духовном возрождении России без учета национальных и культурных особенностей, присущих каждому региону.

Беломорье — это не только необъятные просторы, это «география души», особенное мироощущение, внутренний духовный фактор жизни человека. Север как категория религиозно-философская, этическая на глубинном, потаенном уровне определяет праосновы русской духовности.

Учитель-словесник призван давать не только литературное образование, но и решать вопросы нравственного воспитания. И в решении этой непростой задачи особая роль принадлежит литературному краеведению, которое возвращает ученика к нравственным истокам своей «малой родины», своего региона, вызывает чувство гордости за то, что почвой, материалом, стимулом для создания подлинно художественных произведений служит и жизнь, и природа родных мест. Без этого невозможно становление гражданина. Но при этом важно, чтобы целевая установка делалась не на воспитание «местного патриотизма», а на то, чтобы ощутить родной край как частицу большой нашей Родины.

Российская культура и российская литература питались талантами, рожденными провинцией. Северная земля щедра на таланты, вырастила замечательных писателей и поэтов. Но особенное место в их ряду занимает *Степан Григорьевич Писахов*, архангельский сказочник.

Душа северянина наиболее полно отразилась в сказках. Сказки Писахова с их мажорной тональностью вызывают живой интерес младших подростков.

Изучение сказок в 5-6 классах природосообразно, так как соответствует общим законам природы младшего подростка. Одни дети, которые лишены духовного общения с родителями, открывают в сказке законы жизни, основанные на принципах любви и добра. Для них сказка — это спасение, раковина, в которую они могут спрятаться от действительности. Для других сказка — это гармония со своим мироощущением. Но всегда русская сказка — это мир добра и красоты на стыке реального и фантастического.

Одним из основных вопросов при ознакомлении с творчеством С. Писахова является своеобразие его восприятия учащимися 5-6 классов. Наблюдения, проведенные мной, показали, что эти сказки младшим подросткам нравятся, читаются ими с удовольствием и интересом.

Но писаховская сказка — это сказка литературная, сугубо оригинальная. Так, как Писахов, не писал больше никто. Темы сказок он брал из народной жизни, а сюжеты придумывал сам. Сказ у Писахова ведется от имени одного рассказчика, Сени Малины, который является героем большинства сказок, представителем определенной среды, носителем моральных качеств северянина-труженика. В стилизованной речи Малины переданы фонетические особенности говора северян (*жона, андели, ковды* и т.д.), своеобразная интонация, лексика, грамматические отклонения (*работат, гулят, гостьба, снежны вехи, северно сияние* и т.д.). Но главное — неповторимая образность. Писахов делает это без утрирования, с тем чувством меры, которое и есть подлинное искусство. Но все же язык архангельской «говори», которым написаны эти сказки, современные младшие подростки воспринимают с трудом, и установка на чтение необходима.

В ходе установки на чтение идет ознакомление с жизнью сказочника. Дети узнают о нелегкой судьбе Степана Григорьевича, его любви к северному краю, где он родился и прожил жизнь. Они, вглядываясь в портрет сказочника, запоминают, что за стариковской внешностью он прятал бедность, от которой страдал смолоду, скрывал свою болезненную стеснительность, неровности характера, иногда чересчур вспыльчивого. «Злящий старик» — так архангелогородцы с улыбкой называли Писахова, хотя в напускную свирепость его не верили. Основой ха-

рактера сказочника была искренность. Нечестных, жадных людей он чувствовал за версту. Это истинно поморская черта характера. В беседе с детьми стоит вспомнить, что такой же добротой и трудолюбием отличаются их бабушки и дедушки, обратить внимание на незыблемую ценность этих человеческих качеств.

Известность пришла к Писахову как к художнику, пейзажисту, но сегодня его имя мы в основном связываем со сказками. В 5-6 классах трудно говорить о том, что тоталитарное государство воздействовало и на сказочника. И он мучался вечным вопросом о конформизме. Писал не только по социальному призванию, но и по социальному заказу, при этом не отрекаясь от свободы духа. Например, образ попа Сиволдая — это не глумление над верой, а беспощадная сатира на тех священников, которые позорят свой сан. У Писахова мы не встретим слово «бог», но нравственный потенциал его сказок огромен. Он вполне согласуется с десятью христианскими заповедями. «Настоящая любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не мыслит зла...».

Так, в сказке «Снежны вехи» Сеня Малина взялся уминать снег кверху не потому, что в лес за вехами лень ехать было, а из желания сделать что-то необычное, порадовать людей. Созданная Малиной красота, посеянное им добро расцвело благоуханными цветами людской красоты и благодарности: «Девки и бабы в полном согласье за руки взялись. Вся дорога расцвела». К девушкам этой деревни стали сватья наезжать: «Всякой деревне лестно было с Уймой породниться». «Наши уемски — народ совестливый», — читают дети. А взять в дом совестливую невестку — большое счастье. Совестьливость — это трудолюбие, скромность.

При обзоре сказок на занятиях, предваряющих уроки внеклассного чтения, следует обратить внимание детей, как сказочник рисует образ «зловредной Перипилихи»: без злобы и гнева, но с подковыркой. Ругань, зависть, корысть на Севере всегда считались не только грехом. Они были невыгодны. Активное противостояние таким свойствам характера не приносило семье ничего хорошего. Надо было уступить, забыть обиду, ответить добром или промолчать.

Дети, увлеченные творчеством С.Писахова, в 5-6 классах читают много больше заданного, поэтому круг обязательного чтения к уроку целесообразно очертить. Для моих учеников в 5-м классе в этот список входят сказки: «Не люблю — не слушай», «Модница», «Как наряжаются»; в 6-м «Снежны вехи», «Северно сияние». Цель урока в 5-м классе — определение связи северной народной и писаховской сказки, нравственных основ этих сказок, развитие устной речи учащихся. Методика этих уроков предполагает умения и навыки, которые должен вырабатывать ученик 5 класса на уроках литературы.

В 6 классе восприятие художественного произведения глубже. Младшие подростки находятся на пути взросления, задаются непростыми мировоззренческими вопросами. Лейтмотив преподавания литературы в 6-м классе — человек и другие люди, идеи и побуждения, во имя которых он совершает поступок, наконец, человек в сложных взаимоотношениях с самим собой.

Следуя схеме анализа литературных произведений, на уроках внеклассного чтения определяются тема, идея, тональность произведения, проблематика, идет разговор о средствах художественной выразительности (причем в 5-м классе не стоит стремиться к полному раскрытию художественных особенностей сказок). Но главное — дети спрашивают сказку, и она отвечает им.

- Что воспевают Писахов в сказках?

Дети без труда находят ответ: эти сказки воспевают жизнь, могущество человека, красоту Севера;

- В чем истинная красота человека?

Красота человека в его близости к родной земле, душевном ладе с самим собой, людьми.

- Какое время года с особенным удовольствием описывает сказочник?

- Зиму.

- Почему? — допытывается учитель

И вместе ищут ответ. Северная зима — это чистота и ясность. С зимой связано ощущение некой духовной озаренности. Зима и в деревне, и в городе прекрасна, несмотря ни на что. Как будто кто-то накрыл все невидимым покровом, словно белой скатертью.

Так и сказки С.Писахова вносят в душу ребенка ясность и понимание очень важных вопросов бытия. Что есть добро и что есть зло? Что есть красота? Как строить человеку отношения с людьми? Из наивных детских ответов кристаллизуется вывод: «Счастье человека в его внутренней гармонии и окружающим миром, ладе с самим собой».

Заключительный этап ознакомления младших подростков со сказками С.Писахова — сочинение сказки по модели писаховской (в 5-м классе — это создание «произведений» фольклорного типа).

Анализируя сказки, созданные детьми, интересно отметить: сказка является своеобразным срезом душевного состояния ребенка. В большинстве работ дети проявляют добрые чувства, добрую волю и понимание того, что основой жизни является следование принципам человеческого общежития: любви к ближнему, единению с природой, ладу с самим собой.

Современным детям в сказках трудно воссоздать архангельскую «говорь», использовать писаховское словотворчество. Стоит предупредить учеников от искусственной стилизации языка архангельского края. Здесь должны присутствовать вкус и мера.

Достоинства сказок, написанных детьми, несомненны: используется прием сказа, гипербола, мастерские присказки и концовки и, без сомнения, есть чувство художественного вкуса.

Сказка «Наше северное солнце»

Антон Кремлева (12 лет, 6 класс)

«Было это давно, в старопрежнее время. В ту пору зима на дворе стояла. У нас на Севере зимы холодны. Все лета ждут, чтобы солнце выкатило.

Как покажется, мужики матеру лестницу строить начинают. Молод-ки тот час тесто на северодвинской воде месят. Каждая хозяйка свою лестницу имеет, по ней к солнцу и ползает. Взгромоздят лестницу на облако, залезут и начинают блины печь. Да разные пекут! Кто с дырочкой, а кто и узор чудной придумает.

Солнце жарко палит, блины теплы да румяны получаются. Много солнце в них свету вкладывает. Напекут, а потом долгу зиму сами едят да гостей угощают. На всех солнечной силы хватает. Вот какое наше северное солнце!»

Сказка «Зимни каникулы»

Евгении Кузнецовой (12 лет, 6 класс)

«В нашем Архангельском крае есть деревни, краше которых нет на всей земле.

Начались зимни каникулы, ну и поехали мы под Новый-то год в деревню стариков навестить. А в деревне-то красотища! Лес точно в бархате. По веткам белка прыгает, меж кустов заяц бегаёт. Ребята снежну бабу лепят, визжат, хохочут. Только глаза-то приделали, а она и пошла окаянная.

Ребятишки кричат: «Куды тебя понесло?» А снеговик идет себе прямехонько в лес. Ребята в голос режут: «Пропал наш снеговик». День прошел, а наутро одна девка за водой пошла. Идет, песни распевает, ведрами размахивает и вдруг обомлела. Возле колодца-то снежна баба стоит целехонька, а в руках-то большу елку держит. Всем людям на радость. Будто с Новым годом поздравляет. Девка на елку водой плеснула, и так малиново ярко осветило елку-то.

Радости нам было на все зимни каникулы!»

Уроки развития речи, на которых звучит анализ написанных сказок, и родительское собрание, где я представляю творческие достижения детей, — итоговые моменты ознакомительной работы с творчеством С.Писахова.

Через 2 года мы будем отмечать 120-летие со дня рождения С.Г.Писахова (родился 24 октября 1879 года). Неоспоримо нравственное воздействие на младших подростков этого сказочника, прославляющего духовное величие и смирение, братство и артельность, на которых извечно стоит Север.

Сказки С.Писахова являются достоянием, которое целесообразно использовать в деле образования и воспитания, включая эти сказки национально-региональным компонентом в программу по литературе.

*Н.В.Виноградова
(Архангельск)*

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА

«Отличительной особенностью современного этапа развития общества является духовно-нравственное оскудение в отношениях людей к природе, самим себе, разрушение среды обитания, ослабление культурной оседлости и, как следствие, потеря национального самосознания, национальной гордости» (Вавилова).

В связи с этим все более остро ставятся проблемы сохранения духовных традиций народа как средства сохранения нации, приобщения детей к духовным традициям русского народа. К сожалению, новым поколениям остается все меньше фольклорного богатства Севера. Этот увлекательнейший пласт русской народной литературы обойден вниманием со стороны министерских программ. «Программа воспитания и обучения в детском саду» предлагает педагогам определенный подбор русских народных сказок, русских народных песен, попевок. Но мы не обнаружили в ходе своей работы по теме ни одного упоминания об авторах или произведениях северных литературных традиций. Обязательным являлось то, что диктует программа, а остальное зависело от интуиции и знаний педагога. А так как ни в училище, ни в институте воспитатели не получали знаний по рассматриваемой проблеме, то и дети, не зная, оставались равнодушными к своим национальным традициям. К счастью, этой проблемой занимаются у нас в регионе педагогическая наука и практика. Ведутся научные исследования по проблеме и в нашем институте. Так, например, старший преподаватель И.Ф.Полякова работает над темой «Воспитание чувства Родины у младших школьников» на материале детской литературы Русского Севера. Издано учебное пособие «Морянка» для учеников начальных классов, включающее материалы для чтения произведений Севера.

Одним из ведущих принципов, определяющих содержание национально-регионального компонента, является принцип культуросообраз-

ности, суть которого еще в XVIII веке определил немецкий педагог Дистервег, как необходимость принимать во внимание «условия места и времени, в которых родился человек и предстоит ему жить».

В составе культуры Русского Севера — декоративно-прикладное искусство, устное и музыкальное народное творчество, обряды, традиции, широкое развитие получили народные промыслы, деревянное зодчество, резьба по кости.

Однако самый большой и непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры — это слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер.

Детская литература является одним из действенных средств воспитания подрастающего поколения. Невозможно переоценить воспитательное значение первых книг, которые окажутся перед глазами ребенка. Книги для дошкольников служат воспитанию первых общественных навыков и формированию личности, книги призваны расширять представления о мире, знакомить с природой и вещами, которые окружают ребенка, они помогают активно овладевать речью, чувствовать красоту и выразительность родного слова, они знакомят с историей народа, воспитывают нравственно и эстетически. Детская литература Русского Севера выполняет особую роль в воспитании и образовании ребенка. Хочется подчеркнуть значение литературы нашего региона для ознакомления с нравами и обычаями, общим укладом жизни своего народа, в приобщении к духовным традициям, к нравственно-эстетическим ценностям Русского Севера. Яркую картину архангельского Поморья, показывая Русь новую и Русь уходящую, представляют: Мария Кривополенова, Марфа Крюкова, Борис Шергин, Степан Писахов, Алексей Чапыгин, Николай Клюев, Николай Рубцов, Федор Абрамов, Николай Жернаков, Ольга Фокина, Александр Михайлов, Юрий Горбунов, Иван Полуянов, Василий Шельгин, Феликс Лев и многие другие авторы.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОР РУССКОГО СЕВЕРА

<i>Новиков Ю.А. (Вильнюс)</i> УНИФИКАЦИЯ ПЕЧОРСКОЙ БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ	3
<i>Кулагина А.В. (Москва)</i> ПОЭТИКА ГОРОДСКИХ ПЕСЕН	9
<i>Вотинцева О.Н. (Северодвинск)</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ	12
<i>Дианова Т.Б. (Москва)</i> ТРАДИЦИОННАЯ ФОРМУЛА «КОРАБЛЬ В МОРЕ» В СОСТАВЕ НЕОБРЯДОВОЙ ЛИРИКИ РУССКОГО СЕВЕРА	14
<i>Добровольская В.Е. (Москва)</i> ЗМЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ	16
<i>Дранникова Н.В. (Северодвинск - Архангельск)</i> КОРРЕЛЯЦИЯ ПЛЯСОВОЙ ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ КАК ОДНОЙ ИЗ ЕЕ ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ	21
<i>Кондратьева В.Г. (Архангельск)</i> КЛЕЙМА И НАДПИСИ НА БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ ПОМОРЬЯ	24
<i>Крашенинникова Ю.А. (Сыктывкар)</i> ПРИГОВОР СВАДЕБНОГО ДРУЖКИ ВИЛЕГОДСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	25
<i>Лойтер С.М. (Петрозаводск)</i> ОБ ОДНОМ МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МОТИВЕ (ВОДА) В ТРАДИЦИОННОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	29
<i>Матонин В.Н. (Архангельск)</i> ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ КРЕСТЬЯН ПООНЕЖЬЯ (XIX-XX вв.)	32
<i>Низовцева С.Г. (Сыктывкар)</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЖАНРА ЗАГАДКИ ВИЛЕГОДСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	34

<i>Пигин А.В. (Петрозаводск)</i>	
ЖАНР «ОБМИРАНИЯ» И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. С. ВИНОГРАДОВА	37
<i>Разумова И.А. (Петрозаводск)</i>	
ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРЕЛОМЛЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ	39
<i>Русанов А.В. (Верхняя Тойма)</i>	
ЗАГОВОРЫ. ИХ БЫТОВАНИЕ НА ВЕРХНЕЙ ПИНЕГЕ	43
<i>Чуракова Н.Н. (Архангельск)</i>	
ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕСТЫ РУССКОГО СЕВЕРА. ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ	46
<i>Фирсова Л.Д. (Архангельск)</i>	
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII — XIX вв.	47
<i>Шелег В.А. (Архангельск)</i>	
КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЕ ЗОНЫ РУССКОГО СЕВЕРА	50

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Асадчик И.Д. (Архангельск)</i>	
ФЕСТИВАЛЬ «ЖЕМЧУЖИНА СЕВЕРА»	52
<i>Быстрова Е.А. (Северодвинск)</i>	
К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И НОВИЗНЕ В РАБОТАХ ВЫПУСКНИКОВ ЛОМОНОСОВСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО КОСТИ	55
<i>Ивлева И.Е. (Архангельск)</i>	
СЦЕНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА	56
<i>Зорина Е.Е. (Северодвинск)</i>	
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ДЕТСКИМ ФОЛЬКЛОРНЫМ АНСАМБЛЕМ «МАКОВКИ»	58
<i>Клыков С.С. (Архангельск)</i>	
ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО (Опыт работы облметодкабинета по учебным заведениям культуры и искусства)	59
<i>Козинская Л.Г. (Архангельск)</i>	
ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ЖИВАЯ КУЛЬТУРА	60
<i>Мымрин В.Л. (Шангалы)</i>	
ПРАЗДНИК ТРОИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ	62
<i>Насонова Г.В. (Архангельск)</i>	
РЕБЕНОК И РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА	63

<i>Пашкова З.Г. (Карпогоры)</i>	
О СЕГОДНЯШНЕМ И БУДУЩЕМ ПИНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРА	65
<i>Попова З.В. (Архангельск)</i>	
ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА В АРХАНГЕЛЬСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ	67
<i>Смоленская Л.А. (Карпогоры)</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПИНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ	68
<i>Ханталини Р.А. (Архангельск)</i>	
К ИЗДАНИЮ «ПОМОРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»	71

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ. ФОЛЬКЛОР. КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Козлов С.В. (Северодвинск)</i>	
К МЕТОДОЛОГИИ ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ	73
<i>Фомин Д.А., Козлов С.В. (Северодвинск)</i>	
СИМВОЛИКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ «ДОМ-ХРАМ-ГРАД» В ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XI в. 76	
<i>Рудалёв А.Г., Козлов С.В. (Северодвинск)</i>	
ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ «ПУТИ» В СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЯХ XI в.	78
<i>Огаркова Е.А., Козлов С.В. (Северодвинск)</i>	
СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА-СИМВОЛА	79
<i>Швецова Т.В., Козлов С.В. (Северодвинск)</i>	
ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ УЧИТЕЛЬНОЙ КНИЖНОСТИ	81
<i>Раменский О.Е. (Северодвинск)</i>	
АРХАНГЕЛЬСКИЙ ДУХОВНЫЙ ПАСТЫРЬ, ПИСАТЕЛЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ XVIII в. ЕПИСКОП ВЕНИАМИН (В. Ф. РУМОВСКИЙ-КРАСНОПЕВКОВ)	83
<i>Вольнская В.А. (Архангельск)</i>	
АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН (В. Н. СМЕРНОВ)	85
<i>Насонова А.В. (Сыктывкар)</i>	
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ	88
<i>Рыжова Е.А. (Сыктывкар)</i>	
ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ СИЙСКИЙ: КУЛЬТ СВЯТОГО В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ	90

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

<i>Баракова О.В. (Вологда)</i> О НАИМЕНОВАНИИ ТОРГОВОГО ЛИЦА В ТАМОЖЕННОЙ КНИГЕ г. ВОЛОГДЫ 1534-1635 гг.	94
<i>Вольнская А.В. (Архангельск)</i> АРХАНГЕЛЬСКИЕ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ XVII в. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	97
<i>Вольский К.П. (Плесецкий район Архангельской области)</i> ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА	98
<i>Головёнкина Л.Х. (Архангельск)</i> «КРУТЫЕ СЛОВЕЧКИ» И «КИРПИЧНЫЙ ЯЗЫК» (ЗАМЕТКИ О РЕЧИ ПОДРОСТКОВ)	100
<i>Морозова О.Е. (Архангельск)</i> РАЗНОВИДНОСТИ ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ АРХАНГЕЛЬСКА)	102
<i>Савёлова Л.А. (Северодвинск)</i> РЕКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ЧАКОЛА	103
<i>Сидорова Т.А. (Архангельск)</i> ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА МИКРОТОПОНИМОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	105
<i>Юдина Т.М. (Архангельск)</i> ГОРНОЗАВОДСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	107

ПЕДАГОГИКА РУССКОГО СЕВЕРА

<i>Панфилова И.П. (Северодвинск)</i> СЛОВАРНАЯ РАБОТА В ШКОЛЕ НА УРОКАХ ЧТЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О РУССКОМ СЕВЕРЕ	109
<i>Головёнкина Л.Х. (Архангельск)</i> РЕБЕНОК СЕВЕРА. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ	111
<i>Полякова И.Ф. (Северодвинск)</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЧУВСТВА РОДИНЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	112
<i>Вершинина Н.А. (Северодвинск)</i> ХАРАКТЕР ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕТЕЙ 4-5 ЛЕТ О ПРЕКРАСНОМ И БЕЗОБРАЗНОМ (вербальный уровень)	116

<i>Соловьева Т.А. (Архангельск)</i> ПОМОРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА О РАЗВИТИИ ВООБРАЖЕНИЯ РЕБЕНКА	121
<i>Михайленко Е.В. (Архангельск)</i> НАЦИОНАЛЬНО--РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ ПРОГРАММЫ «ОДАРЕННЫЙ РЕБЕНОК»	122
<i>Мязитова А.Р. (Северодвинск)</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	124
<i>Карпова Т.Е. (Северодвинск)</i> ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУКЛЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	125
<i>Сидоркович О.В. (Северодвинск)</i> ПОДГОТОВКА ВОСПИТАТЕЛЯ К РАБОТЕ ПО ПРИОБЩЕНИЮ ДОШКОЛЬНИКОВ К КУЛЬТУРЕ ПОМОРЬЯ	127
<i>Бахтина Л.К. (Северодвинск)</i> «ЯРКАЯ ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ» В СКАЗКАХ С. ПИСАХОВА (из опыта работы учителя)	129
<i>Виноградова Н.В. (Архангельск)</i> ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА	134